

Елена Говор

Русские анзаки

Вступление

«Хотелось бы всех поименно назвать...»^{*}

Эти слова Анны Ахматовой из "Реквиема" вспоминаются мне, когда в тихие утренние минуты я останавливаюсь у Вечного огня в Австралийском военном мемориале. В водоеме отражается огонь, а над ним - легкие арки галереи, на стенах которой высечены тысячи и тысячи имен австралийских солдат, павших в боях в Европе, Азии, Америке, Океании. Но для меня в последнее время имена эти перестали быть частью лишь австралийской истории и наполнились особым смыслом. Работая в австралийских архивах, я обнаружила, что среди героических анзаков во время первой мировой войны были и россияне, и не один-два десятка, как я предполагала вначале, а сотни, возможно целая тысяча. И каждый шестой из них погиб в Галлиполи и в Палестине, Египте и в Англии, во Франции и в Бельгии. Это целый забытый пласт истории русской Австралии и австралийской истории в целом.

Первым натолкнул меня на поиски русских анзаков бывший фронтовик Петер Метсер, уроженец о-ва Саарема (Эзель) у побережья Эстонии. В 1919 году, жалуюсь премьер-министру Англии Ллойд-Джорджу на притеснения, которым подвергаются россияне в Австралии после войны, он, в частности, писал: "Мы, русские жители Австралии, проявили больше патриотизма по отношению к Британской империи, чем любая другая иностранная нация: мы послали 27% наших соотечественников сражаться в Великой войне и свыше 22% из них пали в Палестине, Египте, Галлиполи и Франции и уже никогда не будут наслаждаться теми свободами, за которые они отправились воевать."¹ Сначала мне это показалось полемическим преувеличением. Но о том же свидетельствовал и другой австралийский фронтовик, Вальтер Каласников (Калашников), уроженец городка Остров под Псковом: "Большое количество их [русских эмигрантов] ушло добровольцами на фронт, некоторые отдали свою жизнь, другие вернулись увечными и ранеными, и все они храбро сражались за демократию и свободу для всего мира. В сражении за Позьеро целая секция славного 9 батальона состояла из русских, и едва ли найдется хоть одно подразделение в Австралийской армии, в котором бы не было хотя бы нескольких русских добровольцев."² Дальше — больше. Оказалось, что Хаим Самойлович Платкин из Рогачева, в Белоруссии, по профессии театральный антрепренер, которого судьба забросила в Австралию,

^{*} Эти главы писались в процессе сбора материалов и работы над английской версией книги. Главы публиковались в журнале "Австралиада" (Сидней) на протяжении 2001-2006 годов. Вследствие этого они, особенно первые четыре главы, в значительной степени отличаются от окончательного варианта книги и не отражают детальную статистику и исследования, которые были сделаны автором в последующие годы.

даже вел переговоры с австралийскими военными о создании специальной русско-австралийской части в составе Австралийской армии.³

Задумав собрать сведения обо всех россиянах, служивших в Австралийской армии в годы первой мировой войны, я обратилась к архивам. Лучшим источником для поиска таких сведений являются личные досье военнослужащих, хранящиеся в Национальном австралийском архиве. Такое досье заводилось на каждого при вступлении в армию (даже на тех, кто вследствие различных обстоятельств не был отправлен на фронт). Проблема в том, что это личное дело можно получить лишь зная имя солдата и его служебный номер. К счастью, архив начал работу по помещению этих дел в свою компьютерную поисковую систему ANGAM, что дает возможность находить тех солдат, кто при вступлении в армию указал Россию местом своего рождения. Но из-за отсутствия средств проект этот был приостановлен на букве G (в ANGAM введены фамилии на буквы A-F и частично на буквы W-Z). Однако обращение даже к этим буквам (а они ведь не особенно характерны для русских фамилий, то ли дело буквы K-T!) позволило мне сделать приятное открытие. Оказалось, что Метсер совсем не преувеличивал, когда говорил, что россияне проявили больше патриотизма, чем любая другая иностранная нация. Действительно, в Австралийской армии среди уроженцев неанглоязычных стран уроженцы Российской империи были наиболее многочисленными (оговорюсь еще раз, что речь пока идет не обо всех солдатах, а только о тех, фамилии которых начинаются на упомянутые выше буквы). Итак, на нынешний день ANGAM регистрирует в составе Австралийской армии уроженцев Англии - 23097 человек, Ирландии - 2852, Новой Зеландии - 2105, Канады - 392, **России - 282**, США - 269, Швеции - 146, Франции - 98, Норвегии - 96, Италии - 68, Швейцарии - 30, Бельгии - 33, Испании - 20, Греции - 17. Да, даже сухая статистика иногда может вселять гордость за своих соотечественников!

И ведь 282 человека - это далеко не все. Но как же найти россиян, фамилии которых начинаются на другие буквы? Оказалось, что и для этого существует несколько источников (так и хочется иногда сказать - "Да здравствуют австралийские бюрократы!"). В конце 1915 года русский генеральный консул в Австралии Александр Николаевич Абаза обратился в Министерство обороны Австралии с письмом, в котором уведомлял, что Российский Император приказал, чтобы все русские резервисты в возрасте от 21 года до 38 лет незамедлительно вернулись на службу. Если же они находятся за границей и не могут вернуться в Россию, то им следует вступить в ряды армий союзнических стран. В связи с этим Абаза просил, чтобы военное ведомство информировало его обо всех русских подданных, как принятых в Австралийскую армию, так и подавших заявления, но не принятых.⁴ (Любопытно отметить, что Абаза числил русскими подданными и натурализовавшихся россиян до тех пор пока те не получили официального лишения гражданства от Российского Императора, а просить об этом им, конечно, не приходило в голову!). В то время австралийские власти относились к союзнической России с большим уважением и просьба консула была уважена. В начале 1916 года на все австралийские призывные пункты был разослан циркуляр "Призыв в армию русских резервистов", согласно которому местное начальство в начале каждого месяца должно было составлять отчет обо всех русских подданных, вступивших в армию на протяжении прошедшего месяца. Эти списки затем собирались в Министерстве обороны и копия сводного списка направлялась русскому консулу. Эта практика продолжалась на протяжении двух лет - до начала 1918 года, когда Абаза сложил с себя полномочия генерального консула, а Россия вышла из войны. Конечно, эти списки далеко не полны, каким-то образом сведения о многих русских ускользали от внимания офицеров на призывных

пунктах, да и русские фамилии часто в них перевраны до неузнаваемости, но все-таки этот источник позволил мне выяснить имена еще нескольких сот русских анзаков, вступивших в армию в 1916-17 гг., а также составить список лиц, подавших заявления в армию, но не принятых по двум причинам: "не годен по состоянию здоровья" и "недостаточно владеет английским языком" (таких за эти два года было учтено 130 человек).

И, наконец, в архиве Австралийского военного мемориала есть еще два источника для поиска россиян, которыми я сейчас и занимаюсь. Это Nominal Roll - огромный алфавитный список всех австралийских солдат, служивших в армии за границей. В нем, среди 324 тысячи имен, прячутся и русские имена. Просматривая его сплошь, буква за буквой, можно выловить несколько сот фамилий славянского происхождения. Дело это трудоемкое, и я пока дошла лишь до буквы М... Второй список - это Embarkation Roll, он составлялся при отправке за границу частей и подразделений австралийской армии, в нем, в отличие от первого списка, указывалось вероисповедание, а также место жительства ближайших родственников каждого военнослужащего. Просмотр этого списка по этим колонкам тоже дает богатый улов, но и здесь я пока успела просмотреть лишь четверть карточек. Надо подчеркнуть, что оба эти списка не включают имен россиян, служивших в армии на территории самой Австралии (а их было не мало).

Итак, "поименно назвать" абсолютно всех российских анзаков можно будет, лишь когда Национальный австралийский архив получит средства для помещения сведений об их личных досье на ANGAM. (И Бог весть когда это будет!) Но все-таки, надеюсь, что мой поиск, который я планирую завершить через несколько месяцев, даст уже довольно точную картину, и к этим уточненным данным мы еще вернемся на страницах "Австралиады".

Пока же приведем первые статистические сведения. На настоящий момент мною учтено 749 уроженцев Российской империи, служивших в составе Австралийской армии. 130 из них (около 17%) погибли в бою или умерли от других причин во время службы. 163 человека среди них служили только в тыловых частях.

«Что в имени тебе моем...»

И еще немного статистики - иногда статистика оказывается удивительно интересной вещью! – на этот раз о территориально-национальном происхождении российских солдат.

Русские вместе с украинцами и белорусами составляли 28%

Уроженцы Прибалтики (за исключением славян и евреев с этих территорий) – 26%

Финны – 25%

Евреи (включая евреев с территории Польши и Прибалтики) – 10%

Поляки – 7%

Уроженцы Кавказа (нерусского происхождения) и татары – 2%

Англичане и французы, родившиеся на территории Российской империи – 1%

Это национальное разнообразие подводит нас к вопросу о том, кого же считать русскими, когда мы говорим о "русских австралийцах", об истории "русской Австралии". Для статистики, конечно, в первую очередь важна "паспортная", формальная национальность. При таком подходе русские, как видим, не составляли даже трети всех российских анзаков (примерно такая же пропорция их была и в целом среди всех иммигрантов из Российской империи). Однако, в своем исследовании я предпочитаю брать за ориентир этническое самосознание человека. В отличие от паспортной национальности этническое самосознание - вещь чрезвычайно сложная и тонкая, а часто и неоднозначная. Судите по себе - при одних обстоятельствах мы, русские, живущие в Австралии,

отрекомендуемся австралийцами, при других – русскими, а при третьих – подчеркнем свои этнические корни ("я-то русский, но одна моя бабушка была полькой, а другая с Украины, один дед, говорят, был греком, а вот у другого вроде бы была татарская кровь") или территорию, с которой мы происходим (харбинец, одессит, москвич), а то и социальную группу (например, казак). К сожалению, в архивных документах о российских иммигрантах редко есть прямое указание на такое этническое самосознание, и часто только исследование всей жизни человека позволяет определить, кем же его все-таки считать и кем он считал сам себя.

В некоторых случаях, конечно, сомнений не возникает – например с финнами или с православными русскими из исконно русских губерний России. Но как только мы оказываемся за пределами этих территорий, вопросов становится больше, чем ответов. Кем, например, мог быть Вадим Байдаков, уроженец Тифлиса, не указавший своего вероисповедания, или лютеранин Альберт Альфред Алексеев из Риги, или православный по имени Петер Джон Поттер из Саратова? Зачастую трудно провести грань и между русскими и украинцами, белорусами и поляками. Кто такой был Альфред Ян де Топор Маркович, уроженец поселка Марково в Белоруссии, который называл своих родителей русскими поляками? Кстати, когда уже после войны он привлек к себе внимание австралийских властей своей борьбой за права фронтовиков, он просто отказывался отвечать на досужие вопросы о своей национальности. Кем считал себя Александр Гедвилло, католик из Риги? Почему методист Паул Бернард Бевольский, уроженец Пярну, который записался эстонцем, носит славянскую фамилию?

С евреями тоже все не так просто. Конечно, на то, что человек еврей, указывает его религия, но ведь еврейская иммиграция представляла собой несколько миров, и у каждой группы степень отождествления себя с еврейством, русскими, поляками, англичанами была различна – это как бы несколько субэтносов среди людей, исповедующих одну религию.

И совсем уж неясно, кем были многочисленные уроженцы прибалтийских губерний или уроженцы России с нерусскими именами и фамилиями. Первое побуждение – считать их "не нашими", не имеющими никакого отношения к России, неверно. Вот казалось бы лютеранин Вальдемар Франц фон Кроебер – несомненно немец, да он и не скрывает, что его родители были немцами. И я бы его таковым считала, если бы не письмо от его сестры Лизы из Ленинграда, написанное перед второй мировой войной, и представляющее собой горестный рассказ о жизни их большой семьи после революции (при обыске оно попало в досье, составленное на Кроебера австралийскими службами безопасности). Из письма видно, насколько обрусевшей была эта семья, насколько тесно связана с Россией, и Вальдемар был для них просто "братцем Володей". А вот другая личность, католик Ян Росинг (мы еще встретимся с ним не раз), уроженец Иркутска, знающий русский, немецкий, английский и греческий языки. Кто он такой? Лишь постепенно, собирая материалы из разных дел, мне удалось выяснить, что он латыш, и одно время даже был латышским консулом в Австралии, но он не чужд был и интересов русской колонии, как и уже упомянутый выше православный Петер Метсер из Эстонии, который предлагал свои услуги в качестве русского консула после революции.

Да, судьба человека часто не укладывается в рамки, которые готова отвести ей сухая статистика, но одно несомненно – число тех, кто считал себя русским или сочетал свою национальную культуру с русской, было намного больше, чем число тех, кого можно считать русским по таким формальным признакам как форма имени и фамилии, место рождения, вероисповедание. И не будем забывать,

что все они – русские и финны, осетины и латыши, немцы и евреи, поляки и татары считали своей родиной Россию, а окружающие называли их русскими.

В следующем очерке мы ближе познакомимся с особенностями каждой из этих национальных групп, составивших тот особый сплав, который можно назвать русским анзаком.

1. Истоки

«Всяк сущий в ней язык...»

Собирая материалы о судьбах русских подданных, служивших в австралийской армии в годы первой мировой войны, я впервые в полной мере ощутила, насколько многонациональной страной была Российская империя. Среди россиян, оказавшихся в Австралии, можно насчитать около двух десятков национальностей. И каждая национальная группа имела свои особенности, свою судьбу. Хотя на данном этапе исследования я не могу дать исчерпывающую статистику о каждой национальной группе, набросать в общих чертах их портреты можно уже сейчас.

Русские. На настоящий момент мною собраны сведения о 130 участниках войны, которых можно назвать русскими.

Оговорюсь, что в это число я включаю не только 100% этнических русских, но и несколько лиц смешанного этнического происхождения, а также потомков обрусевших иноземцев. Среди них можно назвать, например, следующих лиц: **Григорий Якимов**, православный уроженец Каменец-Подольска, который в документах о натурализации указал, что его родители были Bohemians, т.е. жители Богемии в Чехословакии⁵; **Александр Арн** из Петербурга, отец которого, Франк Арн служил там на железной дороге; православный **Николай Эверт** из Гдова, на границе России и Эстонии, - отец его был эстонцем, а мать русской; **Вальдемар Кроебер**, из семьи петербургских обрусевших немцев; католик **Франк Сибург** (Seeburg)⁶, уроженец Орла, который в документах называл себя русским, а своих родителей – немцами; киевлянин Джек Венгергт (Vengert), он же **Иван Вейнгарт** (Weingart).

В Австралии, как известно, под русскими понимали всех уроженцев России. В переписях населения Австралии количество "русских" представлено следующими цифрами⁷:

Год переписи	1871	1881	1891	1901	1911	1921
Количество русских	720	1303	2970	3372	4456	7659

Однако исследования этнического состава этих "русских", в частности их религиозной принадлежности, показывают, что до 1910-х годов число "настоящих" русских среди них составляло всего несколько процентов. О русских, как особой этнической группе в Австралии, можно говорить начиная приблизительно с 1907 года. Массовая же эмиграция русских в Австралию началась лишь в 1910 году и продолжала быстро расти до 1914 года.

Тем не менее русские прибывали сюда и в XIX веке. Пока удалось обнаружить троих русских старожилов, вступивших в австралийскую армию: это плотник **Александр Корсаир** (Corsair), родившийся в Петербурге в 1862 г. (при вступлении в армию он скинул себе 6 лет) и прибывший в Австралию 1887 г. на корабле "Порт-Артур"; **Николай Коцебу**, родившийся в Екатеринбурге в 1879 г. и прибывший в Австралию в 1899 г. (здесь он работал лесорубом и безуспешно пытался стать сотрудником австралийских служб безопасности); и, наконец, **Андре Толстой**, родившийся в Варшаве в 1873 г. Он получил хорошее образование во Франции, служил во французской армии, а затем в 1900 г. эмигрировал в Австралию, где занимался тяжелым физическим трудом – растил сахарный тростник, а потом работал шахтером.

Остальных русских можно разделить на две группы, примерно равные по численности. К первой принадлежали русские, хлынувшие сюда с Дальнего

Востока начиная с 1910 г. Некоторые из них отправлялись в Австралию с надеждой осесть на собственной земле, но большинство ехало на заработки, надеясь через несколько лет вернуться на родину с сотней-другой фунтов. Их перевозили в основном три японских корабля, совершавшие регулярные рейсы между дальневосточными портами и Австралией - "Кумано Мару", "Явата Мару" и "Никко Мару". Эти русские попадали преимущественно в Квинсленд.⁸

Ко второй группе можно отнести моряков, кочегаров, корабельных плотников (об их морском прошлом часто свидетельствуют татуировки, которые подробно описывались при медицинском осмотре новобранцев), а также любителей приключений и "настоящих" эмигрантов, которые в 1907-1917 гг. прибывали в Австралию в некоторых случаях непосредственно из России, но чаще через Англию, Европу, США, а то и Южную Америку и Индию. Они покидали корабли (иногда легально, а иногда и просто дезертировали) во Фримантле, Западной Австралии, или в других портовых городах и расселялись во всех штатах. Если в первой группе преобладали уроженцы центральных русских губерний, Сибири и Дальнего Востока, то во второй – русские из Прибалтики, Петербурга и южнорусских губерний.

Отмечу, что по месту рождения русские распределялись довольно равномерно – почти из каждой русской губернии в австралийской армии было хотя бы по одному человеку. Некоторые были из такой глубинки, что просто диву даешься, как они добрались до Австралии. В 10, квинслендском, батальоне служили, например, три земляка из села Красное, в Симбирской губернии (мне его пока не удалось отыскать на картах), – **Николай Силантьев**, **Григорий Матренин** и **Михаил Волков**, к их судьбе мы еще вернемся. Оказались в австралийской армии и **Алексей Казаков** из деревни Старые Матаки, в Заволжье, около Казани; **Джон** (Иван) **Иванов**, в армию его записали под именем Яков Evonoff (!), из д. Новый Дилижан, Казахского уезда, Елизаветпольской губернии (ныне это территория на границе Армении и Азербайджана, около оз. Севан, где с XIX века селились русские, преследуемые за веру; мне, кстати, пришлось поломать голову, чтобы понять, где же находится непроизносимое место Novo Delgedghn, указанное в анкетах этого Иванова); **Яков Петров** из села Токмак в предгорьях Тянь-Шаня (ныне – Киргизия), **Антоний Жук** из Самарканда; **Александр Егоров** из д. Бесстужево на Рязанщине, - да всех не перечислить.

Вероисповедание русских, указанное в их военных анкетах, таило в себе неожиданный факт. Оказалось, что православными были записаны лишь около половины тех, кого по всем остальным признакам можно отнести к русским. Кстати, как только не пытались передать наименование русской православной церкви австралийские военные чиновники на призывных пунктах - Russian, Greek, Greek Church, Greek Orthodox, Greek Russian Church, Greek Christian, Russian Orthodox, Authodox (!), True Christian. Многие русские, согласно анкетам, были римско-католического, греко-католического, англиканского, лютеранского и других вероисповеданий. Если в некоторых случаях принадлежность к этим церквям не вызывает больших сомнений – например у русских уроженцев Петербурга, западных районов России и Прибалтики, - то во многих других случаях это кажется недостоверным, вызванным непониманием военного, заполнявшего анкету со слов призванного, того, что отвечал ему русский. Например, вероисповедание **Ефима Максименко** указано в одном случае как Greek Roman Catholic, а во втором – Roman Catholic (Greek), **Александр Петрович Карелин** записан сначала как Greek, потом как Greek Catholic, и, наконец, как Roman Catholic. **Тихон Янин** из Самары и **Вильям Колесников** из Перетина под Брянском названы англиканами, упомянутые уже **Михаил Волков** и **Николай Силантьев** из Симбирской глубинки, **Михаил Баранов** из

Моршанска под Тамбовым, **Дмитрий Чепурнов** из д. Андреевка под Пензой записаны католиками. Особенно странным кажется большое количество "греко-католиков" – например, **Николай Федорович Родионов**, уроженец Томска, **Александр Попов** из окрестностей Пензы и его тезка из Вологды, **Ян Коренев** (вероятно Иван) из Одоева под Тулой. Греко-католическая (униатская) церковь в основном действовала в западных районах Украины и Белоруссии, но в исконно русской глубинке не имела сколько-нибудь значительного влияния. То же, хотя и не столь категорично, можно сказать и о католической церкви. В ряде случаев указание на принадлежность к англиканской или католической церкви, очевидно, было вызвано не переходом в новую веру, а стремлением не выделяться среди других новобранцев. Например, **Николай Шаров** при первой попытке вступить в армию указал местом своего рождения Владивосток, а религию – Greek, а три месяца спустя, при новой попытке, он объявил себя англиканином, уроженцем Порт-Дугласа, в Квинсленде. **Вильям Заводчиков** из Томска при первой попытке вступить в армию записан лютеранином, а при второй – англиканином.

Большинство русских солдат были одинокими людьми, в возрасте 20-35 лет. Лишь единицы из них имели родственников в Австралии. Пожалуй, самой интересной была **семья Степановых** из Скопина под Рязанью. Ее глава, Михаил Дмитриевич Степанов, инженер, к началу XX века обосновался в Харбине, очевидно, служил там на постройке железной дороги. В 1911 г. он с семьей эмигрировал в Австралию, возможно по политическим мотивам. Здесь, не выдержав труда рабочего на железной дороге, они с женой открыли в Брисбене пансион для своих соотечественников на улице Меривейл. Этот пансион был своего рода центром русской колонии в Брисбене. Степановы были тесно связаны и с Русской Ассоциацией. В 1919 г. "дом Степанова" был разгромлен, оказавшись в центре бунтов Красного флага, но об этом дальше. У Степановых было по меньшей мере шесть детей, их старший сын **Николай Степанов** служил в армии и его переписка с отцом попала в поле зрения австралийских цензоров. Приехал из Харбина с семьей и другой молодой **Степанов, Джон Фредерик**. Его отчим, Фред Почерников, тоже был связан с русскими радикалами в Австралии. С родителями приехал в Австралию и **Матвей Ломинога**; с матерью-вдовой и четырьмя младшими братьями и сестрами – **Вильям Аверков**, ушедший в армию в 20 лет и погибший на войне. Друг за другом вступили в армию жившие в Квинсленде братья **Алексей и Николай Тупиковы** из села Перекопное в Самарской губернии.

Свои семьи в Австралии имели единицы – жена и ребенок оставались у упомянутого выше **Андре Толстого** и у **Ивана Черпитера**, жена-австралийка - у инженера **Ефима Максименко** (к сожалению, все они не вернулись с войны), братьев **Георгия и Томаса** (вероятно Фому) **Платоновых** ждала в поселке Буял под Бандабергом мать; неподалеку, в Кордальбе, ждала возвращения отца и большая семья **Матвея Олейникова** (восемь детей), жена и двое детей оставались у **Алексея Бридихина** в Ипсвиче. Были и семейные трагедии – жена **Ивана Елфимова** из Самары с тремя детьми бросила мужа и бежала из шахтерского поселка Маунт Морган в Квинсленде с другим русским. Очевидно это и подтолкнуло Ивана, которому было уже за 40, на вступление в армию. У некоторых солдат оставались жены, часто с детьми, в России – например у **Михаила Волкова, Николая Силантьева, Григория Смагина, Николая Родионова**, и австралийские власти на первых порах исправно выплачивали им содержание.

Социальный состав русских свидетельствует о том, что большинство из них были из крестьянской и рабочей среды. В Австралии почти все русские занимались неквалифицированным тяжелым трудом (labourer) – на строительстве

железных дорог, в шахтах, на фермах. Собственно фермеров было всего 3 человека – **Григорий Якимов, Иван Воронцов, Семен Сучков**; видно, русскую мечту о собственной земле и в просторной Австралии было осуществить не так-то легко. Бывшие моряки и кочегары, если не находили работы в порту или на каботажных судах, тоже становились разнорабочими. Лишь небольшая часть русских владела более квалифицированным ремеслом – из 120 человек 8 были плотниками, 6 - шоферами и механиками, 5 - токарями и слесарями; было также по одному кузнецу, маляру, сапожнику, повару, парикмахеру. Еще меньше среди русских было тех, кого можно назвать "белыми воротничками" – это инженеры **Ян Коренев, Ефим Максименко, Георгий Плотников, Николай Романовский**, ботаник **Яков Серебренников (Серенников)**, служивший в Мельбурне в русском консульстве, ветеринар **Парфен Грехов**, репортер **Петр Чиврин**, часовщик **Георгий Петровский**, переплетчик **Вильям Аверков**, несколько клерков. Впрочем, количество образованных людей среди русских было несомненно больше и об их прошлом можно лишь случайно узнать из таких записей в анкетах как у **Дмитрия Чепурнова** – "разнорабочий, бывший клерк". Не всегда имели работу по специальности даже инженеры – например, Ян Коренев записан как "инженер и цементный рабочий". В Австралии приходилось заниматься тяжелым физическим трудом и выходцам из семей русских интеллигентов или состоятельных людей. Например, в то время как **Альберт Альфред Алексеев** был разнорабочим на строительстве железных дорог в Виктории, его отец Прокофий Алексеев работал в городском театре в Риге; отцом моряка **Василия Александровича Грешнера** был, очевидно, печально известный Александр Васильевич Грешнер, начальник Нижегородского охранного отделения, убитый эсерами в 1905 г.; а отец моряка **Александра Карелина** был коллежский асессор П.К.Карелин, служивший в Адмиралтействе, по санитарной части; сыном инженера был и кочегар **Иван Иванов** из Либавы.

Среди русских было немало тех, кто прежде служил в русской армии или на флоте, к настоящему времени таких обнаружилось 21 человек. Для многих призыв в русскую армию был началом долгих странствий по миру. После демобилизации они оседали на новых местах, часто в Сибири и на Дальнем Востоке, а потом отправлялись в Австралию. В армии служили: Михаил Анкудинов, Георгий Васильев (Сибирские инженеры), Михаил Волков, Сергей Калинин, Иван Козаков, Виктор Миколайзик (Mikolaizyk, возможно Миколайчик), Матвей Олейников, Николай Пермяков (артиллерия), Яков Петров (кавалерия, казак), Александр Санк, Яков Серенников (драгун), Николай Силантьев, Александр Тарасенков (дезертировал после 3 лет службы), Алексей Тупиков (артиллерия), Джо Филипов (Felipor), Тихон Янин, а на флоте - Андрей Егоров, Алексей Кувалдин, Ефим Чернянин. Александр Петров, будучи в Красном кресте, участвовал в русско-японской войне в Порт-Артуре. Среди россиян не русских по происхождению были и другие участники этой войны, о которых мы скажем ниже.

Воспользуюсь случаем, чтобы отметить, что революционный характер ранней русской эмиграции в Австралии, который стал притчей во языцех в работах и русских и австралийских исследователей, был слишком преувеличен. Большинство русских составляли не профессиональные революционеры, а рядовые эмигранты и моряки, оставшиеся в Австралии. Другое дело, что под влиянием условий жизни в Австралии или службы в армии некоторые из них в дальнейшем оказались под влиянием русских и австралийских радикалов. Но к этой теме мы еще вернемся. Среди русских, о революционном прошлом которых есть достоверные сведения, можно назвать лишь нескольких человек. **Семен Сучков**, учитель из белорусского поселка Еремичи, сосланный в Сибирь в 1907

г.; из ссылки он, как и многие, бежал и в 1912 г. прибыл в Австралию. Когда в 1922 г. власти потребовали от него подписать документ об отречении от прежнего гражданства (эту формальную процедуру делали все иммигранты для получения австралийского гражданства), Сучков с горечью написал об этом глубоко личные слова: "Что до отречения от моего прежнего гражданства, я могу только сказать, что в душе я это сделал давным-давно, и сделать это на бумаге мне не составит труда".⁹ **Николай Синдеев**, машинист, уроженец Сызрани, в 1909 г. был выслан из Петербурга за участие в политических митингах, и с Дальнего Востока в 1910 г. приехал в Австралию. Относительно уроженца Петербурга **Александра Петрова** у австралийской полиции были подозрения, что он совершил в России преступление по политическим мотивам. Радикальных взглядов, по крайней мере после возвращения с войны, придерживался и **Вальтер Калашников**. Среди политических можно назвать еще эсера **Николая Розалиева**; отвлекаясь от темы скажу, что пачку открыток, адресованных ему из России, которые надо читать между строк, - "Завидую вашей жаре – у нас холодно, хочется лета, тепла, а оно еще не скоро. Дайте себе слово не соблазняться Россией и не трогаться с места пока" - я обнаружила в Квинсленде у Флоры Хулихэн, дочери австралийской аборигенки и русского иммигранта Леандро Ильина, которая не могла их прочесть, но свято хранила более полувека – до чего причудлива бывает иногда судьба почтовой карточки!

Белорусы и украинцы, которые тоже были среди россиян в австралийской армии, по своему социальному портрету в целом близки к русским. Но скажем несколько слов о каждой из этих групп.

Белорусы. К настоящему времени у меня собраны сведения о полутора десятке солдат, которых можно с большой долей уверенности назвать белорусами. Надо сказать, что к началу XX века белорусская нация еще не сформировалась окончательно. Белорусы при тех или иных условиях могли называть себя и поляками, и русскими, для них было характерно дву- и трехязычие. Поэтому для выяснения того, кто был белорусом, приходится принимать в расчет и место рождения, и форму фамилии и имени, и имена родственников, и религиозную принадлежность, и факторы, которые способствовали обрусению вместо ополячивания (например служба в русской армии, жизнь в России). Поскольку белорусов было немного, назову всех – **Мариан Адамцевич** из Минска; **Устин Гловацкий** из Жабинки, около Бреста; **Вильям Деонк** из Лиды; **Павел Зеневич** из-под Пружан, около Бреста; **Чеслав Ивашкевич** из Минска; **Фавст Леошкевич** из поселка Сокулка около Гродно; **Георгий Порфирьевич Логинов** из Ветки, на востоке Белоруссии; **Александр Майко** из-под Пухович в Минской губернии (по-английски он писался Mike и если бы не адрес с фамилией на русском языке в его деле, я никогда бы не догадалась, какая белорусская фамилия могла трансформироваться в Mike!); **Альфред Ян де Топор Маркович** из села Марково (сел с таким названием в Белоруссии несколько); **Джон Матвейчик** из-под Гродно; **Прокофий Пашкевич** из д. Борисовка, под Гродно. С меньшей долей уверенности можно отнести к белорусам еще несколько человек с сопредельной территории нынешней Литвы, где жило много белорусов и поляков (Вильно или Вильна – ныне Вильнюс – в то время был многонациональным городом, главным центром белорусской культуры). Это **Герард Мартын Скугар** из Вильно и трое человек из-под Ковно (ныне Каунас) - **Иосиф Будревич** из Радзивилишек, **Павел Ефραίим Зундолович** из Тельшай, **Емерик Шимкович** из Ново-Александровска (ныне Зарасай).

Самой неординарной фигурой среди белорусов был **Альфред Маркович**. Благодаря тому, что в начале войны он попал под подозрение австралийских

спецслужб как шпион, на него собрано ими большое досье. Маркович был из состоятельной семьи, знал польский, английский, немецкий, французский и итальянский языки. В 19 лет он отправился в Лондон, затем 3 года жил в Новой Зеландии, после чего поселился в Океании, сначала на Самоа, потом на Тонга, где был плантатором, работал для английских и немецких фирм. Незадолго до начала войны он приехал в Сидней и вскоре вступил в армию. Несколько белорусов были моряками и, подобно Марковичу, начали свои странствия по миру с Англии, например **Прокофий Пашкевич** и **Вильям Деонк**; другие работали в России на железной дороге, как **Иосиф Будревич**, или служили в русской армии, как **Устин Гловацкий** и **Джон Матвейчик**, и приехали в Австралию через Дальний Восток вместе с волной русских эмигрантов. Матвейчик, кстати, воевал в Порт-Артуре во время русско-японской войны и когда, в 1942 г., он умер в одиночестве в Брисбене, государственный попечитель передал в военное архивохранилище две его русские медали вместе с австралийскими боевыми наградами. А вот судьба **Павла Зундоловича** была совсем другой. Он родился в 1865 г., получил теологическое католическое образование, и еще в молодости приехал в Австралию, работал в одном из самых отдаленных приходов – в Вилкании, среди аборигенов, где и натурализовался в 1898 г., и где до сих пор чтят память этого подвижника. Во время войны, уже немолодым человеком, он взял на себя миссию сопровождать австралийские войска, отправлявшиеся в Англию, в качестве корабельного священника.

Украинцы. Число тех, кого можно считать украинцами, на данный момент составляет около 25 человек. Подобно белорусам, в официальных документах они не называли себя украинцами, а фигурировали как русские или поляки, но часто их фамилии говорят сами за себя – **Платон Белошапка** из Киева, **Цезарь Волковский** из с. Липки под Киевом, **Джеймс (Яков) Федорович Гречинский** из Городни под Черниговым, **Митрофан Коропец** из села Добротова, около Кролевца, тоже в Черниговской губернии, **Иван Городецкий** из Липовки и **Савелий Ткаченко** из Гусятина под Каменец-Подольском, **Георгий Диденко** из Аккермана, **Джеймс (Яков) Кочура** из Запорожья, **Петр Ткачук** и **Иосиф Клешенко** из Дубно, Волынь, **Самуил Задорожный** из Киева (в армии он служил под русским именем Петр Кузмин); **Павел Драчук** из Кишинева; было и несколько одесситов, которых тоже можно считать украинцами – **Николай Гулевич**, **Иван Россовский**, **Николай Федорович**.

Среди украинцев было особенно много тех, кто служил в русской армии – Цезарь Волковский, Иван Городецкий, Франтишек Дыновский, Яков Кочура, Иосиф Рудецкий, причем Павел Драчук, Мариан Пшеволодский и Иосиф Клешенко участвовали в русско-японской войне. Павел Драчук имел редкую в то время специальность радиста, а Клешенко, кроме того, успел послужить и в американской армии. Некоторые уроженцы Украины жили в России и попали в Австралию через Дальний Восток – Яков Гречинский, Николай Гулевич, Яков Кочура, Савелий Ткаченко, Николай Федорович. Многие были моряками – Георгий Диденко, Василий Кавицкий, Георгий Камишанский, Иосиф Клешенко, Денис Папчук, Иван Россовский. Как и русские и белорусы, большинство украинцев занимались в Австралии тяжелым физическим трудом, но среди них было много и образованных людей, выходцев из состоятельных слоев. Например, плотник **Мариан Пшеволодский** был зачислен в армию в качестве переводчика; моряк **Георгий Камишанский** знал французский и немецкий языки и служил в военной разведке; **Леонард Новицкий** был чертежником, инженерами были **Иосиф Клешенко**, **Иван Городецкий** и **Яков Гречинский**. Причем Гречинский знал, согласно данным спецслужб, которые хотели пригласить его сотрудничать цензором, "русский, польский, курляндский, один или два русских диалекта,

французский и японский языки". Под курляндским они имели в виду латышский язык, под диалектами русского – украинский. Некоторые из украинцев придерживались радикальных убеждений, например Цезарь Волковский и Иосиф Клешенко, но об этом мы расскажем дальше.

Евреи. К настоящему времени у меня имеются сведения о 74 евреях – добровольцах, уроженцах Российской империи, что составляет приблизительно 10% от общего числа русских анзаков¹⁰. Эмиграция русских евреев в Австралию была одной из самых ранних и массовых. В отличие от других иммигрантов, покидавших Российскую империю, евреи ехали сюда навсегда, многие приезжали с семьями или обзаводились ими здесь, и ко времени первой мировой войны они насчитывали уже 1-2 поколения, родившихся или выросших в Австралии. Новое поколение, хотя и сохраняло еврейские фамилии, часто уже имело английские имена, иногда они меняли и религию. Но в данном очерке я не буду касаться судеб потомков русских евреев, родившихся уже в Австралии, а буду говорить только о более поздних иммигрантах. Среди них можно выделить три группы, которые в значительной степени отличаются друг от друга.

Самую большую группу составляли евреи, выросшие в России в черте оседлости и сохранявшие традиционную еврейскую культуру и религию, но вместе с тем испытывавшие влияние и окружающего населения. В южнорусских губерниях и отчасти на территории нынешних Украины и Белоруссии доминирующим было влияние русской культуры, в Польше и Вильне – польской, в Прибалтике – русской и, вероятно, немецкой. Думается, что степень их ассимилированности зависела и от места жительства – в местечках влияние традиционной культуры было сильнее, а в крупных городах и в портах, таких как Одесса, Киев, Варшава, Рига – меньше. Представители этой группы в Австралии работали как мелкие торговцы, коммивояжеры, ремесленники, служащие гостиниц. Среди них можно назвать уроженцев украинских местечек **Макса (Моисея) Коттона, Вульфа Хофмана, Джорджа (Герша) Брейтмана, Вульфа Жмуда, братьев Комисаровых** из Бердянска, одесситов **Саула Хаифа и Исаака Хайна**, уроженцев Ковенской губернии **Лео Абрамана (Обермана), Натана Вотчмана и Лео Гордона**, польских евреев **Самуэля Вахмана, Иосифа Голдберга, Мориса Гершена**.

Некоторые из них находились под влиянием идеи возрождения еврейского государства и, прежде чем попасть в Австралию, некоторое время жили в Палестине. К последним принадлежит **Елиазар Лазарь Марголин**. Он родился в Белгороде, окончил шесть классов русской гимназии, прекрасно говорил и писал по-русски. В 17 лет он уехал в Палестину, где прожил 10 лет, а затем эмигрировал в Западную Австралию. В австралийской армии он дослужился до звания лейтенант-полковника, командовал несколькими батальонами. В конце 1917 года, оказавшись в госпитале, он просил военное начальство послать его сражаться в Россию или в Палестину, т.к. обе страны он прекрасно знал. Через Палестину попали в Австралию и семьи **Юра Кивовича** из Одессы и его земляка **Израиля Фельдмана**, и, вероятно, **Исай Белкинд** из Вильны.

Вторую группу составляли обрусевшие евреи, родившиеся или выросшие за пределами черты оседлости или испытывавшие сильное воздействие русской культуры в результате жизни в крупных городах, службы в русской армии или участия в политической борьбе. Они часто попадали в Австралию через Дальний Восток, вместе с волной русских переселенцев. Кроме упомянутого выше **Елеазара Марголина**, к этой группе можно отнести **Вольфа Дорфмана** из Ровно, на Волыни, который 3 года прослужил в русской армии и некоторое время жил на Дальнем Востоке, **Джозефа Вурхафта** из Одессы, который указал свою религию

как англиканскую, его земляка **Луиса Бродского**, который в 1920-х годах стал секретарем Австралийско-русского торгового комитета и некоторое время жил в России, уроженца Иркутска **Самуэля Борцеля** (Bortzell), указавшего при вступлении в армию свою профессию как переводчик, и другого сибиряка – **Исаака Белла** из Красноярска, часовщика. Семья одессита **Александра Бельфорта**, морского инженера, вероятно тоже была обрусевшей, т.к. сестра, разыскивая его после войны, называла его в официальных запросах Сашей.

И, наконец, выделяется большая группа англизированных или европеизированных евреев, которые эмигрировали из России в Англию, другие страны Европы, Америку или Южную Африку, прожили там значительное время, а затем перебрались в Австралию. Некоторые представители этой группы покинули Россию еще в детстве, с родственниками, и овладели профессиями нетрадиционными для русского еврейства. Например **Самуэль Сеуф**, родные которого жили в Южной Африке, стал моряком. Моряками были и **Джордж Герман Коти**, уроженец Киева, и **Давид Минор** из Вильны, их родственники жили в Нью-Йорке. Татуировка, которой был покрыт Давид, вызвала удивление даже выдавших виды чиновников на призывном пункте и они описали ее во всех деталях – особенно любопытна была правая рука, где красовалась голова китайца, пронзенная шпагой, и надпись "D.M. Born in Vilna 1894". Плотником и моряком был и **Григорий Кунин** из белорусского местечка Воложина. В 15 лет покинул Россию **Исаак Прус**, уроженец Городка в Белоруссии, и отправился в Лондон, где освоил профессию столяра-краснодеревщика. **Франк Голдштейн** (Фраим Холстайн) рано потерял отца, и, выехав с матерью в Англию, стал ювелиром. Слесарем, токарем, а затем шофером был **Пауль Элиас Исаак Финн** из Вильны.

Некоторые евреи испытали воздействие других европейских культур. **Моррис Саффар** (или Мойше Сейфер, согласно русскому консулу) был инженером, очевидно пожил во Франции, т.к. при натурализации записался парижанином. Из Франции приехал в Австралию и **Шия Фельс** (Schija Fels), огранщик бриллиантов. **Джозеф Джозефсон** юношей покинул родную Вильну и семь лет провел в Швеции. Он, впрочем, не изменил традиционным еврейским занятиям и держал лавочку в Блекбой Хилле, в Западной Австралии, около призывного пункта, но потом не выдержал и сам вступил в армию.

Дети, приезжавшие в Австралию с родителями, обычно тоже быстро осваивали английский язык и австралийский образ жизни и получали хороший старт в жизни, т. к., ко времени их вступления в армию, их отцы достигали больших успехов в бизнесе. В детстве привезли родители в Австралию братьев **Нименских, Мартина и Колемана Фредерика**, их отец, Альберт (Абрам) Нименский, уроженец Гродно, стал здесь крупным производителем сигарет, и братьев **Лаковских, Эдуарда и Давида**, их отец, с юга России, имел продовольственный бизнес. Четырехлетним приехал в Австралию **Морис Лебович**, из Майкопа, его отец занимался рыбной торговлей в Перте.

Некоторые евреи, приехавшие в Австралию в юности, не пошли по традиционному еврейскому пути мелкого предпринимательства и совершенно "обавстраилились". **Натан Краусман** из Бесарабии приехал в Австралию еще 18-летним юношей, в 1890 г., и жил в буше, работая лесорубом и старателем. Австралийским фермером стал **Джон Голдберг** из Гродно, приехавший в Австралию в 14 лет и многие годы живший в австралийской глубинке – Гандагае, Аделонге, Бурове. **Генри Джордж Абрамович** из Варшавы, бывший моряк, тоже стал "бушменом" и промышлял ловлей кроликов. Некоторые из них выросли, не имея никаких связей со своей родиной. **Соломон Розенберг** покинул Россию в 9 лет, жил в Глазго, в Англии, потом в Аргентине. Когда ему пришла пора подавать документы на натурализацию, он не знал даже в каком месте в России он родился,

и лишь запросив отца, он выяснил, что происходит из Брест-Литовска. Некоторые из них принимали английские имена и, при вступлении в армию, даже выдавали себя за англичан. Например **Луис Пасвальский**, приехавший в Австралию с семьей в 15 лет, был известен в Перте под именем Луис Вальтерс. **Абрахам Левене** при вступлении в армию назвался Давидом Конроем, уроженцем Глазго, и только после его гибели в Галлиполи его родители, жившие в Англии, сообщили военному ведомству, что он родился в России. Подобным же образом стало известно и настоящее имя **Франка Бернарда** - Франк Бернард Хершон Лесни из Варшавы. Но вот **Хаим Самойлович Платкин**, белорусский еврей, покинувший родину в 22 года, еще в конце 19 века, и долго живший в Англии и Австралии, где он стал театральным антрепренером и пользовался псевдонимом Эдвард Платт или Платрускин, предпочел вступить в армию под своим подлинным именем, из патриотических соображений. Он, в отличие от других членов этой группы, сохранил и русское самосознание.

Особо следует сказать о семье Майеров, происходившей из белорусского городка Кричева, основателях Muir Emporium (ныне в него входит всем известная сеть магазинов Coles). Братья Элкон и Симча Баевские приехали в Австралию еще в конце 19 века. Начав с нуля, ко времени первой мировой войны они были уже крупными торговцами. Хотя они и не перечеркнули свое русское прошлое, для них характерно было стремление к ассимиляции, вскоре они приняли имена Элкон и Сидней Майер. Во время войны они занимались поставками для австралийской армии. В 1915 г. **Элкон Майер**, будучи уже немолодым человеком, вступил в австралийскую армию и прослужил до конца войны. Но эта семья дала австралийской армии и еще двух солдат. Еще до войны они пригласили в Австралию своих молодых племянников **Самуэля Эттингова** и **Наума (Нормана) Майера** из-под Могилева. Дети получили здесь хорошее образование и выросли, отождествляя себя с австралийской, а не с русской культурой. Оба юноши вступили в австралийскую армию. Но когда Самуэлю надо было принести присягу, он наотрез отказался делать это как русский подданный и обратился к австралийским властям с просьбой о натурализации с тем, чтобы он мог принять присягу как австралиец. "Я считаю, что стать солдатом - это мой долг перед Австралией, страной, которая усыновила меня", - убеждал он австралийские власти на прекрасном английском языке. И хотя для вступления в австралийскую армию русские не нуждались в австралийской натурализации, да и кроме того австралийские власти в это время наложили полный запрет на натурализацию молодых русских, для Самуэля сделали исключение – ему срочно была оформлена натурализация и он принял присягу как австралиец, вместе со своими однокашниками из Мельбурнского университета, которые тоже вступали в армию. К сожалению, жизнь его трагически оборвалась в транспортной аварии еще до отправки на фронт. Норман Майер прошел в австралийской армии путь от рядового до лейтенанта, унаследовал Muir Emporium и под конец жизни стал кавалером одного из высших английских орденов (Knight Bachelor) с титулом сэра.

Поляки. Поляки с территории Российской империи появились в Австралии, как и евреи, еще в начале 19 века, в качестве ссыльных, политических беженцев, переселенцев. Оседали здесь и поляки из других частей Польши, оказавшихся в составе Австро-Венгрии и Пруссии. В списке австралийских солдат встречаются десятки польских фамилий – Болевский, Бородский, Бродский, Цесарович, Грабовский, Издебский, Янецкий, Ясноевский и т.п., но при знакомстве с биографиями этих солдат оказывается, что все это - уроженцы Австралии, родители которых происходят из Польши, Германии, Пруссии или Австро-Венгрии. Хотя некоторые из них сохраняли католическую религию, имена у них

уже английские и их судьбы остаются за пределами нашего исследования. Но тем не менее и уроженцев Польши нееврейского или нерусского происхождения в австралийской армии было не мало. Если к их числу прибавить несколько лиц с территории Прибалтики и Украины, которые были, очевидно, поляками, то общая цифра составит около 50 человек, или 7 % от общего числа.

Среди поляков нас будут прежде всего интересовать лица обрусевшие, связанные с Россией. Такой, например, была семья **Винцента Усцинского** (Uscinski). Его отец, Джозеф, подписывая прошение на натурализацию в Австралии, расписался по-русски - Иосип Ущинский. Он с семьей (у него было 8 детей) приехал в Квинсленд с Дальнего Востока, вместе с волной русских иммигрантов. Его сын Винцент Усцинский стал здесь живописцем вывесок. Та же профессия была и у **Джозефа Сковронского**, который до приезда в Австралию тоже долго жил в России и на Дальнем Востоке. В Австралии он поселился вместе со своим братом Стенли. Мать его тезки варшавянина **Стенли Элски** (он же Станислав Элск) жила во Владивостоке, а после революции оказалась в бедственном положении в Красноярске, из чего можно заключить, что это тоже была обрусевшая семья. Инженер **Францис де Рамер** (или **Дерамер**), из поселка Сейны в Сувалкской губернии, на границе Польши, Литвы и Белоруссии, получил образование в Петербурге. Пройдя с австралийской армией Галлиполи, он в 1916 году был взят на работу в Русский правительственный комитет, находившийся в Лондоне (об этой организации я расскажу дальше).

Служба в русской армии тоже оказывала русифицирующее воздействие на поляков. В ней успели послужить варшавяне **Эдвард Ватсон**, **Александр Роман**, **Владислав Ногал**, **Болеслав Борыс**, **Том Домбровский**. Последний несомненно был связан с Россией, т.к. его сестра жила в Харбине и он сам въехал в Австралию через Дальний Восток. **Лео Берк** из Белостока, на границе с Белоруссией, служил два года в артиллерии и участвовал в русско-японской войне. Он тоже приехал в Квинсленд через Дальний Восток и был тесно связан с русской колонией в Брисбене.

Для польской эмиграции было характерно и значительное число лиц образованных, хорошо знакомых с европейской культурой, поездивших по свету, знающих языки. В очерке о белорусах я уже упоминала странствия в Океании **Альфреда Марковича** из села Марково, знавшего пять языков. Настройщики пианино **Стенли** и **Максимилян Кипманы** из Варшавы перед тем, как приехать в Австралию, исколесили всю Европу; их мать, кстати, имела университетское образование и знала семь языков. **Джордж Винцент де Шедлин-Чарлинский** из Варшавы работал в Австралии учителем. **Петр Робинский** из Риги (нельзя с уверенностью сказать, был он по культуре русским или поляком, к тому же отец его имел немецкое имя Оскар), был моряком, но, очевидно, он посвятил себя этой профессии для знакомства с миром. До приезда в Австралию он успел пожить в Голландии, Испании, Бразилии, США, Англии и Африке. Полицейский чиновник писал в 1923 г., что Робинский "умный, хорошо образованный человек, знающий несколько языков".

Уроженцы Прибалтики. Чрезвычайно пеструю этническую картину представляли собой выходцы из прибалтийских губерний – Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Ковенской и Виленской. Ныне большая часть территории этих губерний входит в состав Эстонии, Латвии и Литвы. Даже без учета славян и евреев, живших на территории Прибалтики, это была самая многочисленная группа после русских и финнов, около 25 % среди всех солдат. К настоящему моменту у меня собраны досье на 165 человек, принадлежащих к этой группе. Среди них 60% происходили с территории нынешней Латвии, 35% -

Эстонии и всего 3% с территории Литвы. В целом уроженцев Литвы было больше, но все остальные этнически были евреями или славянами. Среди уроженцев Эстонии 54% солдат были из двух крупнейших городов – Пярну и Ревеля (Таллинна) и 22% с двух больших островов у побережья Эстонии – Даго (Хийумаа) и Эзель (Сааремаа). Среди уроженцев Латвии 64 % были из Риги и еще 24 % были из двух других крупных портовых городов – Либавы (Лиепай) и Виндавы (Вентспилса).

Эта статистика территориального происхождения важна для определения этнического происхождения солдат. Как известно, в Прибалтике, наряду с древним населением этих земель – эстами, латышами и литовцами, - со времен средневековья селились немцы, датчане, шведы, поляки, а затем и русские. В то время как местное население занималось преимущественно сельским хозяйством, в городах преобладали иноземцы. Впрочем, так называть их неверно, они жили на территории Прибалтики в течение многих поколений и эта земля тоже была для них родиной, они усваивали культуру местного населения. В то же время местное население на протяжении веков подвергалось онемечиванию, а затем многие жители прибалтийских губерний испытали длительную полонизацию и, наконец, русификацию. Поэтому неудивительно, что определить этническое происхождение многих уроженцев Прибалтики чрезвычайно трудно.

И все же по моей оценке на настоящий момент более половины уроженцев Прибалтики, служивших в австралийской армии, могут быть с уверенностью названы эстонцами, латышами или литовцами. Не вызывает сомнений, например, что эстонцами были **Карл Петтерсон, Якоб Куллерхейн и Роман Илупмагги** из Ревеля, братья **Александр и Йоханес Лембит** из Пярну и жители о.Даго **Эдвард Поппел, Йоханнес Каттел, Густав Каерамеес**, служивший под фамилией Джексон. Среди латышей было много рижан - **Андреас Войткун, Юлиус Озолс, Франк Матзонас, Джон Роберт Крауклис, Ян Гайсман, Мартин Микель Антин, Эдвард Абескалн**, а также **Микел Паегле** из-под Либавы и его земляк **Ян Кульмар, Андрей Берскалн** (он же Бертулис и Берзинс) из Виндавы, **Ян Росинг** из Омска. Литовцами были **Станли Зигас** из Сурвилишкис, **Адольф Игнатьев Мишкинис** из-под Ковно, **Джон Ловриаен** из Ковно.

На основе имен или другой информации можно определить и немцев, например, **Фриц Виннин, Отто Вейнберг, Джон де Раупак Ропенберг, Вильгельм Лундфенд, Теодор Ламбахирт, Фридрих Грусауский** из Риги, **Дидрих Розенфельд, Джон Рейнеке, Джон Август Панков** из Либавы, **Карл Фриц Паулин** и **Эдвард Эрнест Башбауер** из Виндавы. Любопытно, что в то время, как в Австралии все немцы, даже родившиеся здесь дети и внуки немецких переселенцев середины 19 века, оказались под подозрением как enemy alien, т.е. сторонники враждебного государства, и часто интернировались на период войны, русские немцы, которые по всем документам числились российскими гражданами, никакой официальной дискриминации не подвергались и могли свободно вступать в австралийскую армию с перспективой оказаться на фронте лицом к лицу с немцами, воюющими на стороне кайзеровской Германии. Забегая вперед, надо сказать, что мне не встретилось ни одного случая, чтобы они не соблюдали лояльности Австралии.

Но кроме коренного населения прибалтийских земель и немцев, встречается и еще множество лиц, национальную принадлежность которых невозможно определить исходя только из имени и религии – например, рижане **Николай Чарлз Уппеник, Вильям Станвер, Чарлз Смит, Эдвард Сендон, Чарлз Реппе, Мартин Николай Ренауд**, или **Петер Гринфилд** из Виндавы, **Джек Алое** из Ревеля. Даже в тех случаях, когда сами солдаты сообщали о своем этническом происхождении, вопрос о том, кем они считали сами себя или какой

язык был для них родным, остается открытым. Вот несколько примеров: у **Джона Людвига Беппера** из Риги отец - русский, мать – шотландка; у **Чарльза Антона Гедгавда** из Либавы отец датчанин, мать русская; у **Пауля Бернарда Бевольского** из Пярну отец эстонец, мать датчанка; а **Джон Бунке** из Либавы описывал себя как "датский американец" или "русский финн".

Несомненно, что среди уроженцев Прибалтики было немало лиц обрусевших, о чем можно судить по различным признакам. Это, например, православные **Фриц Зиман**, он же Франк Зимин из Виндавы, **Петер Метсер** с о. Эзель, **Артур Кодак** из Ревеля, или художник **Федор Штенгер** из Риги, братья **Эдвин Николас** и **Армин Шер-Ровел** (Sher-Rowehl) из Либавы, один из которых тоже был художником. Другие, как **Арвид Беркис** из Риги, приехали в Австралию через Дальний Восток, третьи учились в России – например, **Джон Роберт Крауклис** окончил школу в Петербурге; **Джон де Раупак Ропенберг** учился в мореходной школе в России. Одиннадцать человек служили в русской армии или во флоте, например, **Йохан Якобсон** из Виндавы прослужил 10 лет в русском флоте, **Ян Хенрих Фукс** из Юрьева (Тарту) участвовал в русско-японской войне. **Паул Адамсон** из Ревеля, прослуживший в русской армии полтора года, скрываясь от австралийской полиции, которая преследовала его за мошенничество, с успехом выдавал себя за русского, родившегося в Петербурге.

Самыми характерными для уроженцев этой части Российской империи, оказавшихся в Австралии, были морские профессии – матрос, кочегар, корабельный плотник, такелажник. Приблизительный подсчет говорит, что с морем было связано две трети выходцев из Прибалтики. Многие, к тому времени, когда они оказались в Австралии, уже успели повидать все океаны. Например, **Джон Бунке** из Либавы провел 25 лет в море, **Эрнест Оттоф Брунносон** покинул Россию в 16 лет, отправился в Аргентину, стал моряком. Моряки, кстати, часто указывали свою религию как англиканская, что свидетельствует об их постепенной ассимиляции. Некоторые из них, согласно их собственным словам, успели послужить в иностранных армиях. Например, **Карл Карлсон** из Риги провел 3 года в американской армии и 2 года в военно-морском флоте США. **Чарльз Кампман** даже участвовал в англо-бурской войне. В отличие от других иммигрантов – евреев, поляков и даже русских, - у уроженцев Прибалтики на этом этапе почти не наблюдается семейной иммиграции. Почти все иммигранты – одинокие молодые мужчины, в редких случаях они оказывались в Австралии вместе с братьями.

Были среди них и политэмигранты – два учителя из Латвии **Рудольф Махлит** и **Август Марен**. Махлит бежал в Австралию через Дальний Восток. А вот судьба Августа Марена оказалась более сложной. Бежав из России, он попал в Англию, где был связан с группой латышских анархистов "Леесма" под руководством знаменитого Петра Маляра. Зимой 1911/12 гг. эта группа совершила в Лондоне громкие ограбления и убийства, подобно героям "Бесов" Достоевского. Вскоре после этого Август Марен перебрался в Австралию к своему другу **Эрнсту Дрегеру**, тоже латышу. Здесь у них возник конфликт из-за невесты Дрегера, и последний сообщил австралийским властям свои подозрения о деятельности Марена в Лондоне. Марен был арестован, ходили слухи, что Марен и есть сам главарь анархистов Петр Маляр, попавшийся в руки австралийской полиции. Однако через несколько месяцев он был освобожден за недоказанностью вины. Марен взял новое имя – **Петер Джонсон** и под этим именем вступил в армию. По иронии судьбы он оказался в одном подразделении со своим врагом Эрнстом Дрегером...

Финны. Около 26 % в составе российских анзаков составляли финны. Несмотря на то, что Финляндия входила в состав Российской империи с 1809 г., она сохраняла культурную и религиозную автономию, и, таким образом, финны были мало русифицированы. Многие из них еще в молодости уходили в плавание на иностранных судах, что способствовало усвоению ими английской культуры и языка еще до окончательного обоснования их в Австралии. Как и среди жителей прибалтийских губерний, среди финнов морские профессии составляли около двух третей, если не больше. Многие из них остались в Австралии задолго до начала войны и работали здесь разнорабочими, плотниками, лесорубами. Несколько человек стали фермерами. Жизнь на свободной изобильной земле была давней мечтой финских, также как и русских, крестьян. В этом отношении любопытна история семьи Коткамаа. Франс Коткамаа, приехавший с семьей в Австралию на рубеже веков, вероятно, был последователем харизматического предводителя финнов Матти Курикка, пытавшегося основать финскую колонию в Северном Квинсленде в 1900 г., эта попытка окончилась неудачей. Сын Франса, **Йоханнес Коткамаа**, вступил в австралийскую армию и погиб в Бельгии. Отметим, что среди финнов была и единственная известная мне женщина, служившая в австралийской армии – **Августа Эмилия Энберг**, профессиональная медсестра.

Жители Кавказа и другие народы. В составе российской иммиграции были представлены и другие национальности, проживавшие на территории Российской империи. Несмотря на австралийскую политику "белой Австралии", препятствовавшей въезду в страну лиц неевропейского происхождения (а попросту - всех не белых), сюда попали русские татары, осетины, грузины, армяне и, возможно, представители других народов Кавказа. Особенно много было среди них осетин – **Кульчук Азиев**, **Моисей Бембалат Бараков**, **Бекза Гасиев**, женатый на русской Дуне Лопасовой, **Бекза Борис Дезантов**, женатый на русской Любе (на призывном пункте он расписался по-русски – Жантиев), **Моисей Досоев**, **Александр Зангей** (или Зандегей), **Алексей Толпаров**, **Томас Хабаев**. Все они происходили из окрестностей Владикавказа, из сел Ардон, Гизель и Хумалаг. Почти все они осели в Южной Австралии, где работали в Порт-Пири на медеплавильном заводе. Вместе они вступили и в армию. Большинство из них свою религию указали как русские православные (многие осетины действительно были крещены), а вот Моисея Досоева почему-то записали лютеранином! Он, кстати, воевал в русско-японской войне в составе отряда казаков. Среди других уроженцев Кавказа назовем грузин - торговца **Павла Кирвалидзе** и моряка **Анисима Гвинзадзе** из Кутаиси, - и лиц, национальность которых определить затруднительно - **Михаила Елокова** (или Елекоева), указавшего местом своего рождения просто Кавказ и **Вадима Байдакова** из Тифлиса, который в Австралии первоначально работал парикмахером (эта профессия действительно кажется очень тифлисской). А вот моряк **Абдул Ганивахов** из Казани несомненно был татарин (хотя при записи в армию его, как и Моисея Досоева, превратили в лютеранина). Были в составе австралийской армии и армяне, но родившиеся не в Армении, а в других странах, куда выехали их родители.

Отметим, что среди россиян были и другие народности – например, карел из деревни Чар-Наволоки под Петрозаводском **Михаил Федорович Борисов** или румын **Георгий Дьяконеску**, он долгие годы жил в Маньчжурии и вступил в армию как русский подданный.

Русские иностранцы. Среди русских анзаков была и еще одна особая группа – иностранцы, родившиеся на территории России. В основном это были британцы, родившиеся в Петербурге – **Джордж Бол, Оскар Нортон Гэмбрил, Стенли Джонсон** - или в других городах России – **Кеннет Маклеланд, Францис Дайсон, Джеймс Вильям Бар, Роланд Артур Купер, Джордж Коннанд**. Среди них удалось обнаружить даже одного француза из Москвы - **Эдгара Гамсона**. Впрочем, еще один россиянин, **Георгий Логинов** из Ветки в Белоруссии, утверждал, что его мать была француженкой. Других "иностранцев" я уже упоминала в разделах, посвященных полякам и жителям Прибалтики. Для некоторых из них факт рождения в России был лишь случайным эпизодом в их биографии во время пребывания там их родителей-иностранцев и они никак не ассоциировали себя с русскими, но другие, выросши в России, хотя и не являлись этнически русскими, знали русский язык и сохраняли тесную связь со своей родиной. Например, **Джорджа Бола**, который прекрасно владел английским языком и по всем признакам был англичанином, сослуживцы всегда звали "русским".

2. Война

«Вступай или голодай»

На протяжении первой мировой войны не менее четверти мужчин-уроженцев России, проживавших в Австралии, вступили в австралийскую армию. В процентном соотношении это было больше, чем среди всего австралийского населения (население Австралии в то время было почти 5 миллионов человек, а в армии служили около 400 тыс. человек). Кроме того многие русские подали заявления на вступление в армию, но были отвергнуты по двум причинам: "не годен по медицинским показаниям" и "недостаточно владеет английским языком". Всех - принятых и подавших заявления, но отвергнутых - к настоящему времени удалось обнаружить уже свыше тысячи человек. Я уже говорила в предыдущих очерках, что в австралийской армии выходцев из России было больше, чем уроженцев любой другой не англо-саксонской страны. Надо подчеркнуть, что австралийская армия была добровольной, обязательного призыва в армию в то время не было. Чем же объясняется такой энтузиазм русских, который меняет устоявшееся представление о ранней русской эмиграции в Австралии как преимущественно радикальной, революционной? Ведь русские радикалы, как известно, не поддерживали войну и вели активную антивоенную пропаганду в русских газетах "Известия союза российских рабочих" и "Рабочая жизнь", выходивших в Австралии в те годы.

Причины массового вступления русских в армию были столь же разнородны, сколь разнородной была и сама эта ранняя эмиграция. Со стороны британцев-уроженцев России это был несомненный патриотический порыв и выполнение долга перед империей. К их числу принадлежат, например, **Джордж Болл** и **Александр Арн** из Петербурга или **Францис Дайсон** из Риги. Вероятно, те же чувства руководили и еврейскими юношами, родившимися в России, но воспитанными в Англии, в традициях английской культуры – например, **Абрахамом Левене** (служившим под именем **Дэвид Конрой**). Все они вступили в армию в первые же дни войны и погибли в боях или были тяжело ранены. Чувство долга перед Австралией, которая стала их домом, вкупе с жадой приключений руководили и русскими юношами, подраставшими в Австралии. Как иначе объяснить вступление в армию 18-летнего **Вильяма Аверкова**, который на призывном пункте накинул себе два лишних года? Он приехал в Австралию с родителями еще ребенком, здесь, после гибели отца в результате несчастного случая, он стал главным кормильцем большой семьи, в которой было еще пятеро младших детей. Но ничто не могло удержать его от вступления в армию. Он тоже не вернулся с войны.¹¹ Но, в массе своей, вступление россиян в австралийскую армию объяснялось более прозаическими причинами.

Особую группу здесь составляли моряки. Нередко они дезертировали со своего корабля в Австралии и, помыкавшись на берегу без работы, вступали в армию. Иногда, с началом войны, корабли интернировали или просто капитаны решали, что продолжать плавание дальше небезопасно и рассчитывали всю команду. Внук **Вильяма Деонка** из Лиды, в Белоруссии, рассказывает: "Он был русским торговым моряком, приплыл сюда на корабле, и как все хорошие мальчики он оставил корабль, гулял в городе, а корабль тем временем ушел. Тогда австралийские власти его поймали как нелегального иммигранта и сказали ему: "Вот тебе выбор – или мы тебя вышлем в Россию, или отправим в Европу, сейчас там завязалась маленькая война, так месяца на три". И он подумал: "Ну что ж, вступлю я в армию, повоюю три месяца в Европе, и я свободен, они должны будут вернуть меня сюда, и уже ничего мне не сделают за то, что я сбежал с

корабля". Но ему и в голову не пришло, что ему придется пройти всю войну от начала до конца".¹² Дочь другого белоруса, **Устина Гловацкого**, из Жабинки, тоже вспоминает подобную историю: "Он добрался до Рокхемптона на корабле зайцем и стал подумывать, что лучше бы как-то вернуться в Россию, но у него не было денег. И тут он услышал, что набирают солдат в Дарданеллы, они тогда говорили, что войну эту закончат очень быстро, и он подумал: "Я сяду с ними на корабль, мы кончим войну, а оттуда недалеко и до дома дойти". Получилось-то все совсем не так".¹³

Большую роль в массовом зачислении русских в армию сыграло российское консульство, и в особенности генеральный консул **Александр Абаза**. В конце 1915 года он довел до сведения австралийских властей, что все русские подданные (а таковыми Россия считала даже русских, натурализовавшихся в Австралии, но формально не лишенных русского подданства, т.е. практически всех иммигрантов) в возрасте от 21 до 38 лет, являющиеся резервистами, должны немедленно вступить в армию. Если они не имеют возможности вернуться в Россию, чтобы вступить в русскую армию, то они должны вступить в армию союзников, в данном случае Австралии. Австралийские власти согласились, что для вступления в австралийскую армию русским не надо иметь австралийской натурализации. В большинстве случаев дело ограничивалось тем, что они приносили на призывной пункт справку из русского консульского отделения, а такие были во всех крупных городах Австралии, где указывалось, что податель является русским подданным-резервистом. Списки всех русских, подавших заявления в армию, ежемесячно передавались военными властями всех штатов русскому генеральному консулу до начала 1918 года. Но консул на этом не остановился. В начале 1916 года он пытался добиться полного запрета на выезд из Австралии на нейтральных судах как русских моряков, так и русских пассажиров без письменного разрешения русского консульства. Несомненно, что все лица призывного возраста, выловленные им таким образом, были бы направлены в армию. Этот вариант не был в полной мере поддержан австралийскими властями. Тогда Абаза попытался добиться от них, чтобы они обязали всех русских подданных ежегодно регистрироваться в русском консульстве на протяжении всей войны (не секрет, что многие русские, иммигрировавшие в Австралию, всячески избегали контактов с официальными русскими властями). На это власти ответили вежливым отказом. Как-никак это была свободная страна, по крайней мере формально свободная. Конечно, требование русского правительства об обязательном вступлении в армию резервистов имело силу только по отношению к тем русским, что приехали в Австралию на заработки, предполагали вернуться на родину и не хотели портить свою репутацию. Для тех, кто навсегда покинул Россию, это, казалось бы, уже не могло иметь значения.

Но дело обстояло гораздо сложнее. Консул добился специального соглашения с австралийскими властями о том, что русских в возрасте от 18 до 50 лет с 1915 года вообще перестали натурализовать в Австралии. Вместо этого им предлагали вступать в армию. Отказ в натурализации существенно ограничивал русских в правах, например, они не могли купить дом, стать владельцами земельной собственности. Все больше росло подозрение к русским как к чужакам (alien). Тут австралийские власти проявили свою инициативу и с конца 1916 г. ввели обязательную полицейскую регистрацию всех иностранцев, в том числе русских, по месту жительства. При переезде с одного места в другое русские должны были являться в полицейский участок и заполнять учетную карточку. Если они этого не делали, а часто многие, не зная английского языка, и не подозревали что теперь в "свободной Австралии" тоже введен тотальный полицейский контроль, их нещадно штрафовали. Власти на местах тоже

проявляли свою местную инициативу. 1 апреля 1916 года русские шахтеры с рудника Маунт Морган сообщали, что начальство шахты потребовало от всех русских предъявить паспорта. Все беспаспортные (а таких было немало) были уволены с работы и им предложено было подать заявления в армию. "Наш босс, - жаловались русские, - распространяет письмо с русским флагом на нем. В нем требуется, чтобы мы все вступали в армию".¹⁴ Формально это было незаконно, но фактически русским действительно становилось все труднее получать работу, особенно на государственных предприятиях, где они до того часто работали.

Вступление русских в армию в таких условиях можно назвать классическим образцом добровольно-принудительного зачисления "вступай или голодай". Это, кстати, объясняет, почему в армию вдруг хлынул поток русских "добровольцев", заведомо негодных к строевой службе – кто с грыжей, кто с переломом ноги, кто с варикозными венами, - да зачастую еще и совершенно не знающих английский язык. Дело объяснялось просто – всем отвергнутым давали специальную справку и на них ограничения в найме на работу и подозрения в неблагонадежности больше не распространялись.

То, что русских толкал в армию отнюдь не голый патриотизм, хорошо видно на примере судьбы **Мика Элекова**, уроженца Кавказа, вероятно осетина. Он приехал в Австралию в 1914 году и почти не знал английского. На протяжении июня 1917 – декабря 1921 года он 35 раз (!) в поисках работы менял место своего жительства и каждый раз регистрировался в местной полицейской станции: Бундаберг – Курри-Курри – Бингера – Маунт Морган – снова Курри-Курри – Порт-Пири – Брокен Хилл – снова Бингера – снова Бундаберг – Рокхемптон – Арамак – Баркалдин – Лонгрич – снова Маунт Морган – снова Рокхемптон, и так из месяца в месяц, из года в год. Один раз, когда он не успел зарегистрироваться в полиции, его оштрафовали на 2 фунта 3 шиллинга 6 пенсов (по тем временам большие деньги, почти двухнедельный заработок рабочего). Когда он попался второй раз, в Баркалдине, и предстал перед магистратом, он, несмотря на незнание английского, сумел объяснить им свою горестную историю. Оказалось, что он уже пытался вступить в армию в Брокен Хилле, в Аделаиде и в Мельбурне, но не был принят потому, что не был натурализован и вот, наконец, недавно он прошел медицинский контроль и теперь спешит в Лонгрич, где он снова собирается вступить в армию. Услышав это, магистрат отпустил его даже не оштрафовав. В Национальном архиве сохранилось досье лишь одной такой попытки (в Курри-Курри) вступить в армию. До какой степени Мик не понимал английский язык, видно из анкеты, которую местный чиновник заполнил там с его слов. В графе об имени и месте жительства его отца написана следующая тарабарщина "Bara Elecof Elecoeff Terrcau Cawcar Hristianscay". Очевидно Мик сначала на разные лады повторял свою фамилию, потом попытался объяснить, что его отец живет в Терской области на Кавказе, и, подумав, что чиновнику этого мало, попытался втолковать ему, что он сам веры христианской. А потом, совсем отчаявшись, в той же графе своей рукой дописал: Mick Elecoeff, Russia. Это, наконец, чиновника удовлетворило. Что касается Мика, то он через несколько дней был отчислен из армии по медицинским показаниям и продолжал колесить по Австралии в поисках куска хлеба еще несколько лет. Забегая вперед скажем, что его судьба, на фоне многих других русских судеб, сложилась в общем-то счастливо. В 1924 г. он женился в Литгоу на местной 16-летней девушке, у них было четверо детей. Мик умер в 1937 году. Недавно мне удалось разыскать его внуков, настоящих австралийцев, которые, к сожалению, ничего не знают о своем деде кроме того факта, что он был родом откуда-то из России.

Возвращаясь к причинам вступления в армию, скажем, что хотя экономический фактор здесь и не был единственным, он несомненно был очень

существенным. Ведь австралийскому солдату в армии платили каждый день 6 шиллингов. Некоторые русские, отправляясь на войну, оставляли большую часть этого дохода своим семьям, находившимся в Австралии или в России (на первых порах австралийские власти исправно пересылали туда деньги). Эти 6 шиллингов стали для некоторых русских своего рода символом. В 1918 году **Вальтер Калашников** из городка Остров под Псковом, который вернулся с войны полуслепым, израненный взрывом, посещая Русскую Ассоциацию в Брисбене, с горечью сказал, показывая на свой значок фронтовика: "Это мой позор. Я продал себя за 6 шиллингов и пошел убивать своих братьев". Группа русских солдат во главе с **Лео Берком** из Белостока осудили его заявление и писали в газете, что они "пошли на фронт не за 6 шиллингов, а чтобы отдать свои жизни в борьбе за Россию и ее союзников в этой великой мировой войне за демократию и мир".¹⁵

Что ж, патриотический долг каждый русский понимал по-своему. Для кого-то это были громкие слова, для многих других – элементарное чувство совести. Они не могли отсиживаться в австралийском тылу, когда в армию вступали их братья в России, их земляки и соседи в Австралии. Зачастую они вступали в армию целыми группами. Например 14 августа 1915 года в 25 (квинслендский) батальон вступила сразу целая группа русских с рудников в Маунт Моргане – Акон Петров, Николай Шолматов, Джон Туагарин, Александр Тарасенков и Тихон Янин – все из русской глубинки. Вместе с ними служил, кстати, и Вальтер Калашников, который вступил в этот батальон несколькими днями раньше.

Что касается властей Австралии, то, конечно, они ценили такого крупного союзника Британской империи каким была Россия. В начале Австралия стремилась показать свою симпатию к России. Например, в 1916 году были планы организовать и послать в Россию австралийский госпиталь. В начале 1917 года австралийскими властями обсуждался вопрос о возвращении в Россию многочисленных пушек, захваченных Англией во время Крымской войны и украшавших австралийские города, но воз остался и ныне там.¹⁶ Вместе с тем австралийские военные власти не выражали, как кажется, особого восторга по поводу массового вступления русских в их армию. Сослуживцы зачастую называли их немецкими шпионами, да и командование держало их под подозрением. Наличие писем "на каком-то иностранном языке" у **Алексея Копина** и тот факт, что он носил с собой нож, вызвало подробное разбирательство у властей лагеря в Сеймуре, Виктория, где он находился. Командующий лагеря взывал к штабу: "неужели ничего нельзя сделать, чтобы воспрепятствовать вступлению этих иностранцев в австралийскую армию, особенно в такие технические подразделения как пулеметные, в которых человек должен быть более развитым, чем в других подразделениях." И добавлял, что "Копин имеет типично немецкую внешность". Копина уволили из армии, о чем он и сам к тому времени просил, а через несколько дней дело было уже в руках службы разведки. Начальник разведки в Виктории сообщал своим коллегам в Квинсленде, куда направлялся Копин: "Он предъявил мне свои бумаги и это убедило меня, что он русский поляк, натурализовавшийся в 1914 г., но я препровождаю вам информацию о том, что он почти завершил строительство лодки 34 фута длиной, которую он собирается использовать, а я всегда отношусь подозрительно к русским, похожим на немцев, которые попадают в Сеймур, изучают пулеметное дело, а потом увольняются из армии".¹⁷ Комментарии, как кажется, излишни. Неясным остается только, куда, по мнению разведки, Копин мог поплыть на своей лодке...

Галлиполи. Легенда анзаков в русской перспективе

Каждый год 25 апреля по всей Австралии отмечается один из самых священных для австралийцев праздников – День Анзака. В этот день в 1915 г. части австрало-новозеландского армейского корпуса (ANZAC), вместе с другими войсками союзников, высадились под шквальным огнем турецкой армии на гористые берега полуострова Галлиполи у пролива Дарданеллы. По плану британских военных стратегов это должно было позволить не только захватить Дарданеллы, но и оттянуть турецкие войска с кавказского фронта и, таким образом, помочь одному из их главных союзников – России. Генералы мало считались с жизнями простых солдат, тысячи которых погибли при высадке и во время последующих кровопролитных боев. По существу это было поражение союзников, но в самосознании австралийцев Галлиполи заняло особое место. Отсюда они ведут отсчет подлинного создания своей нации, ее единства, стойкости и братства. Это своего рода австралийское Бородино, колыбель австралийского духа. Россияне, с первого дня высадки 25 апреля 1915 года до последнего дня эвакуации в конце 1915 года, были тоже частью "легенды анзаков" (Anzac legend). Впрочем, не будем забывать, что это легенда, в которой коллективное общественное сознание усиливает одни детали и игнорирует другие, и судьба наших земляков, оказавшихся в Галлиполи, увы, служит блестящим подтверждением этому. Но сначала немного статистики.

В составе Австралийского экспедиционного корпуса в Галлиполи участвовало около 150 уроженцев России; я смогла познакомиться с досье 115 из них. Среди них были представители многих народов Российской империи – русские, о которых я скажу дальше; **белорусы** - Устин Гловацкий, Вильям (Тадеуш) Деонк, Андрей Жабинский, Павел Зеневич; **украинцы** и, шире, уроженцы Украины - Цезарь Волковский, Никифор Домиловский, Джон Качан, Степан Лусгик, Леонард Новицкий, Вальтер Пивинский, Константин Пинкевич, Мариан Пшеволодский, Севастьян Радецкий, Иосиф Рудецкий, Савелий Ткаченко; **поляки** - Альфред Ян Маркович, Иосиф Брандебура, Бронислав Борыс, Ян Сулковский; **евреи** - Елеазар Марголин, Натан Вочман, Самуэль Бортзел, Вульф Хофман, Шия Фельс, Абрам Левене, служивший как Давид Конрой, Франк Лесни, служивший как Бернард Франк; **финны** - Александр Хилтунен, Анти Куяла, служивший под именем Томас Линд, Паул Фальк, Отто Пуиккула; уроженцы Прибалтики, среди них **эстонцы** - Август Аррета, Александр Алликас, Франс Виктор Весала, служивший под фамилией Карлсон, Роман Илупмаги, Вильям Амбросен; **латыши** - Эдвард Абескалн, Мартин Антин, служивший под именем Фриц Лепин, Джон (Янис) Амолин, Джордж Берзин, Арвид Беркис, Джулайс Бирн, Рудольф Махлит, **литовец** Казис Валукевичюс (в армии его имя исковеркали как Казинар (!) Валукавиц) и даже **немцы** - Дидрих Розенфельд, Рудольф Данберг, Джон Рейнеке, Фриц Зиман; были и **осетины** - Томас (Темболат) Хабаев и Кульчук Азиев, а также тифлисец Вадим Байдаков. Кроме немцев среди уроженцев России было несколько иностранцев, вероятно менее ассимилированных, чем немцы – **француз** Эдгар Гамсон, **англичане** Джордж Болл, Джеймс Вильям Барр, Францис Дайсон и Оскар Гамбрил.

Собственно **русских**¹⁸ было тоже много и попали они в Австралию со всех концов Российской империи – слесарь **Георгий Васильев** из Владивостока, плотник **Иван Волков** из Вятской губернии, машинист **Иван Козаков** из Москвы, рабочие **Григорий Смагин** из Енисейска, **Яков Петров** из-под Бишкека в Средней Азии, **Владимир Лопатин** из-под Смоленска, **Алексей Казаков** из-под Казани, **Александр Егоров** из села Бестужево в Рязанской губернии, **Николай**

Коротков из Самары, **Иван Шохин**, служивший под именем Шуплаков, из-под Кашинска в Тверской губернии.

Среди них было много моряков и кочегаров - **Федор Васильев** из Новой Калиши, **Николай Шаров** из Владивостока, **Александр Попов** их Вологды, **Альберт Морозов** и **Александр Саст** из Одессы, **Влас Козаковшонок** из Риги, **Иван Иванов** из Либавы. Любопытно, что среди моряков было несколько человек из высокопоставленных семей - **Александр Карелин** был сыном крупного чиновника из Петербурга, а отец **Георгия Камышанского** из Керчи, Петр Константинович Камышанский, был прокурором Петербургской судебной палаты, а затем, за служебную ошибку, был "сослан" губернатором в Вятку. Было среди русских и несколько представителей интеллигенции - репортеры **Петр Чирвин**, уроженец Сахалина, и **Николай Федорович** из Одессы, ботаник **Яков Серебренников** из Мелитополя, инженеры **Георгий Плотников** из Екатеринбурга, **Иван Коренев** из Одоева под Тулой, **Францис Дерамер** (де Рамер) из поселка Сейны в Польше на границе с Белоруссией, **Николай Романовский** из-под Енисейска и его земляк ветеринар **Парфен Грехов**.

Наиболее многочисленны уроженцы России были в нескольких пехотных батальонах – 9, 15 и 26, формировавшихся в Квинсленде, 10 и 27 – южноавстралийских, 3 и 13 - новоюжноуэльских, и 16 – западноавстралийском; впрочем почти в каждом батальоне, сражавшемся в Галлиполи, было хотя бы по одному россиянину. Несколько человек служили и артиллерии и кавалерии, в медицинских частях. Часто они, особенно русские, вступали в армию целыми группами или, подружившись в лагере, отправлялись служить в составе одного подразделения. Например, в составе 5 пополнения 9 батальона на судне "Киарра" 16 апреля 1915 г. отправилось шестеро брисбенцев – Чирвин, Домиловский, Федорович, Романовский, Розалиев, Сулковский и, из Порты Дугласа в северном Квинсленде, Коротков; на судне "Карула" из Брисбена 12 июня 1915 г. отправились 8 русских – Гловацкий, Карелин, Румянцев, Секачев (в составе 6 пополнения 9 батальона) и Лопатин, Грехов, Смагин, Волков (6 пополнение 15 батальона); в Сиднее к ним присоединились Козаковшонок и Козаков. Особенно большая группа россиян отправилась в Галлиполи в составе 26 батальона, в основном из Рокхемптона – осетины Азиев и Хабаев, белорус Жабинский, украинцы Качан, Новицкий, Лусгик и Рудецкий, русские Васильев и Плотников. В 16 западноавстралийском батальоне, майором в котором служил уроженец Белгорода Марголин, было тоже немало россиян, в основном прибалтов.

Немало было уроженцев России и в составе первого легендарного конвоя кораблей с австралийскими и новозеландскими войсками, с которого начинается отсчет службы анзаков на полях первой мировой войны. Этот конвой покинул австралийские воды в начале ноября 1914 г. и по пути потопил немецкий крейсер "Эмден", грозу океанов. В эту группу попали вступившие в армию в первые же недели войны – Баер, Арн, Камышанский, Дайсон, Болл, Хилтунен, Синдеев, Маркович, Конрой, Саст, Зандер и Уотсон. Они, а также участники нескольких последующих конвоев, и приняли на себя самый тяжелый удар высадки в Галлиполи 25 апреля, которая теперь отмечается как День Анзака. В этой высадке участвовало не менее 25 россиян. В вышеперечисленным именам добавим еще несколько – Фельс, Марголин, Валинкевичюс, Аррета, Пшеволодский. Почти все они были ранены при высадке или в первые же дни боев, а рыбак из Выборга, **Анти Куяла**, и переводчик **Мариан Пшеволодский** – убиты. Моряк **Арвид Беркис** из Риги был ранен во время майских боев, и, едва вернувшись в июле в свой 6 батальон из госпиталя, снова был тяжело ранен и умер от ран на борту корабля при эвакуации в Египет и похоронен в море. Так же трагически оборвалась и жизнь **Абрахама Левене**, еврейского юноши из России, выросшего

в Англии, и **Рудольфа Махлита**, учителя из Латвии, бежавшего в Австралию из ссылки. Раненые вскоре после высадки, они вернулись в строй и были убиты несколько недель спустя.

Вообще потери среди россиян, как и в целом по армии, были очень велики – во время Галлиполийской кампании более половины из них были ранены или выведены из строя дизентерией, ревматизмом, гриппом и другими инфекционными болезнями. Дизентерия особенно свирепствовала в августе-сентябре 1915 г. - в это время переболели дизентерией почти все русские в составе упомянутого выше 5 пополнения 9 батальона, высадившегося в Галлиполи 22 июня. Эта совсем не романтическая болезнь и спасла их от гибели во время тяжелых августовских боев, во время которых были ранены **Адольф Экланд**, **Рудольф Данберг**, **Алексей Казаков**, **Вульф Хофман**, и **Джек Венгерт**. Упомянутое выше 6 пополнение 15 батальона, в которое входило много русских из Квинсленда, высадилось в Галлиполи 2-4 августа и сразу было брошено в бой за плацдарм Одинокой сосны, в котором погибли **Иван Волков** и **Влас Козаковшонок** и были ранены **Парфен Грехов** и **Владимир Лопатин**¹⁹. В этом же бою был убит **Теодор Ламбахирт** из 5 батальона, а двумя неделями позже погиб **Джон Амолин** из 16 батальона.

Лишь половина россиян вернулась в Египет после эвакуации австралийских войск из Галлиполи в конце 1915 г., остальные, те, что остались живы, были вывезены оттуда раньше на госпитальных кораблях, искалеченные и больные. Многие из тех, кто выжил и вылечился, были переведены в новые, необстрелянные полки, прибывающие в Египет из Австралии. Им предстояло еще пройти несколько долгих лет тяжелых боев во Франции и Бельгии. Лишь единицы из первых русских анзаков дошли до конца войны, да и их жизнь зачастую была трагичной...

...Начиная собирать материалы об анзаках, мне казалось, что это часть далекой легендарной истории, что между нею и нашим временем глубокая пропасть. Но внезапно зазвучали голоса тех, кто долгие месяцы был для меня всего лишь именем в длинном списке имен русских анзаков.

"Как-то зимой мы сидели дома вокруг стола и ели горячую картошку, - вспоминает дочь **Устина Гловацкого**, Барбара Джаго из Сиднея, - и я говорю: "А нам сегодня в школе весь урок рассказывали об одном замечательном человеке, герое Галлиполи Симсоне". И тут мой отец покраснел и как закричит: "Об этом идиоте! Да он погубил больше людей своим дурачеством, чем спас! Он бывало несет носилки, а как завидит турок, начнет дразнить их, прыгать туда-сюда и покрикивать "Вот, где я!", а турки в это время раненого, которого он нес, и добьют. Сколько же осликов и раненых погибло из-за его дурости. Мне довелось поработать санитаром вместе с ним, и когда был мой черед идти с ним в паре, я притворялся, что у меня колики в животе, только бы не оказаться вместе с ним. Ничего не было опаснее, чем идти вместе с ним". История жизни самого Устина Гловацкого была полна необычайных приключений. Правнук, если верить семейному преданию, крупного землевладельца, бывавшего в царских дворцах, Устин начал свою карьеру в австралийской армии в качестве повара. На корабле его назначили ординарцем "смотреть за офицерами и чистить им обувь, - рассказывает его дочь. – Они видели, что он был джентльменом, он знал, что такое культура". В Галлиполи его направили в группу санитаров-носильщиков, т.к. он был невысокого роста. Однажды он вынес из боя тяжело раненного офицера. Когда офицера переносили на санитарный корабль, тот спросил имя спасшего его санитаря. Позже оказалось, что этот офицер был родственником Франка Савери, впоследствии ставшего британским послом в Польше. Франк Савери не раз помогал Устину Гловацкому в дальнейшем, и в конечном итоге

спас его семью в годы второй мировой войны,²⁰ но не будем забегать вперед и вернемся в Галлиполи.

"Мой отец ничего не говорил о Галлиполи, только рассказывал, как его ранили, он всего-то и провоевал там несколько дней, - вспоминает сын **Владимира Лопатина**, Рон. – Он укладывал мешки с песком и только он собрался взять очередной мешок, как его прошил снайпер, пуля прошла ему через легкое недалеко от сердца и вышла в спине, и потом эта же пуля попала прямо в зад одному новозеландцу! Ох, и прыгал же этот новозеландец туда-сюда..."²¹

"Он как-то сказал, какой страх они испытали, когда оказались в Галлиполи и увидели все вокруг, - а это уже голос Дороти Эйлес, дочери **Вильяма Деонка**, – и я подумала, "Ого! Моего отца не так-то просто напугать, должно быть, это было что-то действительно ужасное"". В составе 17 батальона он находился в Галлиполи с августа 1915 г. и одним из последних покинул пост. Деонк удостоился особой награды за мужество в Галлиполи – Военной Медали. Его командир, лейтенант-полковник Е.Т.Мартин, писал о нем: "В качестве гранатометчика на Квин Пост, где обстрел был исключительно интенсивным, Вильям Деонк проявил себя надежным, горячим и энергичным бойцом. Нельзя переоценить влияние его поведения на его товарищей – он никогда не унывал, как ни тяжела была обстановка". Это была удивительная характеристика, особенно в отношении русского, для которых командование редко находило хвалебные слова. Камнем преткновения было, конечно, непонимание ими команд на английском языке. "А как же его английский? – спросила я Дороти, зачитав ей этот документ. – Ведь он едва знал его". "Это его не беспокоило. Он говорил на ломаном английском, но он мог общаться с кем угодно, такая уж у него была натура". В их семье, впрочем, живет и другая легенда "Если бы он не был "refo" [т.е. иммигрантом], он бы получил более высокую награду", - говорит его внук, Роберт.²²

Героем Галлиполи стал и **Джордж Болл**, обрусевший англичанин из Петербурга, которого все в его 7 батальоне звали "русским". Он одним из первых вступил в армию и был ранен при высадке в Галлиполи. Через месяц он вернулся в батальон и отличился в знаменитой битве за плацдарм Одинокой сосны. Во время тяжелых боев 6 августа, когда все офицеры и прапорщики в его подразделении были убиты или ранены, он взял на себя командование и удерживал наступление турок, пока их подразделение не было реорганизовано. За храбрость в этих боях он был награжден Медалью за выдающееся поведение (Distinguished Conduct Medal).²³

Но, увы, не все, что пережили уроженцы России в Галлиполи, подходит для "легенды анзаков". О том, что испытали там многие из них, мы никогда не узнаем. **Иосиф Рудецкий**, например, никогда не говорил своей семье о войне и даже не участвовал в маршах анзаков. **Савелий Ткаченко**, после нескольких месяцев в Галлиполи, стал "самострелом" – в ноябре 1915 г. он выстрелил сам себе в правую руку. Его дело разбиралось военно-полевым судом. Впрочем, это был не единичный случай – одновременно с ним разбирались и дела самострелов-австралийцев, тем не менее начальство Ткаченко, давая ему характеристику, подчеркивало, что он русский. Наказание, полученное Ткаченко, не освобождало его от участия в боевых действиях - армии к тому времени нужен был каждый человек. Он еще не раз будет пытаться покинуть армию и кончит пожизненным тюремным заключением, которое скоро снимут и опять пошлют его в бой. **Джон Качан**, сигнальщик в 26 батальоне, после нескольких месяцев боев потерял рассудок. Когда он лежал в расположенном во дворце госпитале в Гелиополисе, окруженный заботливым персоналом, ему все казалось, что его вот-вот убьют. Он был эвакуирован в Австралию и его дальнейшая судьба уходит в небытие.

Были и другие трагические случаи, которые тоже не вписываются в легенду анзаков. **Альфред Ян де Топор Маркович**, о котором я упоминала в предыдущих очерках,²⁴ смелый, инициативный боец, через несколько дней после высадки в Галлиполи, когда каждый солдат, казалось бы, должен был быть на счету, неожиданно услышал от командира: "Маркович, я против Вас ничего не имею. Вы хорошо поработали, но Вы обвиняетесь в прогерманских симпатиях, Вам нужно пойти на командный пункт и очистить себя от подозрений". На командном пункте его продержали под строгим арестом 8 дней, не предъявляя никаких обвинений, а затем сообщили, что он будет возвращен в Австралию с формулировкой "Услуги больше не нужны". Однако на корабле, на котором он возвращался, было распространено сообщение о том, что он шпион, и его посадили в камеру. В это время его вещмешок попал в руки бдительных охранников, которые искали там "оружие и амуницию". Не найдя оных они прихватили бумаги и все, что было там ценного, в том числе коллекцию редкостей, собранную Марковичем в Египте, – как человек состоятельный и образованный, он имел к таким вещам большой интерес. Когда, обнаружив пропажу, Маркович пожаловался, ему пригрозили заковать его в кандалы.

По возвращении в Австралию, служба безопасности подвергла его допросам. "Улики", собранные против него, были просто смехотворны. Здесь, например, фигурировало то, что он работал для германской фирмы на Тонга перед тем, как приехать в Сидней (для какой еще фирмы он мог работать, живя в германской колонии!?). Подозрения вызвали и первые дни пребывания Марковича в Галлиполи. Вскоре после высадки командование его 3 батальона послало его с донесением на командный пункт. Возвратясь назад, он не обнаружил своего подразделения, которое отступило. Уже в сумерках он присоединился к 16 батальону, где по существу проявил себя героем, добровольно выходя несколько раз в разведку и используя свое знание французского языка для переговоров с окружавшими их турками. Его инициатива позволила предотвратить неожиданный захват их позиций противником. Когда обстановка нормализовалась, Маркович вернулся в свой батальон с запиской от командования 16 батальона о причинах его отсутствия. Материалы допросов Марковича рисуют полную неразбериху, царившую в первые дни после высадки, дезориентацию командования. И... до боли напоминают нравы в советской армии в трагические дни 1941 года, да и в последующие годы. В то время, как рядовые бойцы гибли без счета, кто-то следил за "подозрительными", писал доносы и строил на этом свою "боевую" карьеру. В деле Марковича, например, имеется совершенно дикий донос такого характера: "Хотя Маркович якобы не жил во Франции, а учил французский язык в школе, знать язык так, как знает он, можно только живя в Париже, а поскольку он прожил 6 лет в Австралазии, на это надо обратить внимание".

После возвращения в Австралию 17 июля 1915 г. Маркович был уволен с формулировкой "Дисциплинарные причины". В его деле после этих слов стоит приписка карандашом: "Не преступление. Сомнительное имя". Эта история легла темным пятном на судьбу Марковича. Когда, будучи членом Лиги ветеранов (RSL), он боролся за права фронтовиков и разоблачал злоупотребления военных бюрократов, военные опять вытащили на свет историю его увольнения из армии. Только к 1922 году ему удалось добиться права на получение военных медалей. В 1931 г., когда он хотел получить работу в правительственном учреждении, службы безопасности вновь были запрошены о его прошлом. Правда, на этот раз чиновник честно написал: "Его подозревали в том, что он шпион, но никаких оснований к этому подозрению так и не было обнаружено".²⁵

Галлиполийские испытания **Александра Саста**, русского моряка из Одессы, были не менее тяжелы. Он был ранен в ногу вскоре после высадки, отправлен в Египет на лечение и затем вернулся в свой 10 батальон. 18 июля он был послан на передний край окопа, чтобы подстрелить турецкого снайпера. Они вели перестрелку, пока Саста не ранил в ногу осколок снаряда. Он звал на помощь своих товарищей, но из-за грохота артобстрела они не могли его услышать, и Саст несколько часов пролежал истекая кровью. Ночью перед ним появился турецкий солдат, который попытался прикончить его штыком, но Саст из последних сил схватил штык (на допросе Саст предъявил шрамы на ладони) и отвел удар. Увидев, что он ранен, турки перенесли его в свою траншею, а затем перевезли в свой госпиталь. Из госпиталя, после того, как его раны немного зажили, его перевезли в Скутари (Ускудар), где подвергли изощренным пыткам за то, что он отказался отвечать на вопросы о своей армии. Ему связали руки за спиной и подвесили за кольцо на столбе так, чтобы ноги не доставали до земли. Через четверть часа он стал терять сознание. Его приводили в чувство и продолжали держать на столбе. Это продолжалось 4 дня. Затем его отправили в лагерь военнопленных, где они работали по 12 часов в день, получая горячую пищу лишь раз в сутки. В декабре их перевезли в Болгарию, где заставили копать траншеи под началом немецкого офицера.

Здесь Саст сошелся с болгарским солдатом ("я легко понимал его, потому что его язык был как русский"), который хотел дезертировать из армии, перебравшись через Дунай. У Саста было припрятано несколько золотых монет, которые он пообещал болгарину за помощь. В январе они успешно бежали через замерзший Дунай в Румынию, где уже скопилось много дезертиров из болгарской армии. Переодевшись в гражданскую одежду, Саст добрался до Бухареста, где повстречал еще двух русских. Вместе они добрались до реки Прут, перешли ее с помощью проводника и оказались в России. Вскоре, меняя поезда, Саст был в Москве. Он был намерен вернуться в армию, но только в австралийскую; опасаясь, что англичане сдадут его русским военным властям, он предпочел не обращаться в Британское посольство в Москве. Он нашел на карте Архангельск, в котором к тому времени находились британские войска, и, подрабатывая по дороге на билет, в конце концов добрался до британской военной части там. В июне он был доставлен в Англию, где и предстал перед следственной комиссией. Как ни невероятны были его приключения, ему поверили и направили сражаться в артиллерийскую часть во Франции.²⁶

Опасения Саста попасть в руки российских военных властей были не лишены оснований. В конце 1915 г. журналист **Николай Федорович** из 9 батальона, заболевший в Галлиполи брюшным тифом, будучи временно освобожденным от службы, получил разрешение съездить в Одессу навестить свою больную мать. В Одессе и в Петербурге его австралийская военная форма и героический ореол анзака вызывали большой интерес. Люди собирались послушать его рассказы о далекой заморской стране, где рабочим платят по 8 шиллингов в день. И тут российские военные власти решили, что он пригодится для их собственной армии и отправили его на фронт. Британский посол в Петербурге ничем не смог помочь ему. Лишь несколько месяцев спустя ему удалось добраться до Лондона и вернуться в австралийскую армию.²⁷

«Нация встала – из-за меня!» (Интермеццо)

Мы говорили в прошлом очерке о том, что Галлиполийское сражение и последующее участие австралийцев в Первой мировой войне стали кузницей духа молодой австралийской нации. На первый взгляд это кажется очевидным, но за

этими простыми словами скрываются самые причудливые факты жизни. И прежде, чем мы отправимся за русскими анзаками на поля сражений во Франции и Бельгии, остановимся ненадолго и познакомимся поближе с судьбами некоторых из них.

Теплой апрельской ночью 1905 года ротмистр Александр Васильевич Грешнер, начальник Нижегородского охранного отделения, возвращался домой из театра. Он шел по центральной улице под руку с дамой, домашней учительницей его детей. Они уже были недалеко от дома, когда их догнал юноша. Крикнув "Эй, жандарм!", он выстрелил в лицо и в грудь обернувшегося на крик Грешнера, а когда тот упал на мостовую, сделал в упор еще три выстрела и бросился бежать. Ночь взорвалась криками и свистками ночных караульщиков, которые пустились в погоню за террористом. Он без колебания разрядил свой восьмизарядный браунинг и в них и только после этого с ним удалось совладать. Этот юноша оказался эсером Александром Никифоровым, дворянином Пензенской губернии. Его отец, Лев Никифоров, был известным толстовцем, трое его старших братьев погибли, участвуя в революционной борьбе. Сам Александр Никифоров был сослан в Нижний Новгород всего за несколько недель до своего покушения на Грешнера, которое он выполнил по решению местного комитета эсеров.²⁸ Александр Васильевич Грешнер не причинил ему лично никакого вреда, но он был символом той самодержавной России, за разрушение которой они боролись.

Грешнер тоже был дворянином, прослужившим всю свою недолгую жизнь государству, на верность которому он присягнул. Его дед, Федор Иванович, "из иностранцев", в начале XIX века служил в русской армии в Бесарабии, участвовал в боях при Березине при нашествии Наполеона, а затем служил лесничим на Лосином острове под Москвой. Отец, Василий Федорович, тоже был лесничим в Рогачеве, в Белоруссии, дослужившись до чина подполковника.²⁹ Сам Александр Васильевич, окончив юнкерское училище, служил в пограничной страже, а затем в жандармских управлениях западных губерний. В мае 1903 г. он был направлен на свой последний пост в Нижнем Новгороде.³⁰ Но он был не просто винтиком государственной машины. Максим Горький в очерке "Палач" начал рассказ об этом покушении так: "Начальник нижегородского охранного отделения Грешнер был поэт, его стихи печатались в консервативных журналах и, кажется, в "Ниве" или "Родине". Помню несколько строк:

Вылезает тоска из-за печи,	С нею все-таки жить веселей.
Изо всех вылезает дверей	Без тоски мне совсем одиноко,
Но, хотя она душу калечит,	Как земле без людей и зверей..."

Собственно история и должна бы кончиться на этом, но история человеческой жизни это нечто большее, и идет она своими причудливыми путями. Выстрелы, раздавшиеся той теплой весенней ночью, как камень, брошенный в воду. Круги расходятся по воде все дальше и дальше, через все двадцатое столетие, из глубин России до глубин Австралии... Судьба молодого террориста вызвала размышления Горького, своего рода пророческие размышления о судьбах самой России. Никифорова "осудили на смерть, но никто из уголовных нижегородской тюрьмы не согласился взять на себя гнусное дело палача. Наконец полиции удалось склонить на это местного птицелова Гришку, что стало началом его собственного конца. "Приятель отшатнулся от него", а он, охваченный манией собственного величия, постепенно сошел с ума и нелепо погиб.³¹ Курицын, один из караульщиков, которого террорист ранил в грудь, согласно полицейскому донесению, "спустя сутки скончался, оставив вдову в последнем периоде беременности, с двумя малолетними детьми без всяких средств к существованию".³² Мы никогда не узнаем, удалось ли ей одной поднять

всех троих, и на чьей стороне они оказались после революции. Скорей всего – на стороне красных.

И осталась еще одна вдова - Ольга Александровна Грешнер - с четырьмя детьми, мал мала меньше. В полицейской телеграмме сообщалось: "После покойного Грешнера, жена и четверо детей остались без всяких средств, хоронить не на что, сумм Отделения нет". В архивах сохранилось еще несколько ее прошений о помощи, – "Осталась я с семьей с двумя тысячами долгу и без всяких средств к существованию. Детей у меня четверо никуда не пристроенных, старшей дочери 11 лет, сын 10 лет, дочь 4 лет и 1 года крошечный сынишка", - но потом все они тоже исчезают из документальной истории.³³ Но впереди у них была жизнь, долгая и непростая.

С тех пор прошло почти сто лет. И вот, после долгих поисков, я позвонила в Никенбу, в квинслендской глубинке, тезке Александра Васильевича Грешнера, его внуку, Александру Базилу Грешнеру, ушедшему на покой бизнесмену. "Не могли бы Вы рассказать мне о своем деде, в честь которого вы названы?" – попросила я. Но, увы, он ничего не знал. Он был австралийцем, а dinkum Aussie, живущим в настоящем. Его отцу, Василию Грешнеру, еще даже не было 10 лет, когда произошло покушение, но он всегда помнил и ту теплую ночь, и выстрелы, и крики на улице, и свистки караульных. А потом тело его любимого отца внесли в их дом. "Эй, жандарм!"... Он никогда не рассказывал своим детям об этом. Почему? Может быть как раз потому, что он прошел войну в рядах Австралийской армии, войну, которая сделала его австралийцем, и его дети тоже должны были быть австралийцами, просто австралийцами. Для той далекой теплой ночи не было места в Ньюпорте и Блэкбурне, мельбурнских пригородах, где они жили. И может быть это и к лучшему.

Да, это рассказ о том, как создавалась австралийская нация. Иногда проникновение в эту подлинную историю так пугающе больно, что я начинаю сомневаться, имею ли я право изучать ее, попутно соединяя, используя таинственную силу интернета и электронной почты, линии судеб, разорванные, казалось бы, навсегда. Но только "казалось бы". Мы, пережившие двадцатый век, знаем, что рукописи не горят. У Алекса Грешнера в Никенбе хранились воспоминания его отца и многочисленные фотографии, которые он и передал мне. А через интернет меня нашла московская часть семьи Грешнеров - геолог Святослав Георгиевич, сын Георгия Александровича Грешнера, того самого годовалого "крошечного сынишки". Он собрал материалы в русских архивах и поведал о жизни российских Грешнеров...

Вот как сам Василий рассказывает о своей юности в России:

"Должно быть с раннего возраста у меня была в крови тяга к перемене мест, поскольку мой отец был на военной службе и должен был переезжать с места на место каждые несколько лет. Мне никогда не удавалось привыкнуть к одному месту. А еще меня тянуло читать книги о путешествиях и приключениях – Жюль Верна, Герберта Уэллса, Марка Твена и других.

Во время каникул в военном училище, где я учился, я почувствовал, что с меня всего этого хватит и бежал на море, для начала я отправился на Черное море. К тому времени моя мать жила в Литве. Когда наступила зима, мне пришлось вернуться домой, и она убедила меня поступить в мореходное училище в одном из прибалтийских портовых городов. В конце концов, после двух лет учебы и летней практики на кораблях в российских водах, мне предстояло отправиться в двухлетнее заграничное плавание в качестве ученика на парусном судне, для того, чтобы получить право держать экзамен на должность помощника капитана.

Так, накануне объявления войны между Россией и Австро-Венгрией, я оказался на двухмачтовом парусном корабле "Гунда" под норвежским флагом в Северном море, к северу от Шотландии, с грузом строевого леса, который мы доставляли из Швеции в Австралию. В начале января мы разгрузили лесоматериалы в Джилонге, Виктория. К тому времени уже разгорелась первая мировая война, и мы, четверо русских на "Гунде", были рады, что мы наконец-то оказались в безопасности".³⁴

Да, на "Гунде" было еще три русских моряка – Фавст Леошкевич и братья Ровел, Армен и Эдвин, из Либавы. Вероятно все они, как и Василий Грешнер, учились в Либавской мореходке. И всем им предстояло стать австралийскими анзакками. Мне удалось разыскать Леона, сына Фавста Леошкевича. Когда разговор заходил о прошлом, его отец всегда прекращал его, приговаривая "Что было, то былшем поросло", но несмотря на это, Леон кое-что все-таки запомнил. "Из того, что я слышал, - рассказывает он, - я могу заключить, что это была семья военных, его отец был полковником и служил в императорской гвардии, а его брат Анатолий был уже офицером, в то время как моего отца определили в кадетское училище. Я могу только предполагать, что его семья принадлежала к высшему обществу, потому, что мой отец прекрасно говорил по-французски и как-то раз упомянул, что и все в их семье говорили по-французски. Он проговорился об этом, рассказывая о том, что французский язык пригодился ему во время увольнений, когда он был с Австралийской армией во Франции. У моего отца душа не лежала к лошадям, и ему как-то удалось добиться того, что вместо армейской службы ему разрешили учиться на штурмана, таким образом он и оказался в конце концов на "Гунде". ... В этом плавании он научился шить и чинить паруса, потом ему это пригодилось, чтобы получить работу в железнодорожных мастерских в Ньюпорте, в Мельбурне, где он занимался починкой брезентовых покрытий. Одну историю об этом плавании он любил нам рассказывать: когда они были где-то посередине Атлантики, на горизонте показалось что-то странное, это была гигантская волна. Отец говорил, что если бы не боцман (он там был самым старым), который давал команды, как повернуть корабль, то они наверняка бы опрокинулись, потому что капитан просто покурил свою трубку и ничего не предпринимал, видно он и не знал, что делать.

Их корабль остановился в Джилонге. Когда мы с отцом ездили туда на рыбалку, он всегда говорил "Вот на этом самом месте мы и пришвартовались". Я как-то по дурости своей спросил, из железа или из дерева был их корабль, на что он мне ответил: "Это я был юнцом с деревянной башкой, а корабль-то был стальной". И вот, пришвартовавшись, они узнали, что разразилась мировая война, и тогда они с Васей Грешнером сбежали с корабля. Капитан обратился в полицию, чтобы те нашли его дезертиров. Полиция их нашла, но то, что было дальше, совсем не похоже на наши нравы, потому что полицейский дал каждому из них по пол кроны и посадил их в дилижанс, который отправлялся на запад, в городок Колэк. Наверно это был неофициальный способ заполучать иммигрантов для Австралии!"³⁵

Василий Грешнер рассказывает историю их приключений немного по-другому: "Наш корабль "Гунда" должен был остаться в австралийских водах, и нам пришлось его покинуть. Мои товарищи решили отправиться в Мельбурн, а я предпочел идти в буш, на какую-нибудь ферму. В мореходке я учил французский и немецкий, но мой английский ограничивался лишь теми словами, которые я подхватил от других членов команды на "Гунде". Но мне повезло: после двух недель блужданий по бушу в качестве свэгмена, когда я работал за тарелку еды и спал в сараях, я добрался до Винчелси, где меня подобрал фермер, которых привез меня к себе домой. Из его объяснений я понял, что его сын вступил в

армию в самом начале войны и ему теперь нужен помощник на ферме. Так я остался работать у него, мы вместе вырубали скреб от зари до зари. Его хозяйка относилась ко мне как к своему родному сыну, они дали мне отдельную комнату и каждый вечер перед сном и в выходные она усаживала меня читать газеты, и учила, как произносить слова, и помогала написать на бумаге названия всех предметов, которые были в доме. Они мне дали собаку для охоты на кенгуру и мне удалось поймать валлаби с малышом в сумке, мы его вырастили. Хозяин научил меня, как свежевать валлаби, растягивать его шкуру на дереве и посыпать солью, чтобы потом из нее можно было сделать коврик.

Месяца через три я решил, что мне пора отправиться в Мельбурн, посмотреть, как идут дела у моих товарищей. Мой хозяин отвез меня в Джилонг и купил мне билет на поезд. Он купил мне и костюм, и белье, и еще дал 6 фунтов денег. Он сказал, что ему жалко, что я уезжаю от них, но он пожелал мне удачи. Он советовал мне найти работу в Мельбурне и продолжать учить английский. В Мельбурне я отыскал русское консульство, и там были адреса моих друзей. Они все как-то устроились. Консул нам всем сказал, что отправить нас домой в Россию невозможно, но он советует нам подучить английский и тогда, может быть, нас примут в Австралийскую армию. Несколько дней я не мог найти никакой работы и жил в доме у одной русской женщины, у нее жили и другие русские, для этого у нее был во дворе отдельный сарайчик. Наконец я получил работу на трехмачтовой шхуне, которая ходила между Мельбурном и северным побережьем Тасмании, перевоза сосну каури.

Во время перехода я узнал, что на Тасмании, на руднике Маунт Лиэл, где добывали свинец и серебро, нужны рабочие руки. Я, конечно, не знал, что это за рудник, но все-таки добрался до него и получил там работу. Уже через три месяца я понял, что с меня хватит, особенно после того, как хозяйка, у которой я жил, как-то сказала, что свинцом можно отравиться. Первый месяц я работал на глубине 9000 футов, сбрасывая отработанную породу с верхних горизонтов на нижние. Мы обычно работали лопатами вчетвером, стоя цепочкой, а командовал нами надсмотрщик. Большинство моих напарников были мальтийцы, греки и другие иммигранты, потому что все молодые австралийцы уже вступили в армию. Рабочие говорили, что наш надсмотрщик приехал из Южной Африки, где он раньше погонял бригады чернокожих. Он действительно был очень жестоким и то и дело пускал руки в ход. Я всегда старался стоять посередине цепочки, так, чтобы мне было видно, что делается на другом конце. Если человек надо мной работал медленно и перед ним скапливалась куча породы, то нижестоящие могли не торопиться, но тогда надсмотрщик задавал ему жару. Один из парней, знавших английский, сказал мне, что надсмотрщик крыл на чем свет стоит и меня. В конце концов он поставил меня впереди бригады и приказал работать изо всех сил, задавая темп всей бригаде. В общем, я бросил эту работу и перешел на рудник в Квинстауне, где добывали медь. Постепенно я освоил английский язык, и тогда я отправился в Хобарт и вступил в Австралийскую армию. Скоро я уже был во Франции, на поле боя...³⁶

Вот так, без громких слов, они и становились австралийцами, и шли в кровавую мясорубку войны. Кто они были – русские или уже австралийцы? Во всяком случае на момент вступления в армию руки Василия Грешнера украшало такое сочетание татуировки: на левой руке русский флаг и орел, на правой – Австралия и кенгуру. И, придя с войны, они имели все основания сказать гордые слова австралийской поэтессы Мери Гилмор: "Нация встала – из-за меня!"

От Египта до Святой земли

В начале 1916 года Египет представлял собой гигантский человеческий муравейник. Корабли с Галлиполи выгружали в Александрии тысячи эвакуированных солдат, узнавших на деле, что такое война. Одновременно, один за другим, прибывали новые необстрелянные батальоны и подкрепления из Австралии. Предстояла скорая отправка австралийских войск на западный фронт, и командование решило соединить новичков и галлиполийских ветеранов в каждом батальоне. Это затронуло и многих из русских Анзаков. Например, десять русских из 9 батальона, - среди них **Чирвин, Коротков и Гловацкий** – перевели в 49 батальон. В то же время одиннадцать русских из нового 25 батальона включили в 9 батальон, тем самым не давая иссякнуть в нем русской струе. В конце 1915 – начале 1916 года русские продолжали прибывать в Египет большими группами в составе Австралийской армии. В ноябре 1915 года на корабле «Шонг би» (*Seang Bee*) прибыли 15 русских из Квинсленда. В апреле 1916 года «Монголия» привезла 10 россиян из Южной Австралии, среди которых было пять осетин, работавших на медеплавильном заводе в Порт-Пири – **Солтанов, Гасиев, Мамсуров, Дезантов и Толпаров**. Скоро им всем предстояло отправиться во Францию.

Пока же они продолжали тренировки в лагерях, разбросанных среди пирамид Египта. Изредка они получали увольнения и отправлялись развлекаться в город. Загорелые, обветренные, в форме анзаков – русские, казалось, теперь ничем не выделялись среди солдатской массы. Но нет, их русское происхождение не так-то легко было спрятать и под формой.

...В марте 1916 года в Тель-эль-Кебире, недалеко от Каира, проходил военно-полевой суд над Вальтером **Беровым**. Букет из четырех нарушений, вменявшихся ему, рисовал образ законченного смутьяна: «самовольное оставление расположения воинской части», «сопротивление офицеру», «сопротивление при задержании», «угрозы с адрес офицера». Обвиняемый, высокий кареглазый юноша с темными волосами, заявил, что он не признает себя виновным по всем обвинениям. Он был осетином из деревни Хумалаг около Владикавказа, и мы можем только гадать, какое осетинское имя трансформировалось в западное имя Вальтер. Приехав в Австралию в 1912 году с волной русских с Дальнего Востока, он сначала работал в Порт-Пири, вместе с другими осетинами, потом перебрался в шахты Брокен-Хилла. Война застала его в северном Квинсленде, где он вступил в армию с группой русских из Рокгемптона, прибыв с ними на «Шонг би» в Египет. Здесь, вместе с другими русскими, его включили в новый квинслендский 49 батальон.

Первые свидетели на суде заявили, что обвиняемый, будучи остановлен военным патрулем в Каире, имел просроченную увольнительную и, пытаясь сбежать от патрульных, «лягнул лейтенанта Йохансена», пригрозив ему: «Ты, чертов гад [приходится смягчить слова Берова – Е.Г.], я тебя запомню и разделаюсь с тобой». Но постепенно из показаний свидетелей стало очевидно, что такая реакция Берова была спровоцирована самими участниками патруля, поскольку лейтенант Йохансен не просто потребовал у Берова его увольнительную, но и «спросил о его национальности», на что Беров ответил: «Если вам надо, вы и выясняйте». Тогда офицер пригрозил «отправить Берова в тюрьму, если тот не скажет свою национальность». У последнего это вызвало вспышку гнева и угрозу: «Русский казак еще припомнит тебе это, ублюдок».

Когда сам Беров описал события, акценты явно сместились в его пользу. Выяснилось, что он был в Каире у зубного врача, имея увольнительную на один

день, однако опоздал на последний поезд и не смог вернуться в часть вовремя (его командир в дальнейшем подтвердил, что дал ему ошибочное время отбытия последнего поезда). На следующее утро, будучи остановленным военным патрулем по пути на станцию, он объяснил им ситуацию, однако в ответ услышал (процитируем показания Берова в точности): «“Ну-ка назови свою чертову национальность”. Я сказал: “Какое вам дело до моей национальности, я австралийский солдат”. Другие члены патруля сказали: “Держите ублюдка”, и один из них выхватил оружие, а другой грубо схватил меня за плечо. Того, что вытащил оружие, я и лягнул. Один из патрульных сказал: “Он может быть шпионом. Он не может говорить по-английски”. Тут я вышел из себя и не помню, что было дальше».

Два полюса, на одном - бдительные австралийские патрульные, для которых человек с иностранным акцентом уже чужак, а значит шпион, на другом – горячий гордый осетин, защищающий свою честь - и как русского казака (среди казаков действительно были и осетины), и как анзака. Иногда очень соблазнительно вот так просто разделить мир на наших и «не наших», на черных и белых, на красных и белых... И приходится напоминать себе, что в мире есть много других цветов. Суд продолжался. Четыре офицера из батальона Берова выступили в его защиту с самыми лестными словами о нем: «честный во всех отношениях», «хороший солдат», «превосходный характер». И наконец майор Дугал дипломатически предложил: «Я прошу суд принять во внимание, что все участники патруля имели очень небольшой опыт в качестве патрульных, что обвиняемый очень горячий человек и был возмущен тем, что их недоверием была затронута его честь как австралийского солдата. ... Принимая во внимание то, что он его действия были спровоцированы патрулем, я прошу суд быть к нему как можно более снисходительным и учесть также те обстоятельства, в результате которых он не вернулся вовремя из увольнения». Суд признал Берова виновным по всем четырем пунктам обвинения и приговорил его к трем месяцам наказания, но вскоре Беров был уже в своей части. Забегая вперед, скажу, что он оказался достойным доверия, оказанного ему командованием.³⁷

В марте 1916 началась передислокация Австралийского экспедиционного корпуса из Египта во Францию, на западный фронт. В его составе теперь было около 300 россиян. Но не все русские покидали Египет, некоторые остались здесь и в Палестине навсегда. Леонард **Новицкий**, чертежник, прошедший Галлиполи, нелепо погиб в Тель-эль-Кибире под колесами вагонетки, сорвавшейся с тормозов. Это произошло всего две недели спустя после его прибытия с Галлиполи. Расследование не нашло виновных. Мать Новицкого, которая жила в Жмеринке, так и не смогли разыскать, чтобы сообщить ей о гибели сына и переслать его вещи – самоучитель английского, письма, фотографии, бумаги. Имя на доске почета в Австралийском военном мемориале и тонкая папочка с бумагами – вот и все, что осталось после него...

Другие россияне служили в Египте в составе нескольких австралийских частей, которым предстояло воевать на Ближнем Востоке. Более двадцати человек находились там в кавалерийских и в... верблюжьих частях. Общее количество русских, зачисленных в эти части, было гораздо больше, но, по прибытии в Египет, некоторые из них были переведены в пехоту и артиллерию и отправлены во Францию. Русские славились своим искусством наездников, и удивительным кажется тот факт, что их было в целом довольно мало среди австралийских кавалеристов. Иногда они сами просили командование перевести их в кавалерийские части. Моисей **Досоев**, еще один осетин, писал, например, что ему трудно справляться с изучением пулемета из-за слабого знания английского языка, а вот всадник он отличный и «проевоял всю русско-японскую войну в

казачьем подразделении». Вопреки существующему мнению о том, что в кавалерийские части брали австралийцев с навыками сельских жителей, бушменов, россияне, попавшие в кавалерийские и верблюжьи части, были совсем из другого теста. Около половины из них были моряки-финны. Например, в феврале 1916 года пять финнов из Пирмонта в Сиднее – **Сырялайнен**, **Салминен**, **Маттила**, **Констен** и **Йокинен** – записались в верблюжий корпус, прибыв в Египет в июне 1916 года, вскоре после начала кампании. Еще два моряка из Брисбена – **Каллиа** и **Катая** – вступили в кавалерию в феврале 1917 года. Четверо евреев, попавшие в эти части, тоже не имели сельского опыта – Джордж **Фербер** был торговцем мануфактурой (при вступлении в армию он был записан гуртовщиком), Лион **Харлап** – механиком, Юр **Кивович** – торговцем, Абрахам **Смойшен** – портным. Александр **Ари** происходил из состоятельной петербургской семьи. Он вступил в армию одним из первых и участвовал в высадке в Галлиполи, где он был ранен в кисть левой руки. После ампутации пальцев он снова вступил в армию и служил в верблюжьем отряде в Египте.

Хотя и не бушмены, как их многочисленные австралийские сослуживцы, русские анзаки научились применяться к трудностям кочевой жизни в пустыне – песок, пыль, мухи, изнуряющая жара, недостаток свежей еды и воды. Два с половиной года союзники вели войну с турками и арабами, оттесняя их от зоны Суэцкого канала к Сирии. В марте 1917 года, когда подразделения союзников атаковали поселение Газа, в австралийских частях сражалось по крайней мере десять россиян. 19 апреля 1917 года, во время второй атаки на Газу, был убит моряк-финн Вильгельм **Констен**. В том же бою Кеннет Кирил **Макклеланд**, британец из Москвы, находившийся в составе медицинского отряда, был отмечен за героизм. Его командир писал, что Макклеланд «замечательно работал под непрерывным артиллерийским и ружейным огнем в качестве санитаря. Он не только помогал раненым своей части, но заботился и о соседних подразделениях, передвигаясь из одного конца поля в другой и обратно, хотя и сам был ранен в начале сражения». Макклеланд был награжден Медалью за выдающееся поведение.³⁸

По крайней мере 17 россиян приняли участие в знаменитом рейде на Биршебу 31 октября 1917 года. Среди них тоже были потери – Джон **Рейнеке** из Либавы, вероятно немец, умер по дороге в госпиталь от ран в живот, полученных в этом бою. Он одним из первых вступил в армию и прошел Галлиполи. Несколько дней спустя его земляк Франк **Матзонас** был убит в рейде на Тель-эль-Кувелф. Их обоих похоронили на военном кладбище в Биршебе. К октябрю 1918 года войска союзников дошли до Сирии и с турками было подписано перемирие.

В целом это была успешная кампания, не считая потерь и тяжелых болезней, выпавших на долю ее участников, в том числе и россиян. Вот лишь некоторые из них – малярия, энтерит, воспаление глаз (**Макклеланд**), гастрит, малярия (**Смойшен**), хроническая трахома (**Ари**), малярия (**Фербер**), конъюнктивит, малярия (**Харлап**). Джеймс **Кочура** страдал, как кажется, особенно тяжело все эти годы. Крестьянин из-под Екатеринослава, прослужив три года в русской армии, он приехал в Австралию в 1913 году. Работая на угольной шахте около Ньюкасла, он был тяжело ранен, однако, когда началась война, его приняли в армию. От тягот службы старая травма черепа дала себя знать изнуряющими головными болями. Несмотря на это, он сражался во всех боях со своим кавалерийским подразделением.

Во время ближневосточной кампании русские служили не только в кавалерийских и верблюжьих подразделениях, но и в других частях. Например, Юр **Кивович** из Одессы, знавший пол дюжины языков, работал некоторое время в цензорском отделении, Лион **Харлап** был в военной полиции. Оба они приехали

в Австралию из Палестины, но если семья Кивовича покинула Палестину навсегда, то родные Харлапа остались там в колонии Рехобот. С началом военных действий он потерял с ними связь. «Дойдя до этих мест с Австралийской армией, - писал Харлап, - я с радостью узнал, что мои родители и сестры были живы, хотя мой отец много перенес, оказавшись в руках врагов, и очень постарел». «Во время радостной встречи» с родными они решили, что после демобилизации Лион, вместо возвращения в Австралию, должен вернуться в Палестину. Вскоре после окончания войны австралийцы отпустили его.³⁹ А вот Александр **Ари**, поправившись в Австралии, вступил в армию в третий раз, прибыв в Египет в 1919 году со специальным подразделением.

Чарльз **Элоранта** из Финляндии и Генри Мартин **Юкхам** из Пярну служили в Египте в составе Австралийского военно-воздушного корпуса. Несмотря на то, что по профессии они были моряками, они оба успешно дослужились до должности механика первого класса. Тифлисец Вадим **Байдаков**, который в Австралии работал парикмахером и дровосеком, в Египте освоил еще одну профессию – здесь ему пришлось служить шкипером на буксире «Бремен» в Суэцком канале.

Франция, год 1916

Мы расстались с русскими анзаками в Египте, где небольшой контингент их воевал с арабами и турками на Ближнем Востоке; основная же масса наших соотечественников была в 1916 г. перебросена из Египта на западный фронт. Австралийская армия состояла теперь из пяти дивизий, в каждую из которых входило 12 пехотных батальонов, артиллерийские, инженерные части, специальный батальон пионеров и другие службы. Первыми отправились на западный фронт старейшие 1 и 2 дивизии. В марте-апреле 1916 года они прибыли в Марсель на юге Франции, откуда на поездах их перевозили на север страны, к границе с Бельгией. 4 и 5 дивизии оставались еще на три месяца в Египте для дальнейшей тренировки и прибыли на фронт в июне-июле 1916 г. В это время 3 дивизия, составленная из новых пополнений, была отправлена из Австралии в Англию и после тренировки там была послана во Францию в ноябре-декабре 1916 г. Тот же путь проделывали и подкрепления; после тренировки в Англии их направляли в соответствующие части на западном фронте. Общее количество русских, попавших на западный фронт в составе Австралийской армии в 1916 г., было не менее 400 человек.⁴⁰ Между дивизиями они распределялись следующим образом:

Русские анзаки на западном фронте в 1916 г.

Дивизия	Прибыли в марте-июле 1916 г.	Прибыли в августе-декабре 1916 г.	Всего на западном фронте	Воевали в Галлиполи
1	60	25	85	31
2	58	31	89	34
3		50	50	
4	75	25	100	36
5	31	33	64	5
вне дивизий	16	4	20	1
Всего	240	168	408	107

Из этой таблицы видно, что почти две трети контингента 1916 г. прибыли на фронт накануне главных сражений, начавшихся в августе 1916 г. В 1, 2 и 4 дивизиях галлиполийские ветераны составляли почти половину солдат среди русских, попавших на фронт до августа 1916 г. В отборной 1 дивизии русские были особенно многочисленны в 9, 10 и 11 батальонах (квинслендском и южноавстралийских). В 4 дивизии – в 49, 50 и 51 батальонах (квинслендском, южно- и западноавстралийском), а также в артиллерийских подразделениях, которые были созданы во время тренировки в Египте их бывших пехотинцев и кавалеристов.

Переброска войск из Египта во Францию была довольно неожиданной. Петр **Чирвин** писал об этом в письме своей матери во Владивосток: «В первых строках своего письма спешу сообщить тебе, что я жив и здоров. Мы теперь не в Египте, а во Франции, куда наша бригада прибыла 10 дней назад». Дальше он давал матери детали своего банковского счета, с которого она сможет получить деньги, если от него «долгое время не будет вестей».⁴¹ Франк **Лесни**, еврейский юноша, родившийся в Варшаве и выросший в Англии (при вступлении в австралийскую армию он выдал себя за англичанина), отправлялся на западный фронт в составе 2 дивизии. В письмах он подробно рассказывает о своих первых впечатлениях во Франции, в частности о переезде на поезде из Марселя на фронт, в Армантьер, к северу от Парижа: «Марсель окружают горы, через которые поднималась наша дорога; вид внизу был очень живописным, залив лежал спокойный и все выглядело таким мирным. В первые сутки новизна путешествия, огромное различие между страной, которую мы покинули, и той, по которой мы двигались, пейзажи, жестикуляция французов – все занимало нас». Но к концу пути, пишет Лесни, «наши мысли ... как всегда обратились к еде». Наконец австралийские войска достигли линии фронта, сменив находившиеся там британские части. «К счастью, - продолжает Лесни, - жизнь в траншеях здесь лучше организована, чем в Галлиполи. Мы не живем здесь постоянно в траншеях, как было там, а после нескольких дней на передовой отходим на отдых к местам расквартирования. ... Конечно, что касается опасности, в траншеях быть безопаснее, чем в резерве».⁴²

Хотя участок фронта в районе Армантьера, где первоначально разместили австралийские части, считался относительно спокойным (солдаты называли его «детским садом»), крещение огнем началось для многих русских почти сразу после прибытия, еще даже до начала основных сражений. Слова Лесни оказались пророческими и через несколько дней, 20 апреля, рота «С» 9 батальона, которая только что прибыла из Египта и была расквартирована на ферме в Руж де Бут, подверглась прямому артиллерийскому обстрелу со стороны немцев, во время которого были убиты и ранены десятки человек. В эту роту входило много русских, пострадавших во время обстрела. Аким **Петров** получил тяжелые ранения колена и рук, он был эвакуирован в Англию, где ему ампутировали правую ногу. Николай **Шолматов** и Александр **Санк** тоже были тяжело ранены. Все они вернулись в Австралию. Лишь Лаврентий **Рогожников**, раненый не так тяжело, остался на фронте, он получил второе ранение несколько недель спустя в Сэлли. Новой чертой окопной жизни на западном фронте были ночные рейды на территорию противника с целью захвата пленных и деморализации врага. Это было опасное занятие, но русские нередко бывали в числе добровольцев, отправлявшихся в такие вылазки. Например Николай **Шаров** (18 батальон) участвовал в одном из таких рейдов ночью 25-26 июня около Буа Греньер.

В тот же самый день Вальтер **Калашников** был ослеплен во время взрыва и отправлен в Австралию. Его короткий трагический фронтовой опыт привел его к своеобразному прозрению. Он не чувствовал ненависти к немцам, вместо этого он стал размышлять о тех, кто послал его и его товарищей в эту бессмысленную

мясорубку. Именно на западном фронте для многих стало ясно, что они лишь винтики огромной военной машины. **Лесни** писал, что газетные репортажи было «противно читать. Многие из нас испытывают неприязнь к подобным репортажам, таким как «Анзаки во Франции» - анзаки это – анзаки то. ... Похоже они просто над нами смеются. Полная бессмыслица говорить об анзаках, когда русские взяли в плен 150 000 человек, что почти в три раза больше, чем число всех анзаков во Франции».⁴³

В июне 1916 г. 4 и 5 дивизии прибыли из Египта на западный фронт, сменив в Армантьере 1 и 2 дивизии, которые были передислоцированы в район Амьена, где готовилось наступление в районе реки Сомма, вскоре к ним присоединилась и 4 дивизия. На долю же 5 дивизии, самой молодой и наименее обстрелянной, выпала честь стать первым австралийским подразделением, участвовавшим в наступлении на западном фронте. Она была брошена в бой за прорыв около Фромелле 19 июля вместе с британской дивизией. В нем участвовало не менее 35 россиян, в основном финнов и прибалтов. Первоначально австралийцы успешно наступали по всей линии удара, вытеснив немцев из траншей, но ночью ситуация изменилась и, вследствие недостаточной поддержки англичан, а также недостаточной помощи артиллерии, они вынуждены были отступить на первоначальные позиции с общими потерями в 5533 человека. Русские потери составили пять раненых, включая двух пленных – Андреаса **Войткуна** и Вольфа **Дорфмана** – и трое убитых – моряки Борис **Соанс** из Эстонии и Артур **Саволайн** из Финляндии, и портной Гершун **Харберт**, польский еврей. Харберт не мог похвастаться крепким здоровьем. Он заболел, будучи в Галлиполи, затем в Египте. Документы свидетельствуют, что когда его дивизия в Египте была послана в трехдневный марш-бросок через пустыню с полным боевым снаряжением, он перенес сердечный удар. Тем не менее, он отправился со своим батальоном во Францию, где успел прослужить всего несколько дней. Во время атаки его бригада оказалась в самом тяжелом положении, вынужденная пересечь нейтральную полосу под шквальным огнем противника. Харберт нашел свой конец среди воронок развороченной земли, пропав без вести в бою. Мы никогда не узнаем, что заставило его вступить в австралийскую армию, возможно любовь к его новой стране. Человеческая песчинка, выполнившая свой долг...

Тем временем 1, 2 и 4 австралийские дивизии двигались на юг в район реки Соммы. Первой задачей, поставленной перед ними, был захват Позьера и находящихся к востоку от него немецких траншей. Честь участвовать в первом этапе наступления выпала 1 австралийской дивизии, в которой было около 58 русских, половина из них галлиполийские ветераны. В отличие от трагического прорыва у Фромелле 1 дивизия успешно справилась с задачей и заняла Позьер 23 июля. Немцы подвергли этот городок ожесточенным бомбардировкам и вскоре он превратился в груды руин. Многие русские, выдержавшие первоначальное наступление, были убиты и ранены или засыпаны землей в траншеях в последующие дни во время непрекращающихся артобстрелов. К тому времени, когда 27 июля 2 дивизия сменила 1, в ней насчитывалось, по меньшей мере, 11 убитых и раненых среди русских. Среди убитых были участники галлиполийских сражений – эстонец Джон **Бартельс**, вологжанин Александр **Попов**, украинец Никифор **Домиловский** и финн из Выборга Давид **Раволайн**.

К. Бин, автор многотомной «Официальной истории Австралии в первой мировой войне», пишет о том, что пришлось испытать солдатам, находившимся под непрерывным обстрелом в открытых траншеях. Он в частности рассказывает о «русском из 9 батальона», который «во время бомбардировки ... рыл землю как терьер, голыми руками, стоя на коленях, временами скуля, в отчаянном стремлении спасти своих товарищей, засыпанных землей. Когда его, наконец,

самого засыпало землей и он был откопан, он бросился бежать прочь с передовой».⁴⁴ Барбара Джаго рассказывает о своем отце Устине **Гловацком**: «Как-то мы сидели все вместе после обеда и мама почему-то сказала “Ты должно быть был очень смелым на войне”, и он ответил: “Я не хочу, чтобы ты думала, что я был смелым. Однажды нас вызвали в атаку, а я не мог заставить себя выбраться наверх из окопа. Я обхватил голову руками, чтобы ничего больше не слышать...”»⁴⁵

Огромное напряжение, испытанное участниками этого сражения, имело трагические последствия и после того как их подразделения отводили с передовой. Такой стала судьба Вячеслава **Ковальского** из Подмосковья. Он приехал в Австралию в 1912 году с волной русских дальневосточных эмигрантов и работал здесь разнорабочим. Первая его попытка вступить в армию не увенчалась успехом, но в июле 1915 г. его наконец-то приняли и с большой группой русских он попал на западный фронт. После битвы за Позьер его зрение стало резко ухудшаться, его отправили в Англию и в ноябре, почти слепого, демобилизовали в Лондоне. Через три дня после Рождества он покончил с собой. В полицейском донесении говорилось, что «в этой стране у него не было друзей». Никого не было у него и в Австралии, кроме девушки по имени Джин Пауер из Тувумбы. Его имя не значится среди имен австралийцев, погибших в войнах и выбитых на стенах Австралийского военного мемориала, да военные и не пытались записать его имя правильно – в одних документах он назван Вачалаф Ковальский, в других – Вачелар Кавольский...

Русские во 2 дивизии, которая пришла на смену первой 27 июля, насчитывали 62 человека. Их первая атака на немецкие окопы 28/29 июля под прямым огнем противника не увенчалась успехом. 7 бригада (25-28 батальоны), включавшая много русских, была центром удара. Бин писал, что «28 батальон оказался перед укреплениями из колючей проволоки. Одни пытались ее разрезать, другие старались вырвать столбы, многие находили смерть, повиснув на проволоке».⁴⁶ Среди погибших был Николай **Шаров** с Урала, который, по словам австралийских военных «очень хотел служить на фронте»; после неудачной первой попытки вступить в армию он предпринял новую, на этот раз выдав себя за австралийца, родившегося в Порт Дугласе. Он успел послужить в Галлиполи, а затем, как уже говорилось, добровольно участвовал в ночном рейде в тыл врага. Позьер стал его последним сражением. В этой битве мы снова встречаемся с бесстрашным гранатометчиком Вильямом **Деонком**, который во время этого боя был ранен в плечо, контужен и отправлен в Англию. А вот судьба другого гранатометчика, Павла **Тапкена**, разнорабочего из Западной Австралии, сложилась печально. Он родился в Баку, в Закавказье, и, вероятно, происходил из семьи обрусевших немецких купцов-нефтепромышленников. В этом бою он пропал без вести. И здесь, как это часто бывало в судьбах русских анзаков, последнее, что осталось в австралийских архивах о нем, как бы уравнивает трагизм одинокой смерти Ковальского, выброшенного на обочину жизни машиной войны. А осталось письмо его сослуживца, младшего капрала Люсьена Макбрайда, который, отвечая на запрос об обстоятельствах исчезновения Тапкена, начал его словами: «Я буду пространен в этом письме, так как при кратком изложении какая-нибудь деталь, которая может быть интересна его родным в России, может быть упущена». Он писал о ночной атаке: «В полночь мы пошли в бой, обменявшись пожеланиями удачи, и все были в надежде на успех операции. На полпути, примерно метров через 200, мы стали расходиться друг с другом, так как кругом была кромешная тьма. ... Здесь я видел Тапкена в последний раз. Позже я встретил Макдональда, [который шел в бой рядом с ними], но был слишком возбужден и не спросил о Тапкене. На рассвете, после

того, как нам не удалось преодолеть заграждения из колючей проволоки, мы отступили в свои окопы». И, вероятно с той же заботой о далеких родных Тапкена, он дал его полный портрет, добавив в заключение: «Его речь была медлительна, это было свойством его натуры, и он никогда не волновался и не выходил из себя». Другие солдаты вспоминали, что Тапкен был известен под именем «Тап».⁴⁷

После первой неудачи войска 2 дивизии начали тщательную подготовку к новому прорыву, надеясь застать врага врасплох. В течение нескольких дней они рыли коммуникационные траншеи под непрерывным огнем противника. «Людей, рывших окопы, засыпало землей, их откапывали, и снова они оказывались заваленными», - пишет Бин.⁴⁸ Джон **Шуплаков** (его подлинное имя было Иван Шохин) был смертельно ранен во время одного из таких обстрелов. В далеком селе Турчанинове, в Тверской губернии, у отца осталась пачка его писем... Годы спустя он предъявит ее английскому консулу в Москве, пытаясь доказать, что Иван был его сыном. Атака на немецкие окопы за Позьером началась в сумерках 4 июля. Хорошо спланированная и быстрая, она достигла поставленных целей, но ценой новых больших жертв. Среди раненых были татарин Абдула **Ганивахов** и Иосиф **Рудецкий** с Украины. Франк **Лесни**, вернувшись со 2 дивизией после боев на отдых, начал свое письмо словами: «Мы вернулись из ада... Мы были в окопах девять дней и каждый день казался неделей и каждая ночь – месяцем. Последние четыре ночи группа из 50 человек (и я был одним из этих счастливицков) были отправлены в резерв 18 батальона. Фрицы бомбят резервы и части поддержки основательно каждую ночь, опасаясь нападения. ... Мы сидели в резерве, прижавшись к земле четыре ночи, ожидая, когда придет наш черед, то есть когда снаряд упадет в траншею и мы отправимся в очень долгое путешествие». Он закончил это письмо неожиданной темой, которая очевидно давно занимала его: «Теперь к нашей первоначальной дискуссии. ... Ты говоришь, что я не был бы таким как я есть, не будь я евреем. ... Ты говоришь, что только еврей мог умереть так, как умер раввин из Кишинева.⁴⁹ Я видел, как умирают люди – умирают мужественно, черт возьми. Пример раввина ничто по сравнению с этим».⁵⁰ Это было последнее сохранившееся письмо Лесни.

Теперь австралийцам предстояло наступать на север, к Мокет Фарм, которая казалась грудой развалин, но под ней находились глубокие немецкие укрепления. Согласно планам командования, это наступление позволяло занять позиции за Тепвалем, важным стратегическим пунктом. Попытки захватить Мокет Фарм продолжались почти семь недель, одна дивизия сменяла другую, с тысячами убитых и раненых. 6 августа 4 дивизия приняла на себя первый удар. Ряд русских из Квинсленда были здесь ранены – Николай **Румянцев**, Николай **Романовский**, Ян **Сулковский**, в то время как Иван **Кабатов** из Сиднея был убит снарядом. Джон **Бренка** из Литвы был ранен в этом сражении и позже умер от ранений. В течение августа и сентября 1, 2 и 4 дивизии сменяли друг друга и «каждая атака отвоевывала небольшой кусочек земли».⁵¹ Особенно кровопролитным был бой 3 сентября, когда 13 бригада 4 дивизии (это был уже ее второй период на передовой) достигла фермы и вступила в ожесточенный бой в глубоких ходах под ней, но в конечном итоге вынуждена была отступить. Потери были огромными. Лишь в одном этом бою погибло пять русских, среди них Вильям **Горкун** из деревни Федоровка около Самары. Бывший русский артиллерист, с усами, закрученными по русской моде на концах, он обращал на себя внимание сослуживцев, один из которых писал, что «у него была довольно необычная натура, он не поддерживал контактов со своими родственниками и то одно, то другое в жизни ему не нравилось. Он был очень начитанным и умным, но очень плохо говорил по-английски». Как это бывало со многими русскими, он не мог

приспособиться к службе в австралийской армии. По пути во Францию у него было несколько конфликтов с его непосредственным начальством. В конце концов он сбежал, был пойман и осужден военно-полевым судом к 9 месяцам тюремного заключения, но вместо этого принял участие в битве за Мокет Фарм, где и был убит.⁵² Луис **Пасвальский**, еврейский юноша из Перта, тоже был убит в этом бою. Его семья эмигрировала в Австралию из местечка Опоцк. Ростом чуть выше 5 футов, с темными кудрявыми волосами, как вспоминали его сослуживцы, «он был очень смышленным маленьким русским, которого мы прозвали Чарли Чаплин». Они сообщали на запрос об обстоятельствах его смерти: «Хьюз, Лил, Молтби и Пасвальский (известный как Чарли Чаплин) были убиты вместе на Мокет Фарм 3 сентября, когда они окапывались. Когда я сам оказался в укрытии, я спросил о Чарли Чаплине и узнал, что все четверо работали вместе, когда снаряд их разорвал». Другой добавлял: «Один из моих приятелей ... сказал мне, что Пасвальский (у которого кличка была Чарли Чаплин) отправился покататься на снаряде, я думаю, это значило, что его разорвало на части».⁵³ Перед лицом смерти они не хотели показаться сентиментальными... Здесь были убиты также Эдвард **Алениус** и Карл **Джонсон** из Финляндии и инженер Иван **Коренев** из Одоева под Тулой. Петр **Чирвин**, ветеран Галлиполи, во время этого боя был санитаром, вместе с другими санитарами они вынесли 300 раненых. Он снова и снова шел на передовую под постоянным обстрелом, пока сам не получил ранение. Командир рекомендовал его к награде, но Петр ее не получил.⁵⁴

В конце концов австралийские дивизии сменил Канадский корпус, но ферма пала только в конце сентября, когда началось общее наступление. Подводя итоги боям за Позьер и Мокет Фарм Бин говорит, что «на этом возвышенности длиной в милю три австралийские дивизии потеряли 23 000 офицеров и рядовых менее чем за семь недель» и считает, что попытка продолжать наступление за Тьепваль «была серьезной ошибкой».⁵⁵

В течение месяца австралийцы находились на более спокойном отрезке фронта около Ипра в Бельгии. Здесь были убиты Кульчук **Азиев** из Осетии и Чарльз **Матев** из Латвии. Здесь бесстрашный сержант Джордж **Болл**, петербуржец, прославившийся в своем 7 батальоне в битве за плацдарм у Одинокой сосны в Галлиполи, принял участие в успешном ночном рейде на окопы противника. Командуя группой австралийцев, он собственноручно убил с полдюжину немцев. Здесь не было места для жалости: если ты не убьешь, убьют тебя... За героизм он получил новую награду.⁵⁶

Между тем военное командование составило планы нового прорыва на р. Сомме и решило привлечь австралийские дивизии для этой задачи. Поэтому в середине октября 1916 г. все австралийские дивизии (1, 2, 4 и 5) были снова переброшены к Сомме. Это было мрачное возвращение: под осенними дождями развороченная снарядами земля во многих местах превратилась в непроходимое болото, в окопах стояла вода. Александр **Егоров** из села Бестужево на Рязанщине рассказывал родным, что «ему приходилось спать снаружи, а не в окопе, потому что австралийские солдаты говорили ему, что в самом окопе для него нет места. Он заворачивался в одеяла и спал снаружи. Шел снег и руки у него были совсем заоченевшие, когда он просыпался». А командование бросало измученные войска в новые атаки; наступая под дождем, по скользкой и грязной земле, без должного артиллерийского прикрытия, войска несли большие потери. Джордж **Болл** был убит снарядом в одной из таких атак на Гедекур. Его родственники так и не были найдены. Александр **Попов**, сын русского генерала, получивший образование инженера-электротехника в университете в Льеже (Бельгия), был здесь тяжело ранен. Он получил многочисленные осколочные ранения, и у него развилась газовая гангрена. Он провел почти полгода в английских госпиталях и

перенес три операции. На одной лишь левой ноге у него было 63 шрама. Александр **Егоров**, был ранен, но остался в строю. Он также помогал выносить раненых. Матренин, Силантьев и Волков - трое крестьян из села Красное в Симбирской губернии, которые вместе приехали в Австралию и вместе вступили в армию, понесли первую потерю – Михаил **Волков** был убит всего лишь через несколько недель после их прибытия на фронт с подкреплениями к 26 батальону. Его друг Николай **Силантьев** был тяжело ранен в феврале 1917 г. и отправлен в Австралию. Григорий **Матренин** остался один дожидаться своего часа.

На протяжении зимы 1, 2, 4 и 5 австралийские дивизии держали позиции около Гедекура, к северу от Позьера, и, согласно официальной истории, были вовлечены лишь в «мелкие операции». Тем не менее число убитых и раненых росло. Только среди русских этой зимой пострадало 25 человек в районе Соммы и 4 в Армантьере, куда в конце года прибыла 3 дивизия, завершившая тренировку в Англии. Чтобы яснее представить, что пережили русские анзаки на западном фронте, проследим за судьбами шести русских солдат из 9 батальона, которые вместе вступили в армию в Рокхемптоне 14 августа 1915 г. К концу 1916 г. все они были в числе пострадавших. Аким **Петров** из Новозыбкова и Николай **Шолматов** из Москвы были тяжело ранены в Армантьере через несколько дней после прибытия и отправлены в Австралию; Георгий **Малышев** из Подольской губернии был контужен в Позьере, поправился и был убит в 1918 г.; Тихон **Янин** из Самары был убит у Мокет Фарм, в то время как Александр **Тарасенков** из-под Орла в тот же день был ранен, и наконец его земляк Иван **Туагарин** предстал перед военно-полевым судом, защищая свою честь как русского, и, как и Гаркун, был убит вскоре после этого, в декабре 1916 г.

Франция, год 1917

В конце февраля немцы, в соответствии со своими стратегическими замыслами, начали отводить войска за хорошо укрепленную в их тылу линию Гинденбурга на 30 и более километров. Австралийские войска атаковали их; во время этого наступления потери среди русских составили около 20 человек. Татарин Абдул **Ганивахов** был убит в самом начале этого наступления. Другой наш знакомый, Бернارد **Лесни**, был убит у Варленкурта. Его мать, жившая в Англии, писала: «После его смерти ко мне заходили его многочисленные приятели и говорили мне о его храбрости, они упоминали, что шли разговоры о награждении его военной медалью, так как он один пострадал во время рейда на немецкие окопы и отдал свою жизнь, чтобы спасти товарищей». Его командир написал ей: «Ваш сын погиб смело, как солдат»,⁵⁷ таким образом подведя черту под размышлениями Лесни о том, принадлежал ли он все еще к еврейству или был уже частью новой общности анзаков. Петр **Кузмин** с Украины был тяжело ранен во время этого наступления. С разбитой нижней челюстью его перевезли в Англию, где он остался служить в запасной части. Наблюдая английскую жизнь, он стал задумываться о смысле войны и о тех, кто толкнул его в эту человеческую мясорубку, но мы вернемся к его размышлениям позже. Еврейский юноша с Украины Джордж **Брейтман** во время наступления на Лигни 2 марта проявил героизм, бросившись на помощь своему командиру, вступившему в схватку с четырьмя немцами, и не только спас его жизнь, но и помог захватить нападавших. Он был награжден за храбрость Военной Медалью.⁵⁸ В сражении за Норей 2 апреля погиб Джон **Черпигер** из-под Одессы, в Австралии у него оставались жена и дочь. Август **Макевич** (Makewitz), моряк из Риги, в том же сражении был ранен в ногу на нейтральной полосе. Он пролежал там, под дождем, целые сутки и лишь затем смог проползти несколько миль к своим, где и был подобран санитарями. К

тому времени у него началась гангрена, и ногу пришлось ампутировать. Он умер в 1922 году, спустя всего несколько месяцев после получения своих военных наград.⁵⁹ 18-летний Петр **Комисаров**, который сбежал от своих родных в Мельбурне, чтобы записаться в армию в Кутамандре, был ранен в тот же день в другом сражении.

Тем временем командование союзников задумало прорвать неприступные укрепления линии Гинденбурга. Наступление около Буллекурта 11 апреля должны были вести батальоны 4 дивизии, в которых сражалось около 50 русских. После наступления танков – нового грозного оружия – в атаку должна была пойти пехота. Хотя этот план сорвался и пехотные подразделения оказались у немецких укреплений раньше танков и вынуждены были без артиллерийской подготовки идти на штурм немецких окопов, австралийцы, ценой своего героизма, первоначально вытеснили немцев. Когда же те, оправившись от натиска, пошли в контратаку, они отрезали австралийские части от линий поддержки. Моряк из Выборга Хьямар **Карху** рассказывал: «Во время атаки мы дошли до второй линии вражеских окопов. “Фриц” контратаковал нас, а у нас кончился запас бомб. Наши парни стали отходить, и я тоже попытался пробраться к нашим». При отступлении Карху был ранен в ногу и захвачен в плен.⁶⁰ В том же бою в плен попало еще трое финнов и Чарльз **Реппе** из Риги. Реппе, кстати, одним из первых среди россиян вступил в армию и до того, как попал в плен у Буллекурта, был ранен трижды – два раза в Галлиполи и затем у Мокет Фарм. Это не мешает ему вступить в австралийскую армию и во время второй мировой войны, скинув, при заполнении анкеты, десяток лет. Андре **Толстой** – русский, выросший во Франции – в этой битве пропал без вести. Его жена Агнес долгое время отказывалась поверить, что он убит, и надеялась, что он отыщется среди пленных.⁶¹ Сергей **Калинин**, сын торговца из Екатеринбурга, писал: «Я был отравлен газом у Буллекурта и мои легкие очень пострадали... Там на поле боя я потерял образок Святого Николая, которым меня благословила моя мать, и теперь я живу без материнского благословения. Но я уверен, что эта иконка спасла мне жизнь».⁶² Общее же число австралийцев, попавших в плен в этой злополучной битве, было огромно – около 1170 человек. Один из них, Т.Э.Тейлор, бежал из плена в Россию и написал книгу о своих приключениях.

3 мая союзники предприняли второе наступление на Буллекурт, в котором большую роль сыграла 2 австралийская дивизия с десятками русских. Особенно героически сражалась 6 бригада из Виктории. Она достигла заданных рубежей и, когда другие части начали отходить, она упорно держалась на занятых позициях. Среди героев этой бригады было трое россиян, раненных в этом сражении – Иосиф **Брандбурга**, Бен **Гоффин** и Франк **Голдстейн**. В этом же бою был ранен русский сорвиголова Джон **Иванов** – к тому времени у него за плечами было уже два военно-полевых суда и несколько самоволок.⁶³ Непокорность и героизм переплетались в его натуре, как это часто бывало и у русских, и у австралийских анзаков. В этом же бою Семен **Афендигов** и Александр **Егоров** были ранены во второй раз, здесь же получили ранения Томас **Хабаев** из Осетии и Джон **Костин** из Кыштыма на Урале. Григорий **Матренин** из села Красное в Симбирской губернии, приехавший в Австралию и вступивший в армию с двумя своими земляками, был тяжело ранен осколками снаряда – в правый глаз, в правую руку и в ноги. Он выжил, но ослеп; мы еще вернемся к судьбе этих трех крестьян.

На следующий день, 4 мая, в бой вступила 1 дивизия. Через три дня ее 9 Квинслендский батальон вместе с подразделениями английской армии наконец-то занял Буллекурт. Среди павших в этом бою был Александр **Карелин**, образованный молодой человек из Петербурга. Он приехал в Австралию в качестве моряка вскоре после революции 1905-1907 гг., возможно будучи

замешанным в революционное движение, и работал на строительстве железных дорог в Просперине, Рокхемптоне и Блэколле, посылая корреспонденции в русские брисбенские газеты о рабочих условиях там. Вступив в армию в апреле 1915 г., он воевал в Галлиполи, с брюшным тифом был отправлен в Австралию, но, выздоровев, снова вступил в армию. Здесь, в Лагникурте, пришел его звездный час. «Во время немецкой контратаки он провел свою группу через участок дороги, беспрестанно простреливавшийся противником, и занял позицию, контролировавшую проход врага в тыл его взвода. Хотя двое в его группе были ранены, он стойко держался на занятой позиции и сдержал продвижение врага на этом фланге», написал его командир, добавив, что «его холонокровие и мужество нельзя переоценить». За этот подвиг он был представлен к Военной Медали. Награда пришла на следующий день после его гибели во время второго наступления на Буллекурт. Среди его вещей остался дневник, но он так и не был отправлен его семье в России.⁶⁴

Всего австралийцы потеряли у Буллекурта 10 тыс. человек – только среди русских потери составили 35 чел. Ужас Буллекурта преследовал солдат и долгое время спустя. Среди русских, в довершение всех смертей и ранений, по крайней мере три человека пострадали психически. Виктор **Корби**, награжденный незадолго до того Военной Медалью как санитар-носильщик, после ранения в Буллекурте получил психическое расстройство и был отправлен в Австралию. Яй **Лимбек**, сражавшийся на Западном фронте с августа 1916 г., после первого сражения за Буллекурт покинул свою часть, был пойман и возвращен в окопы. Во время второй битвы он был ранен в лицо и в госпитале стал испытывать галлюцинации – «ему казалось, что его голова полна шрапнели ... и комната наполняется отравляющими газами». Альберт **Алексеев**, которого засыпало землей при взрыве, перенес нервное потрясение и контузию. Наконец-то, летом 1917, после всех ужасов Буллекурта, австралийские дивизии были отведены с передовой на отдых.

Командование союзников решило теперь направить следующий удар на бельгийский фронт и захватить Мессинский выступ, расположенный к югу от Ипра. 3 австралийская дивизия, находившаяся здесь с декабря 1916 г., вместе с новозеландскими и британскими частями, а также 4 дивизией, отозванной с отдыха, сыграла важную роль в этом прорыве. Большое значение имела и работа 1 саперного взвода, который прорыл под немецкими позициями систему туннелей и наполнил их взрывчаткой. В этот взвод входило много россиян – Митрофан **Коропец**, Иосиф **Рудовский** и Степан **Суровцев** с Украины, Николай **Тетол** из России, Уильям **Эллер** и Карл **Лоуне** из Эстонии и Отто **Винтер** из Финляндии. 31 мая союзники начали недельную артподготовку, за которой последовали взрывы в туннелях. Но прежде немцы успели обстрелять снарядами с фосгеном 3 дивизию, подготовившуюся к атаке. Среди пострадавших был Сергей **Форстер**, русский клерк, выросший в Англии и служивший в штабе 39 батальона. Тем не менее 3 дивизия пошла в атаку. Здесь погиб инженер Ефим **Максименко**, оставивший в Сиднее молодую жену-австралийку, а Алексей **Тупиков** был тяжело ранен в лицо – осколок разворотил ему нос, рот и горло. Днем атаку поддержала 4 дивизия. Здесь мы тоже встречаем знакомые имена – Уильям Джордж **Аверков**, русский юноша-переплетчик, выросший около Иннисфейла, и Михал **Кеков** с Северного Кавказа были убиты. Сержант Ян **Розинг**, латыш, вступивший в армию через три дня после приезда в Австралию в декабре 1915 г., проявил в этом сражении «выдающуюся храбрость». В критический момент, когда офицеры его взвода (37 батальон) выбыли из строя, он взял на себя командование взводом, «захватил заданные рубежи и переорганизовал оставшихся солдат так, чтобы они могли противостоять атакам противника. Своей

инициативой и целеустремленностью он показал блестящий пример своим подчиненным, поддерживая в них боевой дух во время сильного артобстрела противника», говорилось о нем в рекомендации к награждению. За это сражение он получил высокое отличие – Медаль за выдающееся поведение.⁶⁵

В целом Мессинская операция была очень успешной и союзники начали планировать крупное наступление у Ипра. После первой неудачной попытки были вызваны все австралийские дивизии, тренировавшиеся в тылу. Григорий **Кунин** из Воложина в Белоруссии был убит вместе с девятью другими солдатами накануне наступления на дозорном посту при прямом попадании бомбы. Его командир писал: «Я отправился к месту взрыва с тремя солдатами, и мы откопали тела Кунина, Кокса и Норткота, а также неузнаваемые останки других, которых разорвало на куски». Их похоронили всех вместе, поставив крест над братской могилой, хотя Кунин был евреем. Бен **Гоффин**, другой еврей из Подолии, который вступил в армию и служил вместе с Куниным, писал: «Он был невысоким смуглым парнем, крепко сложенным, с темными вьющимися волосами. Он был моим закадычным другом». Уже будучи в армии он помогал своей сестре, оставшейся в Мельбурне. Товарищи называли Кунина Рэшер (Rasher), вероятно по ассоциации со словом Russian.⁶⁶

Итак, 20 сентября 1917 г. во время наступления у Ипра 1 и 2 австралийские дивизии составили центральную ударную силу. Россиян в них насчитывалось около 150 человек. Это наступление, битва за дорогу на Менин, проводилась в виде последовательных атак, где одна часть сменяла другую. Потери среди русских составили 13 человек, включая 6 убитых – Рудольф **Данберг**, немец из Риги, который был уже дважды ранен в Галлиполи, Михаил **Рыбаков** из Эстонии, Михаил **Паегле**, латыш, Джон **Ловриаен** из Каунаса, Джон **Воронцов** из Москвы и Эмиль **Эк** из Финляндии. И опять то, что испытali там анзаки, лишь немного приоткрывается в их служебных делах. Так, Иосиф **Вухафт** из Одессы, садовод, лишился в этом сражении левой руки и пережил тяжелое нервное потрясение. Прошел почти целый год, пока он поправился и смог вернуться к обычной жизни.

Наконец 4 и 5 дивизии, включавшие около 130 русских, пришли на смену обессилившим 1 и 2 дивизиям. 26 сентября они провели наступление на Полигон Вуд, и опять австралийские дивизии были в центре атакующих сил. Русские потери составили здесь 10 человек, среди убитых был Николай **Романовский**, инженер из Сибири; он прошел Галлиполи, был ранен во Франции у Мокет Фарм, но опять вернулся в строй. Вальтер **Беров**, «русский казак»-осетин, в этом бою получил тяжелые ранения в грудь и в голову; он ослеп на левый глаз, а его челюсть была разбита. Он проведет в английских госпиталях 9 месяцев и так и останется с обезображенным лицом, но по крайней мере он будет не одинок – за несколько месяцев до этого сражения он женился на английской девушке. Ранение Уильяма **Колесникова** из Перетина на Украине были не менее страшными – его нижняя челюсть была разбита и язык оторван, ранен он был и в левую руку. Ян **Сулковский**, ветеран Галлиполи, уже раненный у Мокет Фарм, тоже потерял в этом бою руку. В 1920 г. он умрет в Брисбенском госпитале на руках у своей невесты. Был ли кто-нибудь, кто заботился бы о Колесникове, мне так и не удалось выяснить... Во время наступления подъездные пути к 111 гаубичной батарее, в которой капрал Джон **Сивежинский** (его правильная фамилия – Сивчинский) служил шорником, оказались в зоне сильного артиллерийского обстрела. Зная, что батарея срочно нуждается в боеприпасах, он, «благодаря своей целеустремленности и мужеству, провел группу, доставлявшую боеприпасы, через артобстрел и в критический момент сумел обеспечить батарею вооружением». Его командир высоко ценил его «неутомимость, смелость и

инициативность». За это сражение он был отмечен бельгийским Военным крестом.⁶⁷

Следующим крупным наступлением была атака на Брудсейнд-ридж 4 октября, в которой приняли участие 1, 2 и 3 австралийские дивизии. Планировалось перед наступлением подвергнуть противника артиллерийскому обстрелу. По совпадению немцы тоже готовились к наступлению и первыми начали артобстрел. В самом начале атаки «орудие капрала **Лукандера** было разбито прямым попаданием, а он и его батарея были частично засыпаны землей», писал его командир. Альберт Лукандер, финский моряк, поселился в Австралии в 1911 году. Он одним из первых вступил в армию и был ранен во время высадки в Галлиполи. Поправившись после ранений, он вернулся в свой 10 батальон и сражался в его рядах до эвакуации войск с Галлиполи в конце декабря 1915 г. Теперь, во Франции, где он служил в составе батареи мортир, Лукандер не растерялся, «установил запасное орудие и присоединился к артобстрелу, использовав все имевшиеся снаряды и подавив огневые точки противника. Его хладнокровие, мужество и быстрая реакция существенно помогли пехоте во время наступления», сражение увенчалось успехом. Рекомендация к Военной Медали, которой Лукандер был награжден, кончалась на личной ноте: «Лукандер, хотя и будучи травмированным, на протяжении всего сражения показывал прекрасный образец поведения своему орудийному расчету».⁶⁸ В этом сражении общие потери среди русских составили 9 человек.

Вскоре начались затяжные дожди, которые затруднили дальнейшее продвижение. Тем не менее 9 октября австралийские дивизии снова были брошены в атаку, на этот раз на Пашендел. Это наступление в грязи, когда немцы, находившиеся в бетонных укрытиях, косили наступающую пехоту, оказалось безрезультатным. Наконец был введен в бой Канадский корпус и, при поддержке анзаков, высота Пашендел была взята в ноябре. После этого австралийские дивизии были отведены из района Ипра. Потери среди русских во время этих боев составили 29 человек, что почти равнялось общим потерям во время успешного продвижения в сентябре-начале октября. Среди раненых был Адольф **Мишкинис**, который покинул свою родную Литву в 13 лет. Это было его вторым ранением. Его сын Винцент рассказывает: «Он был тяжело ранен шрапнелью в голову, в его взводе после этой атаки в живых осталось только три человека, и отправлен в Австралию. Он пролежал в Мельбурнском госпитале 3 года и перенес 27 черепных операций. Головные боли мучили его еще 3 года. Кроме того, он страдал от отравления газом, и часть шрапнели так и осталась в его теле до самой смерти. Он на всю жизнь остался инвалидом».⁶⁹ Еще несколько русских тоже пострадали от горчичного газа, например Джон **Сепсак**, работавший на ферме около Кутамандры, был поражен отравляющим газом и засыпан землей, оставаясь в бессознательном состоянии целый сутки. Сигизмунд **Ромашкевич**, поляк из Литвы, активно участвовавший в делах и польской, и русской колонии в Квинсленде, был не только ранен, но и испытал тяжелое нервное расстройство. Общие потери среди русских во время боев в районе Ипра составили 65 человек, пять россиян были награждены за проявленный героизм Военной Медалью.

Франция, год 1918

Зиму 1917/18 г. австралийские войска провели на более спокойном участке фронта – около Мессины и во Фландрии. К этому времени во многих частях потери были так велики, что были даже планы расформировать 4 дивизию, испытавшую наибольшие потери. К примеру, из 100 русских, которые были в ней в 1916 г., к началу 1918 г. оставалось лишь 45 человек. Тем не менее дивизию все-

таки сохранили. В марте не менее 10 русских были отравлены газом в Холебек и Плоегстерт. Большинство из них поправились и вернулись в строй накануне последних сражений.

Тем временем, в результате Октябрьской революции и выхода России из войны, немцы смогли передислоцировать значительные силы на западный фронт и 21 марта начали крупное наступление в районе Аррас и Сент-Квентин. Они прорвали оборону Британской армии, расположенной в этом секторе, и заняли территории, где шли кровопролитные бои в 1916 и 1917 гг. Австралийские войска во время этого кризиса сражались бок о бок с англичанами на различных участках фронта. Особенно жаркими были бои 5 апреля, где 4 дивизия защищала участок фронта около Дернанкурта, близ Амьена. Немцы прорвались через австралийскую оборону, и хотя они были в конце концов остановлены, австралийцы понесли большие потери. Семен **Сучков**, чей 47 батальон оказался в центре удара противника, был взят в плен. Сучков, белорусский учитель и политэмигрант, прибыл во Францию всего за месяц до этого сражения. На следующий день был ранен Джон **Вагин**, тоже политэмигрант. Еще несколько русских – Андрей **Снеговой**, Николай **Румянцев**, Чарльз **Пертел**, Джордж **Коти** – тоже были ранены во время этого немецкого наступления. Во время нового немецкого удара, направленного на Хазебрук, город защищала 1 дивизия. Австралийцы держались стойко, среди россиян, пострадавших здесь, были моряк Джон **Путре** и художник Федор **Штенгер**. Джордж **Малышев**, который единственный оставался на западном фронте из шести русских приятелей, вместе вступивших в армию в 1915 г. в Рокхемптоне, был убит недалеко от Хазебрука.

2, 3 и 5 дивизии в это время заняли позиции вокруг Виллер-Бретонне, готовясь к новому немецкому удару. 17 и 18 апреля немцы использовали горчичный газ, от которого опять пострадали многие русские. 24 апреля немцы перешли в наступление, используя танки, которые легко прорвали оборону союзников около Виллер-Бретонне. В последовавшей контратаке 13 и 15 бригады австралийцев (4 и 5 дивизии) сыграли ключевую роль. Они взяли неприятеля в клещи, наступая с севера и с юга. Это была смелая атака, на рассвете союзники овладели городом. Наибольшие потери русские понесли на северном направлении, особенно в 50 и 51 батальонах из Южной и Западной Австралии. Из троих осетин из Порт-Пири Алексей **Толпаров** был захвачен в плен, Мосс Милкаг **Мамсуров** (похоже, что его имя было исковеркано до неузнаваемости) был убит, а Бекза **Дезантов** ранен. В этом же бою Адольф **Драгер**, немец из Латвии, был ранен в третий раз и потерял ногу.

На протяжении мая-июля 1918 г. австралийские дивизии оставались в районе Амьена. Анзаки прославились в это время своими смелыми нападениями на передовые позиции противника, шаг за шагом отвоевывая захваченные немцами рубежи. Среди отличившихся были и русские. Мы снова встречаем здесь Джона **Иванова**. После ранения у Буллекурта он вернулся в свою часть, был затем ранен у Хазебрука, теперь был отмечен командиром дивизии за отличную снайперскую работу. Другим героем в эти месяцы стал Джон **Бланкенберг**, моряк из Риги, немец по происхождению. 19 мая во время ночной атаки на Виль-сюр-Анкре он забросал гранатами несколько огневых точек противника и захватил оружие и пленных, «проявив полное безразличие к своей собственной безопасности». Подвиг Бланкенберга был описан даже в «Официальной военной истории Австралии». Он имел все основания быть безжалостным к врагу – во время войны один из его братьев «был убит, другой ранен, третий и их мать сожжены, когда была сожжена их деревня», сообщала подруга Бланкенберга из Австралии.⁷⁰ Бланкенберг был награжден Военной Медалью и погиб 5 октября 1918 г., одим из последних россиян, сложивших свою голову в этой войне.

Среди павших во время майских боев были Давид **Минор** (я упоминала его необычную татуировку), Морис **Лебович**, который умер вынося других с поля боя, будучи санитаром, Сергей **Тарасов** из Петербурга, сын учителя истории. Среди раненых был Александр **Майк** (его настоящая фамилия была Майко), крестьянин из Белоруссии, который был ранен в грудь. Он проведет много месяцев в госпиталях, и до конца жизни так и будет носить у сердца кусок шрапнели. Эдуард **Сельтин**, латышский моряк, в марте 1918 г. был тоже ранен снайпером в грудь, однако его пулю удалось извлечь, и он хранил ее до конца жизни в своей коллекции.

1918 год приближался к середине. Позади было падение царского правительства в России, выход России из войны, начавшийся массовым братанием на восточном фронте, и наступление немецкой армии на западном фронте весной 1918. Здесь, казалось, войне не будет конца. Но некоторые, в том числе и наши земляки, захваченные массовым стремлением прекратить бессмысленную бойню, брали судьбу в свои руки и тут.

... Рядовой Данлоп из 4 батальона показывал во время расследования: «Примерно в 3 часа 13 июня 1918 г. я был на посту вместе с рядовым Брюсом. Он крикнул мне “Джек! Это Пермаков?” Я посмотрел за паранет и увидел, что Пермаков ярдах в 50 от нас перебирался через проволоку. У него не было ни оружия, ни боеприпасов. Я крикнул ему остановиться, но он не обратил внимания. И тут я услышал, что лейтенант приказал рядовому Брюсу стрелять».

Странным дезертиром он был, этот русский – он просто бросил оружие и на виду у всех пошел в сторону немецких окопов. Услышав приказ остановиться, он даже не обернулся и только прибавил шаг. Да, у него достало мужества не оглядываться, подобно героям волшебных сказок, которые он любил слушать в детстве... То, что последовало, было реальностью, реальностью военной машины. «Я приказал постовому Брюсу стрелять в него. Он выстрелил и промахнулся, - показывал лейтенант Грант, командир взвода Пермакова. - Тогда выстрелил ланскапрал Норман со своего поста слева. Пермаков упал, но продолжал ползти в сторону противника, и я, вместе с капралом Уорреном, пошел к нему и принес его на нашу позицию». Пермаков, раненный в живот, умер несколько часов спустя.

Николай Пермаков (его фамилия была очевидно **Пермяков**) родился в Архангельске. Он успел послужить в русской армии, в артиллерии, до того как судьба забросила его в Австралию. Здесь он работал шахтером. В мае 1916 г. он вступил в австралийскую армию, будучи уверен, по его словам, «что по прибытии в Англию он будет переведен в русскую армию» т.к. плохо знал английский. В Англии ему отказали в переводе и отправили во Францию. Но к этому времени, в ноябре 1917 г., он думал уже не просто о переводе. Известия о событиях в России и братании на восточном фронте подсказали ему, что он должен сделать – бросить оружие. По прибытии в Гавр он отказался брать оружие, военно-полевой суд приговорил его к шести месяцам каторжных работ. Отбыв срок, он был направлен в 4 батальон. Сержант Осмонд показывал: «Ночью 8 июня я приказал ему взять боеприпасы. Он сказал: “Мне они не нужны, я не буду стрелять”. Ночью 12 июня, когда я предупредил его подготовиться к выходу на передовую, он сказал: “Сержант, я не буду стрелять, я ничего не буду делать”». «Я не буду стрелять в немцев», - повторил он лейтенанту Гранту, будучи вызванным к нему. Он даже заявил, что его родители были немцы. Грант, проинформировав командование об этом, получил инструкцию: «Стрелять в Пермакова, если его поведение будет подозрительным». Ждать пришлось не долго. После расследования мнение командующего было однозначным: «Тот, кто подстрелил Пермакова, должен быть отмечен за выполнение своего долга», а «выплаты, причитающиеся

Пермакову, должны быть конфискованы в пользу короны». Военные даже не пытались разыскать мать Пермякова в Архангельске, ведь она, как подчеркивали документы, «не имела права на пенсию», все остальные формальности были строго соблюдены.⁷¹

Многое в этой истории вызывает вопросы. Почему Пермяков, который с первого момента прибытия во Францию отказывался брать оружие и даже заявил, что его родители - немцы, был, тем не менее, насильно отправлен на передовую? Что заставило его совершить такой бессмысленный, показательный «побег»? Случайно ли не попал в него рядовой Брюс? И что чувствовал ланс-капрал Уильям Норман, который не промахнулся? Он не позволил прозвучать ни слову эмоций в своих четко сформулированных ответах во время расследования. Возможно, эмоции пришли позже... И можем ли мы судить участников этой трагедии? И как – в контексте ценностей той войны или ценностей нашего мира, пережившего Вьетнам и нынешнюю Иракскую войну? Мне вспоминаются древние слова: «Не судите... Не осуждайте... Прощайте».

Случай Пермякова был не единственным. **Михаил Осипов** из Иркутска в это же время переживал свою собственную трагедию. В Австралии он работал на строительстве железных дорог и вступил в армию, движимый, вероятно, голодом. После нескольких месяцев, проведенных в окопах, он попытался бежать, но был пойман. 2 июля он выстрелил себе в ногу из винтовки, это был классический случай самострельного ранения, но его даже не судили, оставив на передовой. Два месяца спустя он был ранен в боях за Перонн и получил, наконец-то, свою свободу.⁷² Эти и подобные случаи, когда русские бросали оружие, были частью более общих настроений среди измученных войск, но русские, как мы увидим дальше, привнесли сюда свою специфику.

А война шла своим чередом. 4 июля австралийские части атаковали Амель при поддержке нового вооружения – танков. Это была первая операция под руководством генерал-лейтенанта **Джона Монаша**, назначенного командующим Австралийским корпусом. Он происходил из еврейской семьи, эмигрировавшей в Австралию из немецкой части Польши. В этом бою **Самуэль Кранц** из Одессы, который прежде работал в гостинице в Перте, показал, согласно отзыву его командира, образец «смелости и инициативы». Во время атаки на Амель продвижению австралийских войск «препятствовал пулеметный огонь противника, – писал командир. – Кранц ... атаковал пост, убил пулеметчиков и захватил орудие. Он не заботился о своей собственной безопасности, бросившись на не перестававший стрелять пулемет».⁷³ За этот подвиг Кранц был награжден Военной медалью. 26 августа его назначили ланс-капралом и в тот же день, при продвижении на Перонн, он получил тяжелое ранение в голову.

8 августа союзники начали крупную контратаку к югу от Соммы около Амьена при поддержке танков. 2 и 3 австралийские дивизии пошли в атаку в густом утреннем тумане. Но они не успели еще достичь немецких окопов, как туман рассеялся и противник открыл прямой огонь по приближающимся войскам. Наш знакомый **Джон Иванов** не растерялся. Его командир писал: «Этот рядовой по своей инициативе зашел в тыл пулеметного расчета, забросал его гранатами, убив пять человек, и захватил пулемет». **Герард Мартын Скугар**, польский моряк из Вильно, в том же бою совершил подобный подвиг и продолжал стрелять из пулемета, пока не был ранен в голову. В последующие дни войска союзников продолжили успешное наступление, достигнув старой линии обороны, проходившей около Амьена в 1916 г., захватив много пленных. Джон Иванов во время этого наступления снова отличился. Он и Скугар⁷⁴⁷⁵ были награждены Военными медалями за героизм во время августовских боев.

Во второй половине августа, несмотря на сопротивление противника, успешное продвижение войск союзников продолжалось. Военные донесения описывают подвиги еще двух русских анзаков в эти дни. Капрал **Николай Лагутин**, рабочий из Москвы, во время атаки на Лихон «командовал постом гранатометчиков на расстоянии менее 25 метров от противника. Противник сделал несколько попыток захватить пост Лагутина, но благодаря его смелости и упорству они отбили все атаки, нанося противнику ощутимый урон. Капрал Лагутин умело организовал свою группу и продолжал забрасывать противника гранатами на протяжении всего боя». Капрал **Эмерик Шимкович**, моряк из Литвы, во время боев в окрестностях Лихона управлял пулеметом Льюиса. Вскоре после начала атаки его взвод попал под артобстрел. «Шимкович выдвинулся со своим пулеметом вперед и открыл ответный огонь по огневым точкам противника. Продвигаясь вперед и стреляя из Льюиса с бедра, он подобрался к противнику на расстояние менее 25 метров, установив пулемет за небольшой насыпью, и открыл прямой огонь. Несмотря на то, что гранаты взрывались со всех сторон вокруг него, он оставался на своем посту и стрелял из пулемета, пока его взвод не завершил наступление. Упорство и смелость этого капрала и его умелое обращение с пулеметом Льюиса несомненно предотвратили многочисленные потери с нашей стороны и нанесли тяжелый урон противнику», - писал его командир. Лагутин и Шимкович были награждены Военными медалями.⁷⁶

22 и 23 августа австралийские дивизии продолжили успешное наступление к северу и к югу от Соммы. Ланс-капрал **Джон Путре**, латышский моряк, который сражался на западном фронте уже почти два года и был дважды ранен, за эти бои тоже заслужил Военную медаль. В рекомендации к медали говорилось, что он был «напористым, способным и неутомимым предводителем патруля. Он вел его в разведку с мастерством, инициативой и смелостью и благодаря собранной его патрулем информации его рота смогла быстро продвинуться вперед с минимальными потерями».⁷⁷ В этих боях **Федор Усов**, каменщик из-под Сызрани на Волге, подвозивший боеприпасы пулеметчикам, был тяжело ранен в руку, обе ноги, голову и грудь. Его вывезли в Лондон, где его ждала жена-англичанка, они поженились во время его отпуска в Англию в феврале 1918 г. Вскоре и наш знакомый **Фавст Леошкевич**, который приехал в Австралию вместе с Василием Грешнером на «Гунде», был отравлен газом и эвакуирован в Англию. У Грешнера его звездный час был впереди...

Теперь, согласно плану Монаша, большая часть сил была сосредоточена на северном берегу Соммы, готовясь атаковать район горы Сен-Квентин, к югу от которой находился Перонн. Во время этих боев 29-30 августа 37 батальон сыграл важную роль. Во время ночного наступления на немецкие позиции взвод капитана Тоула оказался в центре контратаки противника. Чарльз Бин, автор официальной военной истории Австралии, писал: «Рядовой Крауклис, финн, вооруженный пулеметом Льюиса, и два стрелка с ружьями были высланы вперед, чтобы сдержать наступление немцев. Его пулемет заклинило, он бросился вперед и захватил немецкий пулемет с боеприпасами. Лейт. Эшмид слева захватил другой пулемет, затем удалось запустить и заклинивший Льюис и подавить немецкую контратаку». Однако вскоре Эшмид был смертельно ранен; к рассвету взвод смельчаков, выдвинувшийся далеко вперед, оказался отрезанным от своего батальона. «Тоул не мог послать связного – все были убиты, включая Крауклиса, который добровольно вызвался пробраться под вражеским огнем». Только в сумерках Тоул смог пробиться к своим под огнем противника, потеряв половину взвода, но выведя немецких пленных. **Джон Роберт Крауклис**, совершивший свой подвиг на высоком берегу Соммы, был латышом из Риги, получившим образование в Петербурге. В качестве моряка он добрался до Австралии и сразу

же вступил в армию вместе со своими друзьями из Латвии Лундфендом и Принзом. По прибытии на западный фронт он попросил перевести его в 37 батальон, к его двоюродному брату Яну Розингу. За храбрость в этом бою Крауклис был особо отмечен в донесениях.⁷⁸ **Джон Иванов**, когда его 20 батальон ночью 31 августа должен был продвигаться по немецким окопам на милю вглубь, используя лишь гранаты и ружья, был ранен в третий раз и вывезен в Англию, где его ждала жена.

Неожиданное наступление 31 августа на Сен-Квентин, предпринятое несколькими батальонами, застало немцев врасплох, многие сдавались или бежали. Но и австралийцы понесли тяжелые потери. Среди павших в этом бою были три наших соотечественника-моряка – **Джек Алое**, которому австралийские власти отказали в натурализации перед вступлением в армию, **Уильям Брининг** и **Якоб Лефов**. Среди россиян моряки позже других оказались в Австралии, позже других они вступили и в армию – вероятно, это объясняет, почему в эти последние недели войны так много убитых и раненых было именно среди моряков. И все-таки судьба этих морских странников, умирающих на изуродованной земле в сердце Франции, кажется особенно трагичной.

На следующий день, 1 сентября, 5 дивизия, совершившая бросок к Сен-Квентину с юга, вошла в Перонн. **Василий Грешнер**, служивший в ней сапером в роте полевых инженеров, был среди авангарда наступающих войск. Его командир писал: «Этот сапер был в подразделении, отправленном вперед, чтобы навести мост и обеспечить продвижение к городу наступающей пехоты. Блестяще выполнив задачу, он, по своей собственной инициативе, присоединился к головной группировке наступающих войск, чтобы произвести разведку. ... Его донесение о положении в городе, переданное командованию, представляло большую ценность». В донесении также сообщалось, что Грешнер привел с собой 30 военнопленных – очевидно немцы к тому времени уже начали сдаваться. За этот бой он был награжден Американской медалью за выдающуюся службу.⁷⁹ **Джон Костин**, другой моряк из Риги, был убит во время этого наступления, а еще три моряка – **Яков Иванов** из Закавказья, **Мартин Джонсон** и **Эдвард Томсон** из Эстонии, а также **Франк Пизак** из Польши и **Михаил Персин** из Тулы были ранены. Для них война была закончена...

К 2 сентября Перонн полностью был в руках союзников; наступление на противника продолжалось. В эти дни отличился финский моряк **Эмиль Дахльстрем**. Он был отнюдь не образцовым солдатом. Вступив в армию в 20 лет, он служил почти с самого начала войны, но его служебную книжку «украшало» множество записей о самоволках и непослушании. Во время этого наступления он был связным, поддерживал связь между батальоном и штабом и неоднократно пересекал простреливавшуюся территорию. Во время одного из таких переходов он увидел, что на поле боя осталось много раненых. «Не найдя санитаров, он сам бросился на нейтральную полосу и вынес раненого. Еще шесть раз он совершил подобные вылазки, вынеся всего 7 человек под непрерывным пулеметным и ружейным обстрелом».⁸⁰ За героизм он был награжден Военной медалью. Подобный подвиг совершил и другой финский моряк, **Адольф Адольфсон**, который уже год назад заслужил Военную медаль как пулеметчик. Теперь он не уходил с поля боя в течение 25 часов, вынося раненых. Здесь пригодилось его знание немецкого языка: он организовал немецких военнопленных для переноски многочисленных раненых в тыл.⁸¹ Несколько дней спустя **Петр Чирвин**, русский репортер с Дальнего Востока, также заслужил Военную медаль как санитар. Его командир писал: «Его поведение было достойно высочайшей похвалы. Он многократно проявлял мужество высшей пробы и всегда одним из первых вызывался идти на самый тяжелый участок. Благодаря ему было спасено много

жизней». ⁸² К сожалению, Чирвину не долго предстояло с гордостью носить свою медаль...

В течение сентября австралийские войска захватили несколько линий обороны противника и вышли к знаменитой линии Гинденбурга. Особенно успешной была атака 18 сентября, когда 1 и 4 дивизии взяли в плен 4300 человек. В этом наступлении погиб **Моисей Коттон**, попавший в Австралию вместе с волной русских переселенцев с Дальнего Востока. Он был образцовым солдатом, успешно овладел пулеметом Льюиса, занимался в школе немецкого языка – возможно его готовили для работы среди войск противника. Незадолго до этого наступления он в последний раз съездил в отпуск в Лондон... **Джон Путре**, отличившийся в августовских боях, здесь был ранен в третий раз. Его младший брат **Эндрю** почти одновременно с ним был ранен во второй раз.

Напряжение, испытываемое войсками, было огромным. Многие батальоны имели всего 300 боеспособных человек вместо полагавшейся тысячи. Но войне, казалось, не было видно конца. 21 сентября взвод 1 батальона после ряда сражений, когда его должны были отвести в тыл на отдых, был снова послан в бой. Солдаты отказались подчиняться приказу. Среди бунтовщиков был и наш земляк **Мик Атов**, работавший в Австралии шахтером. Их судили военно-полевым судом и обвинили в дезертирстве, но несколько месяцев спустя они были освобождены из заключения. 25 сентября сапер **Денис Папчук** с Волыни, который безупречно служил в армии, и его товарищ-австралиец Джонсон, отказались отправиться на передовую, не получив платежные книжки, и утверждая, что они поступают в соответствии с распоряжением по армии. Их тоже судили и освободили только после окончания войны. В те же дни **Джон Арман**, эстонец, после трехнедельного самовольного отсутствия вернулся в свой батальон. Его не арестовали, но он не избежал своей участи: он был убит 1 октября, подобно уже упомянутому **Якову Лефову**, который перед смертью тоже дважды покидал свою часть, как бы предчувствуя свою судьбу. 29 сентября войска союзников начали новое крупномасштабное наступление на линию Гинденбурга. Австралийская армия наступала к югу от Перонна и должна была захватить канал Сен-Квентин. В этом последнем крупном бою австралийцы, хотя и выполнили поставленные задачи, понесли тяжелые потери. Здесь погибли **Джон Бланкенберг**, упоминавшийся в предыдущем очерке, **Карл Лоуне** и **Джон Арман** из Прибалтики, **Джон Линдхолм** и **Арво Торнроос** из Финляндии и **Андрей Ковалевский** из-под Екатеринослава.

Австралийские войска были отведены на отдых. 11 ноября 1918 г. Германия приняла требования союзников и война была окончена. **Эдвард Сельтин** из Латвии, которому предстояло дожить почти до 100 лет, вспоминал об этих днях незадолго до смерти: «Мы были вне себя от радости, когда эта отвратительная мясорубка наконец-то окончилась, и мы благодарили небо, что оказались среди счастливчиков, которым удалось как-то выжить в ней. За несколько месяцев до перемирия меня ранил немецкий снайпер, я вернулся в свой батальон и был счастлив, что мне удалось продержаться до самого конца. Многим другим не повезло. Мы с друзьями праздновали провозглашение мира с большим количеством французского вина – и красного, и белого. Через несколько дней мы получили увольнительные, я приехал в Лондон через четыре дня после провозглашения мира и увидел, что люди все еще праздновали и танцевали на улицах. Это было незабываемое время». ⁸³

Саперы, пулеметчики, пленные

Итак, война была закончена, но прежде чем мы отправимся вслед за войсками, празднующими победу, в Англию и в Австралию, бросим взгляд назад, на участие русских в различных подразделениях Австралийской армии. Вальтер **Калашников** был прав, утверждая, что «едва ли найдется хоть одно подразделение в Австралийской армии, в котором бы не было хотя бы нескольких русских добровольцев».

После пехотных батальонов больше всего россиян было во вспомогательных частях. Около 25 человек служили в ротах полевых инженеров, среди них были профессиональные инженеры – Ефим **Максименко**, Петер **Метсер**, Александр **Попов**, - плотники и механики. Примерно столько же было и в ротах саперов – тут преобладали бывшие шахтеры, которые вели подземную войну. Около 70 человек насчитывалось в составе пяти батальонов «пионеров», тех же саперов, которые, кроме того, занимались рытьем окопов и захоронением павших. Очевидно командование придерживалось неписанного правила, что лучше направлять русских, особенно тех, кто почти не говорил по-английски, во вспомогательные подразделения.

Тем не менее немало русских служило и в «элитных» частях. Например, около 50 россиян воевали в артиллерии. Самая блестящая карьера здесь принадлежит Норману **Майеру** из-под Могилева, племяннику знаменитого Сиднея Майера, которому предстояло стать одним из богатейших людей Австралии. Начав службу 20-летним студентом в чине рядового, он закончил ее лейтенантом, командующим колонной амуниции. Около 40 уроженцев России стали пулеметчиками, мы уже встречали имена некоторых из этих героев – **Шимкович**, **Усов**, **Крауклис**. Несколько человек воевали в составе Австралийского авиационного корпуса – бывшие моряки **Элоранта**, **Юкхэм** и **Томроп** служили в его составе в Египте. Эдуард **Севальд** из Риги, который учился два года в русской авиационной школе, застрял в Австралии уже во время войны, прибыв сюда в качестве моряка в 1915 г. Он почти сразу вступил в армию и к 1918 г. имел уже чин авиационного сержант-механика, воюя в составе 3 эскадрона во Франции. Служили русские и на автотранспорте, который появился в армии уже во время войны. Среди шоферов были инженер Иван **Городецкий** и мотомеханик Александр **Саст**. Матвей **Ломинога** и Николай **Степанов**, приехавшие в Австралию подростками с родителями, ко времени вступления в армию могли водить автомобиль и здесь их мастерство пригодилось. Степанов писал отцу в 1919 г.: «Я служу шофером в ... полевом госпитале на 4-цилиндровом «Санбиме». Слежу за мотором, это работа не сложная... Как раз сейчас мы перевозим больных солдат пехоты».⁸⁴ Пригодилось в армии и мастерство русских ремесленников: Роман **Илупмаги** был кузнецом при кавалерийских частях в Галлиполи, Самуил **Мухомель** – на Западном фронте, дослужившись до чина сержанта. Джордж **Секачов**, Джон Сивежинский (**Сивчинский**) и Мартин **Антин** были седельщиками в артиллерийских частях (основные перевозки осуществлялись там все-таки гужевым транспортом), Алексей **Бридрихин** – кузнецом во взводе, обслуживавшим железную дорогу. Андрей **Егоров** из Саратова и Иосиф **Мирский** из Белоруссии стали пекарями в полевых кухнях.

Свыше двадцати россиян служили в медицинских частях, в основном в полевых госпиталях. Среди них можно назвать машиниста Чарльза **Фасса** из Казани, клерка Ричарда **Григоренко** с Украины, Джека **Канаева**, бывшего политзаключенного из Москвы, Федота **Печенова**, крестьянина с Украины, который оставил свою семью в Буяле, в Квинсленде, Томаса **Песмани**

(Письменного), повара с юга России, Константина **Пинкевича**, токаря с Украины. Александр **Гедвилло** из Риги, служивший в 8 полевом госпитале, был убит в битве у р.Соммы. Среди медперсонала была и единственная обнаруженная мной россиянка в Австралийской армии – профессиональная медсестра Аугуста Эмилия **Енберг** из Финляндии. Особенно необычной была судьба русского доктора Михаила **Клачко**. Накануне войны он отправился из Англии на Дальний Восток на борту немецкого корабля «Лутзов». Начало войны застало корабль в Красном море, где немецкая команда судна его незамедлительно интернировала, но вскоре корабль был захвачен англичанами и Клачко высадили в Египте. Здесь он служил в британских медицинских частях, а затем перешел на службу в 1-й Австралийский госпиталь в Гелиополисе. Оказалось, что он искусный пластический хирург в области лица. Многие австралийские анзаки, вывезенные в Египет с Галлиполи с тяжелыми черепно-лицевыми ранениями, были возвращены к жизни благодаря его мастерству. Один из его австралийских сослуживцев писал: «Ваше стремление помочь нам чем только Вы можете отражает добрую волю русского народа по отношению к нам. Мы, австралийцы, только малая часть Британской Империи, но я могу заверить Вас, как высоко мы это ценим». Даже австралийский министр обороны выразил признательность Клачко за его службу. В сентябре 1916 г. он приехал в Австралию, сопровождая раненых, и некоторое время служил врачом на призывных пунктах.² Однако вскоре его романтическая связь с австралийской девушкой, которая бежала с ним в Россию, а затем в Китай, изменила отношение к нему австралийских властей, которые упорно отказывали ему в натурализации.

Наконец не менее двух десятков россиян служили даже в австралийской военной полиции и в штабе Австралийской армии. На такие посты они обычно попадали после ранения во время службы на передовой. Так, наш знакомый Вильям **Деонк**, награжденный за героизм в Галлиполи Военной медалью, был переведен в военную полицию после ранения на Западном фронте. В полицейской разведке служили два моряка из Прибалтики – Николай **Коцебу** и Николай **Рерих**; в службе разведки был и Георгий **Камышанский**, сын высокопоставленного русского чиновника, знавший французский и немецкий языки. Николай **Федорович**, журналист, с приключениями которого в России мы уже познакомились в Галлиполийской главе, по возвращении в армию служил в штабе в Лондоне. Щия **Фельс**, гранильщик алмазов, тяжело раненый вскоре после высадки в Галлиполи, был демобилизован в Австралии. Однако он не считал свою войну законченной и сам отправился в Лондон, где пытался вступить в авиационные части. Когда из-за инвалидности он был отвергнут, он поступил в Британскую военную разведку, где прослужил до конца войны.

Кроме армии россияне служили и в других военных подразделениях Австралии, в частности в военно-морских силах. Так, Юлиан **Шабловский**, корабельный повар из Польши, стал первым россиянином, служившим за пределами Австралии. Он покинул Австралию уже в августе 1914 г. на «Берриме» в составе Австралийских ВМС, которым предстояло провести успешный рейд по захвату немецких колоний на Новой Гвинее. Парфен **Грехов**, демобилизованный из армии после увечий в Галлиполи, в мае 1918 тоже вступил в ВМС и был направлен в Рабаул и Кокопо на о. Новая Британия.

Оказались россияне и среди австралийских военнопленных. У меня собраны сведения о тринадцати из них - финнах **Бломквисте**, **Фредриксоне**, **Харсила**, **Карху**, **Ниблеме**, **Тройле**, латышах **Чарльзе Реппе** и **Андреасе Войткуне**, русских **Александр Састе**, **Симоне Сучкове** и **Владимире Валичеа** (Valichea), осетине **Алексее Толпарове** и украинском еврее **Волфе Дорфмане**. С приключениями **Александра Саста**, попавшего в плен в Галлиполи, мы уже

познакомились. Другие попали в плен на Западном фронте, и их истории были не столь богаты событиями – им выпали на долю лишь страдания (многие оказались в плену ранеными), тяжелая работа в немецких лагерях и голод. Пища в здесь была настолько плохой, что пленные не могли ее есть, их спасали только продовольственные посылки Красного креста. В плену многие русские особенно остро чувствовали свое одиночество – Россия для многих из них уже перестала быть домом, Австралия им еще не стала. **Сучков** писал из плена: «Принимая во внимание то, что я пленный, мне не на что жаловаться. Но у меня нет родных ни в Англии, ни в Австралии, и я был бы премного благодарен, если бы Австралийский Красный крест смог переправить мне предметы первой необходимости. Я натурализовавшийся австралиец».³ Напротив, **Войткун**, у которого в Порт-Пири остались жена и пятеро детей, хотя и не был еще натурализован, не колеблясь писал: «Я австралиец и чертовски далеко от дома». Его английский товарищ писал о нем в своем письме: «Здесь у нас есть австралиец ... который говорит по-немецки, по-русски и по-французски. Он служит переводчиком между нами, англичанами, и русскими докторами». Войткун, который сам был тяжело ранен, первоначально содержался в госпитале в Тюрингии с английскими и русскими пленными. Один из русских докторов, встреченных им там, доктор Берзин, был вероятно латышом.⁴

Лагерь, где находились наши соотечественники, были разбросаны по всей Германии. Но был один человек, который объединял их всех – мисс Мери Чомли из Австралийского Красного креста. Она и ее сотрудники заботились о нескольких тысячах военнопленных, и для каждого, в том числе и для русских, она находила теплое материнское слово. Именно она в этот тяжелый период помогла им поверить, что и у них есть страна, для которой они «свои», вне зависимости от их национальности, от того, натурализованы они или нет, и страна эта – Австралия. Когда священник Сёблом из Миссии финских моряков в Сиднее запросил ее о списке «русских и финнов, служащих в Австралийской армии», мисс Чомли ответила, что таких сведений у них нет, потому что «мы считаем их всех австралийцами».⁵ Помимо регулярных продуктовых посылок, которые спасли жизнь многих пленных, она вникала во все их нужды, и ее забота вызывала у этих бывших россиян не только благодарность, но и чувство принадлежности к их новой стране и ее армии. Например, Валичеа и Тройле просили ее прислать набор значков австралийских батальонов, Войткун писал в одном из писем «мы, мужчины из колоний», Фредриксон упоминал, что с ним в плену находится «много наших ребят», а Тройле, объясняя мисс Чомли, почему он просит лишнюю порцию табака, писал: «Тут со мной сидят другие британцы, которым не повезло с получением табака, и я не могу отказать товарищу в куреве». Они не писали об Империи, но то, что они говорили, было не менее важно. Через два месяца после этого письма Тройле умер от гриппа, все остальные после окончания войны были репатриированы в Австралию. И думается, что это непродолжительное знакомство с мисс Чомли помогло им почувствовать, что эта страна теперь стала их домом – не случайно процент тех, кто натурализовался и остался здесь после войны, был среди русских военнопленных выше, чем по армии в целом.

«Вследствие русской национальности»

Да, русские служили в Австралийской армии так же, как и австралийцы. Превозмогая страх, они поднимались в атаки как пехотинцы, рыли окопы и туннели как саперы, выносили с поля боя раненых как санитары, доставляли боеприпасы под огнем противника как погонщики лошадей... Процент убитых и

раненых, больных и пленных среди них был такой же, как по Австралийской армии в целом. И все же их ноша была порою тяжелее, чем у их австралийских соратников, тяжелее на неизмеримую величину – быть русским среди австралийцев.

«Мой товарищ...»

Их сослуживцы знали о них, что они – русские. Например, когда Красный крест собирал сведения об уроженцах России, пропавших без вести во время боев, их товарищи, отвечая на запрос, обычно подчеркивали, что погибший или пропавший был «русским», называя так евреев и финнов, прибалтийских немцев и латышей. Но в этом не было ни тени ксенофобии, «русские» принимались австралийцами в круг их легендарного товарищества (*mateship*) с открытой душой. Вслед за замечанием о том, что человек был русским, в их ответах обычно следует указание о том, чьим товарищем (*mate*) он был – по неписанному закону после каждого боя товарищи проводили проверку среди своих. «Мы все были из одного подкрепления и всегда заботились друг о друге. Один из наших и сказал мне о гибели Чарли Чаплина, – вспоминал ланс-капрал Уилмот о Луисе **Пасвальском**, называя его этой армейской кличкой. «**Граубин** ... был убит около Полигон Вудс, так мне сказали его товарищи. ... Райен, Граубин и мой брат (убит 25.9.17) были товарищами», – писал Аткинс о русском финне. Кларк сообщал, что «**Салонен** был русский финн из Мельбурна, превосходный сигнальщик и хороший товарищ», а Роджерс начал рассказ о нем словами «Салонен был моим товарищем».⁶

Да, перед лицом смерти они были товарищами, но товарищество это выковывалось не сразу, далеко не сразу. Я уже упоминала рассказ внучки Александра **Егорова**, Барбары Фокс, о зиме 1916-17 года на Сомме, когда «ему приходилось спать снаружи, а не в окопе, потому что австралийские солдаты говорили ему, что в самом окопе для него нет места. Он заворачивался в одеяла и спал снаружи. Шел снег и руки у него были совсем заоченевшие, когда он просыпался». Вспомнив об этом, Барбара тактично уточняет: «Может быть это было потому, что он был русским, но точно мы этого не знаем». Действительно, он никогда не говорил своим детям о причинах этого, может быть потому, что он, сам дважды раненый на западном фронте, простил это своим товарищам. В 1930-х годах, когда он уже жил в Пламптоне, под Сиднеем, и с утра до вечера работал на своем участке земли – на его плечах лежала забота о десяти детях – у него был особый день раз в году, День Анзака. Тогда он доставал свой лучший костюм и отправлялся в Сидней на встречу ветеранов своего 17 батальона. К нему подходили солдаты, которых он когда-то вынес с поля боя как санитар, они узнавали его, хотя он сам часто не мог припомнить их лиц. И они пили вместе. А формальные слова прощения были ни к чему.⁷

Горечь звучит и в воспоминаниях о службе братьев **Тупиковых**: «Поскольку Николай не был австралийцем, ему не разрешалось носить оружие, и он служил санитаром. Он служил во Франции, но страдал от дерматита на ногах, так как он все время ходил в грязи, вынося раненых. ... Алек тоже вступил в армию и был санитаром». Обсуждая эти семейные рассказы с внуком Николая, мельбурнским кинорежиссером Денисом Тупиковым, мы сошлись во мнении, что досье о службе Тупиковых не содержит никаких свидетельств, что им «не разрешалось носить оружие» (как мы уже убедились, даже ненатурализовавшиеся русские в Австралийской армии стреляли не только из винтовок, но и из пулеметов, служили в авиации, разведке и военной полиции). И все же я думаю, что впечатления Николая Тупикова передают дух общего подозрительного

отношения к русским, с которым ему пришлось столкнуться в армии. Он на собственном трагическом опыте уже знал, каково быть русским среди австралийцев, когда, накануне войны, он был обвинен в убийстве своего соотечественника в Брисбене. Хотя его и оправдали «за отсутствием доказательств», Денис, который расследовал все перипетии этого дела, уверен, что приговор мог быть другим, будь убитый австралийцем, а не русским.⁸

Военное мифотворчество часто присутствует в семейных воспоминаниях. Одна из таких популярных тем – награды, не полученные по тем или другим причинам. Эта тема встречается и в семейных воспоминаниях русских анзаков, но здесь она имеет свою особенность – награждение не происходит из-за того, что человек русский. Например Мира Шепард, дочь Петра **Стерлецкого**, рассказывает: «Я помню, что он говорил, что его должны были наградить Крестом Виктории за спасение солдат, которые застряли в кухне во время газовой атаки. Он рассказывал, как многие его поздравляли, когда он был представлен к награде, но потом выяснилось, что его не могут наградить потому, что он не был натурализованным австралийцем». Петер, внук Уильяма **Деонка**, вспоминает, что хотя его дед получил Военную Медаль, «у нас есть предание, что не будь он "refo" [т.е. иммигрантом], он бы получил более высокую награду».⁹ Очевидно чувство чужака-русского среди австралийцев послужило основой для подобных преданий.

Я уже упоминала, что совместные попойки были важным средством наведения межнациональных мостов. Но иногда даже это не помогало. Кочегар Эдуард **Яншевский** покинул родную Либаву в 17 лет. Татуировка, украшавшая его руки, – бабочка, крест, сердце и якорь, череп и змея, сложенные руки, кинжал, американский флаг и девушка, – казалось, сама рассказывала о его приключениях, страхах и надеждах. Русский консул в Австралии, где Яншевский застрял по пути из Южной Америки в Россию, вынудил его вступить в Австралийскую армию. Но его служба сразу пошла вкривь и вкось. Представ перед военно-полевым судом за самоволку в декабре 1917 года, он объяснял судьям как нечто само собой разумеющееся: «Я русский и поэтому меня во взводе не очень-то жаловали. Тогда я начал пить и так и пошло». И все же думается, что и в его, и во многих других случаях русское происхождение было лишь одним из факторов, усугублявших непопулярность военнослужащего. Яншевский, хотя и вступил в армию в сентябре 1915 года и был во Франции до своего окончательного побега в мае 1918 года, практически не бывал со своим 1 батальоном пионеров на передовой, проводя время в запасных частях, госпиталях, самоволках и заключении. После окончания войны военный совет счел его не заслуживающим получения боевых наград. Но это не было последней точкой в его судьбе. Мы встретимся с ним еще раз, много лет спустя, когда он станет совсем другим человеком – австралийцем.¹⁰

Армейское товарищество создавалось не сразу. Австралийцы только начали учиться принимать тех, кто отличался от них, и, вероятно, им было легче принять русских как товарищей перед лицом смерти. Но когда такие отношения устанавливались, они высоко ценились обеими сторонами. Джордж, сын Устина **Гуляева**, рассказывает: «Во время войны его хотели послать в школу для офицерского состава из-за его образованности и знания языков, но он отказался, потому что ему пришлось бы тогда расстаться со своими товарищами». Николай **Эверт**, который начал службу в 9 пулеметном взводе, был переведен в пехотный батальон. В своем заявлении о возвращении в его прежнюю часть он писал: «Меня очень интересует пулеметное дело и я хочу вернуться в пулеметный взвод к своим друзьям».¹¹ Его друзьями были австралийцы – других русских в то время в батальоне не было. О друге Ефима **Чернянина**, рядовом Николсе, мы узнаем из его заявления на натурализацию – они вернулись с фронта вместе, и адрес матери

Николса служил адресом для писем и Чернянину.¹² Георгию **Камышанскому** рекомендацию для натурализации дал отец его армейского друга-австралийца. Рекомендации от сослуживцев по армии получили и Николай **Рерих** («он всегда был хорошим солдатом и настоящим джентельменом»), Ян **Розинг**, Фредерик **Скудрин**. Дочь Александра **Майко** вспоминает, что «Эллиот Смит был его другом с армейских времен и они остались друзьями на всю жизнь».¹³

Для многих россиян армейское товарищество стало первым шагом на пути их превращения в австралийцев. В реальной жизни эта «австралийскость», как и легенда анзаков, редко приходила облаченной в парадную одежду. Напротив, «австралийскость» – совместные попойки (а это был важный социальный институт в культуре и русских, и австралийцев), игра в запретный «ту-ап» (нечто вроде русской «орлянки»), дерзость по отношению к младшему командному составу – часто отмечалась как нарушение дисциплины в их служебных досье. Эта пресловутая дерзость – интересный источник сведений об армейском товариществе. Например 20-летний Вильям **Заводчиков**, вероятно сибирский еврей, после службы в течение нескольких месяцев в квинслендском учебном батальоне, упустил заключенного солдата, которого он должен был охранять. Будучи сам взят под арест за этот проступок, он сказал сержанту: «Вы посадили его [сбежавшего солдата] ни за что. Можете и меня посадить».¹⁴ Ничего подробного русский, а тем более еврей, в царской армии не посмел бы сказать начальству, но, вероятно, Заводчиков уже подпал под обаяние австралийского удалства. Норман **Майер**, чье поведение, согласно его служебному досье, было образцовым, позднее предпочитал представлять в образе этакого заправского «диггера». В газетной статье рассказывалось о нем: «Для увольнительных у них были Париж и Лондон. Майер никогда не помнил точных дат. Часто он оставался там, пока не кончались деньги на его банковской книжке. Когда он, наконец, возвращался в часть, следовал неизбежный штраф».¹⁵ Даже отцы семейств с удовольствием принимали это бесшабашное армейское братство. Например Луис **Бродский** запомнился именно таким его 10-летнему сыну Александру, который пишет в своих воспоминаниях: «Ему пообещали должность офицера, но назначили простым сержантом! Разочарованные Бродские не самые приятные люди, и отец показал себя. Вскоре в лагере в Сеймуре его понизили до капрала, потому что его понятия об увольнительных были отнюдь не ортодоксальными. Мы поехали навестить его в одно из воскресений, и мы с [братом] Изей, не подозревая, как солдаты ненавидят сливовый и яблочный джем, сложили вместе наши сбережения для специального подарка отцу. Он радостно встретил нас на станции, но когда мы преподнесли ему джем и он прочитал наклейку, лицо его потемнело и он запустил банку ярдов на сто, не меньше. Затем он повел нас во фруктовый магазин, чтобы чем-нибудь угостить нас, поссорился с хозяином из-за цен и в знак протеста перевернул огромную тачку с фруктами! Слава Богу, подросли другие солдаты и отбили отца у хозяина магазина, а то бы ему не поздоровилось».¹⁶

Чувство принадлежности к Австралии часто проявлялось в неожиданной форме – например в татуировке австралийских символов. Я уже упоминала татуировку Василия Грешнера; у Атолфа **Аалто**, героя Стразее, тоже была татуировка в виде эму, кенгуру и очертаний Австралии, а Мартина **Антина** украшали русский и английский флаги. Австралийка Эмили Триг, которая заботилась об Александре **Хилтунине** из Выборга, умиравшем от туберкулеза, годы спустя рассказывала своей внучке, «как гордился Алекс цветами своего батальона и как благодарил меня за то, что я догадалась дать ему одеяло с этими двумя цветами – синим и белым».¹⁷

«Русский. И хороший человек»

В повседневной окопной жизни австралийцы относились к русскому происхождению их сослуживцев как к безобидной особенности. Нина Михайловна Кристесен, приехавшая в Австралию в 1925 году, вспоминала рассказ их соседки-австралийки о том, что «во время войны (Первой мировой) муж ее подружился с призванным в австралийскую армию русским солдатом, ... пользовавшимся популярностью среди других солдат за постоянную готовность уступить свой паек чая, так как ему хватало одной заварки на целую неделю!»⁸⁵ Но терпимость имела свои границы, и первое, что выделяло русских, а часто и определяло отношение к ним, было несовершенство их английского языка. Их знание языка варьировалось от «совсем не говорит по-английски» (Туагарин) до «говорит по-английски неуверенно» (Кеков), «с заметным иностранным акцентом» (Браце), «с легким иностранным акцентом» (Рейнеке). Следствия этого были различны. Иногда несовершенное владение английским влияло на общую оценку солдата: «он говорит очень мало по-английски и кажется тупым и бесполезным, ... умственно неполноценный», «он русский и говорит не очень вразумительно». Такие оценки оказывали прямое влияние на служебную карьеру солдата. Дочь Устина **Гловацкого** на мой вопрос «Каково приходилось русскому в австралийской армии?» саркастически рассмеялась: «Чертовски плохо, судя по тому, что я слышала от отца... Он был интеллигентным человеком, а они сделали его денщиком, потому что, конечно, у него были проблемы с языком и они никак не могли разобраться, русский он или немец».² В нескольких случаях русских даже увольняли из армии из-за языковых проблем, например Джека **Канаева** и Ивана **Козакова** отчислили по этой причине с полевой медицинской службы. Командир Козакова с английской надменностью в своей докладной перекрестил его на английский лад в Koseycroft. А другой **Казаков**, Алексей, чье имя в служебном досье было записано как Kosakoff, Kasakoff, Kozakoff, Kazenkoff, Kazerkoff, даже предстал перед военно-полевым судом из-за языковых проблем. Он родился в деревне Старые Матаки под Казанью и оказался в Австралии, сбежав с корабля. Он воевал в Галлиполи с 15 батальоном, в котором служило много русских из Квинсленда, и был там ранен. В Египте, во время реорганизации армии, его перевели в бригаду полевой артиллерии в качестве механика. Когда в мае 1918 г. его поставили на должность артиллериста, он отказался принять новые обязанности, заявив на суде: «Я знаю язык достаточно хорошо для того, чтобы быть механиком, но не артиллеристом». Но к этому времени военные дорожили каждым человеком и доводы Казакова не были приняты во внимание. Он был приговорен военно-полевым судом к 35-дневному наказанию и вынужден продолжать службу артиллеристом.³

Отношение солдат к несовершенному английскому их русских сослуживцев было более терпимым. Леон **Леошкевич** рассказывает: «Как мой отец справился с английским языком в армии, оставалось для меня тайной, пока он не рассказал мне о человеке, с которым он там подружился: тот был учителем до войны и много занимался с моим отцом. По странному стечению обстоятельств этот человек, его звали Клиффорд Андерсон, оказался директором школы, в которой мне довелось учиться». Эдвард **Сельтин**, согласно его сыну, тоже научился говорить по-английски в окопах: «отец рассказывал мне, что он учил английский, рассматривая в окопах разные комиксы с помощью небольшого словарика. Так он узнавал и запоминал слова и вполне сносно научился английскому».⁴

Более того, в некоторых случаях русское происхождение солдата и его языковые проблемы не вызывали негативной реакции, а, напротив, вызывали сочувствие. Хорошим примером может служить отношение к россиянам

медицинского персонала. Франк **Ещек**, моряк из Варшавы, вероятно немец по происхождению, заболел после вступления в армию в Тасмании. Переписка медицинских работников о его состоянии включает краткую заметку одного из них: «Ещек русский. И хороший человек.» К сожалению, его жизнь оборвалась рано – во время пребывания в лагере в Англии у него начался туберкулез, он был демобилизован, вернулся в Австралию и умер в Тасмании в 1919 году. Дмитрий **Чепурнов**, бывший клерк из-под Пензы, находясь в английском госпитале после второго ранения, подвергся тяжелому заболеванию неясного характера. В конце концов его отправили в тренировочный лагерь для отправки на фронт. Во время тренировки он сказал инструктору о том, что не может больше выдержать, за что его взяли под арест для военно-полевого суда. Чепурнов написал письмо единственному человеку, которого он знал в Англии, – доктору Паркинсону из госпиталя, прося его помочь. Он закончил письмо словами: «Если Вы не сможете вспомнить меня – я Ваш русский пациент, к которому Вы отнеслись с таким интересом, и я чувствую себя глубоко обязанным Вам за Вашу доброту». И доктор вмешался, чего он обычно не делал, написав военному командованию о болезни Чепурнова и предложив им провести специальное расследование его случая, т.к., писал он, «я думаю, что есть вероятность, что в этом случае могло быть допущено несправедливое отношение». Он добавил о своем бывшем пациенте: «Он русский и его английский очень трудно понимать». Месяц спустя Чепурнов был отправлен в Австралию как непригодный к службе по состоянию здоровья.⁵

Хотя язык и мог стать камнем преткновения, во многих случаях, однако, способности человека как солдата определяли отношение его товарищей и командования. Например, вскоре после переброски войск во Францию возникла проблема с цензурой русских писем. Русские жаловались в русское посольство в Лондоне, что им «не разрешают писать домой на родном языке». Согласно существовавшим инструкциям только письма, написанные по-английски или по-французски, направлялись цензору, письма же на русском языке уничтожались или возвращались отправителям. В июне 1916 года командир 7 бригады писал в штаб: «В 26 батальоне есть шесть русских, все превосходные солдаты, которые прошли с батальоном Галлиполи. Нельзя ли организовать, чтобы их письма проходили цензуру какого-нибудь русского офицера во Франции или русского консула, поскольку их письма домой не могут проходить цензуру в дивизии, и тот факт, что вследствие этого они не имеют возможности переписываться со своими родственниками в России, воспринимается ими очень болезненно. Если они посылают домой письма, написанные по-французски или по-английски, очень маловероятно, что кто-нибудь сможет перевести их у них на родине». В результате привлечения внимания военных к этой проблеме была сделана поправка в цензурных инструкциях с учетом нужд русских, и майор Л.Ф.Артур, «квалифицированный русский переводчик», согласился цензурировать письма.⁶

Другое свидетельство отношения к русским со стороны военного командования можно найти в досье военно-полевых судов. Во многих дисциплинарных случаях, например, при использовании «неуставного языка» (а армейская жизнь заставляла русских усваивать этот язык очень быстро), их русское происхождение вообще не упоминается и судебный процесс был вполне беспристрастный. Так, когда Михаил **Немировский** обругал унтер-офицера, суд приговорил его к 28-дневному наказанию с оговоркой: «По мнению суда Немировский был спровоцирован и рекомендуется обвиняемого простить».⁷ Артур **Кодак** (он служил под именем Кадак) был найден невиновным в его конфликте с унтером, заставившем его выполнять тяжелую физическую работу, когда он был болен.⁸ Николай **Родионов**, плотник из Перми, будучи пьян, ранил

другого солдата, обозвав его «британским ублюдком», когда тот толкнул его, дурачась со своим дружкой. В досье русское происхождение Родионова не упоминалось, и его командир дал ему хорошую характеристику.⁹ Иногда их командиры упоминали русское происхождение солдат как довод для снисходительного отношения к ним. Например, на суде над Томасом **Томассоном**, финским моряком, который обвинялся в самоволке и попытке вырваться из-под стражи, его командир лейтенант Слейд заявил: «Обвиняемый – русский и иногда ему было трудно понять нашу систему дисциплины, но всегда, когда ему все было объяснено, он поступал правильно».¹⁰ Хотя и немногочисленные, но такие командиры бывали даже в те времена.

Объективные данные об отношении военных к русским отражается в статистике их продвижения по служебной лестнице. Почти все россияне начали свою служебную карьеру в Австралийской армии в качестве рядовых, и около 11 % тех, кто был на фронте, получили повышение. Исключение представляли лишь европейцы, родившиеся в России, – среди них около половины получили повышения и несколько достигли офицерских чинов. Среди собственно россиян офицерские чины имели лишь несколько старожилов – священник Павел **Зундолович** сопровождал войска в качестве капитана-капелана, Елиазар **Марголин** вырос от лейтенанта до лейтенант-полковника, а Норман **Мейер** от рядового до лейтенанта. Ян **Розинг**, вступивший в армию через несколько дней после прибытия в Австралию, тоже сделал успешную карьеру – к моменту отправки на фронт он был сержантом, а на фронте дослужился до чина сержант-майора; ему помогло, видимо, то, что он мог «хорошо говорить и писать по-немецки и по-французски».

Что касается остальных русских анзаков, большинство из которых оказались в Австралии лишь незадолго до войны, продвижение их по службе было очень скромным. Тем не менее уже в Галлиполи инженер Францис **Дерамер** и рабочий Джордж **Берзин** стали капрами. Несколько других галлиполиских ветеранов получили повышение до чина капрала уже на Западном фронте, в то время как погонщик лошадей Томас **Баер** стал сержантом, а официант Иосиф **Брандесбур** достиг чина сержант-майора. Запись в служебном досье Брандесбура о том, что он может «хорошо читать и писать по-английски», помогла его служебному продвижению. Успешной была и служба Павла **Кирвалидзе** из Грузии и другого кавказца, Вальтера **Берова** (я уже рассказывала о том, как он защищал свою честь «русского казака»), – оба они стали сержантами.

Эти факты свидетельствуют о том, что армия не препятствовала продвижению по службе россиян, будь они осетины, грузины или евреи, даже если они недавно приехали в Австралию и не владели английским в совершенстве. Более того, доверие к некоторым из них было столь велико, что они получали унтер-офицерские чины даже после выхода России из войны, когда общее подозрительное отношение к русским усилилось. В то же время большинство русских, несмотря на их образование, предыдущий военный опыт в русской армии и более зрелый возраст, чем по армии в целом, редко достигали в Австралийской армии звания более высокого, чем капрал, а многие так и оставались рядовыми на протяжении всей службы. Можно предположить, что русские, хорошо ладившие со своими австралийскими сослуживцами, имели больше шансов на продвижение по службе. Косвенно это подтверждается тем фактом, что большинство из тех, кто получил повышение, натурализовались в Австралии и успешно интегрировались в австралийское общество после войны.

Тем не менее, в конфликтах, в которые оказывались вовлеченными русские, австралийцы иногда относились к их русскому происхождению как к чему-то негативному, используя это как основание для оскорблений. Например, русский

крестьянин Джон **Туагарин** из-под Орла, едва говоривший по-английски, на военно-полевом суде 5 октября 1916 года был обвинен в «невыполнении законной команды, данной ему офицером». Произошло следующее: Туагарин, который был болен уже несколько дней, получил приказание капрала идти в караул, на что ответил, согласно показанию свидетеля: «Нет, я не иду в караул» [‘No, me no go on guard’]. Сам Туагарин уверял, что он сказал капралу, что он болен, и продолжал [орфография подлинника]: «Капрал сказал: Ты лжец, и я ответил, как я могу лгать, когда у меня голова идет кругом. Тогда капрал обозвал меня, сказав “Пошел, ты русский чертов сукин сын” и еще шпион. Я ответил капралу по-русски, потому что я не могу говорить хорошо по-английски. Я спросил его, он что думает, что сейчас русско-японская война и Россия побита, и сказал, что Россия воюет с Германией». Конфликт, начавшийся как заурядное недоразумение, вылился в оскорбление национального достоинства русского. Суд признал Туагарина невиновным.¹¹

Подобный же конфликт произошел несколько дней спустя, когда другой русский отказался принимать участие в пьянке (среди русских были и такие!), что спровоцировало этническое оскорбление и насилие. 28-летний Джо **Филиппов** (его имя в армии переврали в Фелипор) был уроженцем Одессы и успел послужить в Русской армии на Балканах. Хотя при вступлении в Австралийскую армию он указал свою профессию как шахтер, тем не менее татуировка на его теле – дерево, цветок и пчела, моряк на памятнике, якорь и буй, крест, ветряная мельница, автоматический револьвер – как бы рассказывали историю его предшествующих приключений. Он прибыл в Бельгию в составе взвода саперов и был отправлен с группой из двенадцати человек, под командованием сапера У. Монагхана, в Ренингхелст, около Ипра. На полпути они зашли в трактир чтобы выпить. Члены группы свидетельствовали на перекрестном допросе: «Я выпил около 5 бокалов пива... Я не был пьян. Сапер Монагхан выпил столько же, но он не был пьян». Филиппов не пил с ними, поскольку у него не было денег. Наконец, они вышли из трактира и, согласно Филиппову, «Монагхан сказал: “Теперь я буду вашим офицером, все следуйте за мной цепочкой”. После этого сапер Монагхан предложил пойти еще выпить прежде, чем отправляться в путь, но я отказался и сказал, что пойду до места назначения самостоятельно. Я пошел, и тогда он закричал: “Стой! Чертов русский, ты должен быть тут с нами”». Монагхан бросился за Филипповым и ударил его, пытаясь забрать его винтовку. Филиппов – «Я был вне себя от боли» - ударил его штыком винтовки. За это его и судили. Хотя дружки Монагхана и пытались его выгородить – «Сапер Монагхан не обзывал обвиняемого» - и суд нашел Филиппова виновным, присудив его к году тюремного заключения, срок не был утвержден высшей судебной инстанцией.¹²

Командование, несомненно, относилось беспристрастно к этим русским чужакам, но это был еще октябрь 1916, когда союз между Британией и Россией был крепок, а октябрьская революция и выход России из войны были еще далеко. Что же до Филиппова и Туагарина, накануне 1917 года первый был тяжело ранен в левую руку – ту, на которой была татуировка цветка и пчелы, - и отправлен в Англию, а второй был убит в бою за два дня до этого. Но я думаю об их обидчиках: может быть, героизм этих «чертовых русских» вскоре после конфликта излечил их от расовых предрассудков? Может быть.

Привет от Teddy Berg’a

«Иностранный акцент» русских усиливал подозрительное отношение к ним, как только они оказывались за пределами своей части. Сын Яна **Розинга** вспоминает, что на фронте его отец однажды ночью заблудился в окопах. «Его

задержали британские солдаты ... и спросили, откуда он, и он ответил “Я австралиец, я в австралийской армии”. Тогда этот парень говорит ему: “На тебе австралийская форма, но у тебя русский акцент”. И они нашли кого-то, кто говорил по-русски, и мой отец заговорил с ним на прекрасном русском языке, но это только усилило подозрения. Наконец моему отцу удалось связаться со своим командиром, тот сказал британскому офицеру: “Пожалуйста, отпустите этого человека, он один из моих лучших бойцов”. И тут уж мой отец отыгрался на них». ¹³ Билл Смит рассказывает о своем друге Анселми **Талава**, финском моряке: «Нам обоим пришлось ползти по снегу, чтобы проверить трубки с аммоналом перед нашими окопами. Когда мы возвращались обратно, мы немного заблудились и часовой нас окликнул и спросил пароль. Алек, который забыл пароль, “сардина”, ответил с сильным русским акцентом “какая-то рыба из консервной банки!” К счастью, часовые узнали голос Алека и спросили: “Это ты, Алек?” Нас легко могли подстрелить». ¹⁴

Но часто подозрения приводили к трагическим последствиям. Николай **Гулевич**, образованный человек и превосходный пулеметчик, в 1918 году был возвращен в Австралию с диагнозом «травматическая неврастения». В истории его болезни есть лишь краткое упоминание возможной причины болезни: «Самочувствие хорошее ... до апреля 1918. Принят по ошибке за шпиона. Очень нервный». ¹⁵ Случай Николая **Коцебу**, в отличие от Гулевича, хорошо документирован. Коцебу, хотя и носил славное немецкое имя, родился на Урале, где его отец занимался золотопромышленным делом. После смерти отца, когда Николаю было всего 4 года, семья переехала в Ревель (Таллинн). Подростком он провел два года в Германии и, после ряда приключений, в конце девятнадцатого века поселился в Австралии. Будучи механиком, он служил во Франции в подразделении полевых инженеров, обучался в радиошколе, и в апреле-августе 1917 года ненадолго оказался в составе австралийской полицейской разведки. После возвращения в свою часть он был ранен в Ипре и эвакуирован в Австралию в начале 1918 года, но прибыл он сюда глубоко травмированным и психически. Нельзя без боли читать его письма, которыми он засыпал службы безопасности. За словесной путаницей, за манией преследования вырисовывается его основная идея фикс – доказать, что он не немец. (Я могла бы поручиться, что действительно по культуре он был русским, поскольку даже спустя 20 лет вдали от родины, будучи психически больным, он все еще иногда вплетал русские буквы в эти письма). Наряду со страхом быть заклеянным немцем, растет и его стремление доказать, что «не все люди в России, чьи имена оканчиваются на –ский, негодяи». Среди писем есть фотография Коцебу с коалой, сидящим на телеграфном столбе, и его гротескной «маленькой шуткой»: «На днях этого субъекта нашли наверху телеграфного столба, он несомненно что-то передавал. Его принесли мне для перевода, но я никак не мог понять, как его звали – Teddy Bear или Teddy Berg, в последнем случае он оказывается немцем. Я хотел бы посоветовать нашим умным детективам Биллингхурсту и Давису разобраться с этим делом и решить, следует ли его интернировать или просто посадить на эвкалипт». Надо отдать должное офицерам службы безопасности – они всегда относились к Коцебу с уважением. ¹⁶ К счастью, и он, и Гулевич вскоре поправились, но мы никогда не узнаем о многих других случаях умственного расстройства, вызванных среди русских страхом оказаться на подозрении в качестве шпиона, врага.

Мартин **Антин**, латышский моряк, который прошел Галлиполи и был дважды ранен на Западном фронте, сражаясь в составе 4 батальона пулеметчиков, внезапно дезертировал, находясь в Англии. Будучи пойман и представ перед судом он заявил: «Я вступил в армию в ноябре 1914 года под именем Фриц

Лепин. Когда я попал во Францию в 1916 году, они все стали звать меня немцем. В январе 1918 года я послал бумаги в Лондон, чтобы было восстановлено мое подлинное имя Мартин Миккел Антин. Изменение моего имени было объявлено перед всем строем, но сослуживцы продолжали называть меня Фриц. Потом я был отравлен во время газовой атаки и вывезен в Англию. ... Я хотел изложить свой случай суду и поэтому я покинул часть». На суде первоначальное обвинение в дезертирстве было снято, и хотя Антин был приговорен к 8 месяцам заключения, 6 месяцев его срока вскоре были сняты «на основании его заявления и вследствие длительного срока его службы».¹⁷

Но в нескольких случаях подозрения приводили к увольнению россиян из армии. Эти случаи были не столь нелепы, как история Марковича, высланного с Галлиполи из-за того, что его фамилия показалась «сомнительной», но русское происхождение несомненно играло здесь важную роль. Среди подозреваемых оказалась Августа **Энберг**, профессиональная медсестра, родившаяся в Финляндии. Когда она вступила в Австралийскую армию, ей было 42 года и она жила со своей сестрой в Сиднее. Она совершила две поездки в качестве медсестры, сопровождавшей военные корабли – в Египет в декабре 1916 – феврале 1917 года и в Англию в мае – октябре 1917 года. Она вернулась в Австралию на «Беналле», где на ее попечении были, среди других, тяжело раненный финский моряк Антон Андерсон и русский фермер Томас Платонов. По возвращении она была уволена из армии по подозрению в том, что она принадлежала к «вражеской национальности».

Джек **Пусс**, плотник из Эстонии, воевал на Западном фронте почти целый год, когда кто-то услышал его слова «У Фрица со мной наверно лучше бы обращались, чем здесь». Кроме того выяснилось, что он знал немецкий язык, т.к. он служил несколько лет на немецких кораблях. Его немедленно уволили из армии без всякого суда и лишили всех причитающихся ему наград.¹⁸ После увольнения он исчезает из австралийских документов, возможно, он покинул Австралию и медали его не волновали. В отличие от него латышский моряк Фредерик Рейнхольд **Рейман** страдал от «увольнения с позором» всю оставшуюся жизнь. После нескольких месяцев на Западном фронте он заболел и был отправлен в Лондон. Здесь его отправили работать в венерический госпиталь. «Будучи чисто плотным солдатом», он просил вернуть его на фронт, только бы не находиться в этом месте, но все было напрасно. Он совершил 4 самоволки и в один прекрасный день услышал приказ «собираться для отправки в Австралию в качестве нежелательного элемента» и был уволен из армии по дисциплинарным причинам. В 1933 году он писал военным властям: «Я страдаю [I have been victimised] на протяжении последних 15 лет... Я прошу вас провести расследование моего дела перед любым военным судом», где он надеялся доказать свое право на достойное увольнение из армии. Военные отказались пересмотреть его случай.¹⁸

Анзак Гарри

Как иностранцы, как чужаки русские в Австралийской армии всегда легко попадали под подозрение, но бурный 1917 год с отречением царя и захватом власти большевиками, за которыми последовал Брест-Литовский мирный договор России с Германией, сделал положение русских особенно уязвимым. И здесь я хочу вновь вернуться к судьбе Хаима Самойловича **Платкина**, театрального импресарио, приехавшего в Австралию с труппой артистов накануне войны. Он развил кипучую деятельность в Австралии, организуя сбор пожертвований на военные цели и способствуя патриотической пропаганде. Он даже пытался

организовать русско-австралийскую часть в составе Австралийской армии. После того, как этот план потерпел неудачу, Платкин решил вступить в армию сам и был направлен в школу унтер-офицеров в Дантроне (в будущей Канберре). Но, рассказывает он, «к тому времени новости о русской революции дошли до Австралии, и стало очевидным, что раньше или позже Россия выйдет из игры. Учащиеся школы унтер-офицеров из-за этого стали меня бойкотировать, и мне пришлось отказаться от учебы там». В составе подкреплений к полевой артиллерии Платкин отправился на фронт рядовым, надеясь, что там он сможет работать в качестве переводчика (он знал восемь языков). «К сожалению, - продолжает он, - к тому времени, когда нас привезли в Англию, Россия заключила сепаратный мир. Мои сослуживцы сочли своим долгом вымещать свое недовольство на мне. Едва ли стоит писать о том, как со мной обращались... Они неизменно обзывали меня русским анархистом, русским шпионом и вообще держали под подозрением». Тот факт, что Платкин был интеллигентом, для которого главным оружием было слово, а не пулемет, подливало масла в огонь. Отзыв командира его батареи бил прямо в точку: «Он абсолютно бесполезен в качестве пулеметчика, будучи и неспособным, и ненадежным». Не только бойцы не доверяли ему. В феврале 1918 года, когда подкрепление Платкина ждало отправки на Западный фронт из Англии, военное министерство в Лондоне было взбурено, обнаружив, что «некоторые австралийские солдаты вступили в контакт с мистером Литвиновым, представителем большевиков в Англии», и что среди этих солдат был Платкин, «жаловавшийся на то, как с ним обращаются в его части». Тут уж забеспокоился штаб Австралийской армии в Лондоне, предположив, что Платкин «получил от Литвинова циркуляры». Этот визит усилил подозрительное отношение австралийцев к Платкину. Я уже говорила, что Платкин иммигрировал в Англию из Белоруссии еще в конце XIX века и ассимилировался больше, чем многие русские анзаки. Он был известен под англизированным именем Эдвард Платт, но в начале войны он почувствовал себя патриотом России и вступил в армию под своим давно забытым именем Хаим Самойлович Платкин, как россиянин. Теперь, доведенный до отчаяния, он вспомнил о своем последнем козыре – о своих этнических корнях: «Узнав о формировании Еврейского батальона и исповедуя иудейскую веру, я, естественно, очень хотел бы, чтобы меня перевели в это подразделение», писал он своему командиру и просил, «чтобы ему дали возможность умереть достойной смертью среди его народа». Командир отнесся к его словам довольно саркастично, но, в конце концов, Платкина уволили из Австралийской армии, с тем, чтобы он вступил в Еврейский батальон.

...Этот рассказ ставит, как кажется, все точки над i. Перед нами – человек, обреченный быть вечным изгоем, отвергнутый анзаками, да и сам разочаровавшийся в Австралийской армии. Мне не удалось найти никаких сведений о его возвращении в Австралию после войны, и часто я думала, как же могла сложиться его жизнь дальше. Неожиданно в архивном досье обнаружилась следующая корреспонденция, появившаяся в одной из аделаидских газет в июне 1948 года:

«В арабском лагере для интернированных Баалбек (Сирия) находится «Анзак Гарри», раненный в Галлиполи во время службы в составе артиллерийского подразделения Австралийской армии. «Анзак Гарри», настоящее имя которого Гарри Платкин, родился в России и приехал в Австралию с цирком Виртса перед первой мировой войной. Насколько мне известно, он натурализовался перед вступлением в Австралийскую армию. Он был демобилизован в Египте, откуда он отправился в Бейрут (Сирия), где он открыл бар «Анзак Гарри» на набережной. Во время второй мировой войны он

пожертвовал 10 тысяч фунтов в фонд Спитфайе. Его бар был первым местом, куда заходили утолить жажду бойцы 7 Дивизии, сражавшейся в Сирии и захватившие Бейрут. Если диггер был на мели, то в «Анзаке Гарри» он всегда мог получить выпивку за счет хозяина... Гарри обвиняют в сионизме... Он на самом деле христианин и не интересуется сионизмом».

Корреспонденция заканчивалась призывом к австралийским ветеранам «обратиться к ливанским властям». Это было сделано незамедлительно, и вскоре офисы премьер-министра, министра иммиграции и министра иностранных дел, а также верховный австралийский комиссар в Лондоне оказались вовлеченными в историю нашего «анзака». Постепенно выяснилось, что он вступил в Австралийскую армию много позже героических боев в Галлиполи, что австралийские власти отказали ему в натурализации в 1917 году (и ему об этом было послано письмо и в Австралии, и позже, когда он поселился в Сирии после первой мировой войны), что он был «владельцем пресловутого питейного заведения, которое имело большой оборот среди британских войск во время последней войны до тех пор, пока британские военные власти не прикрыли его из-за нарушения правил торговли» и т.д., и т.п.⁸⁶

Но только ли о русском еврее без гражданства, выдававшем себя за героического анзака, эта история? Она и об австралийцах, отвергнувших его, о том, что этот человек, от одной мировой войны до другой, пытался, пусть хотя бы в своем воображении, возместить то, от чего они отлучили его. И он готов был даже бесплатно поить молодых солдат за право зваться «Анзаком Гарри». Из лагеря для интернированных его освободили в 1949 году; как сложилась его жизнь дальше – неизвестно.

Исааку Беллу, еврею-часовщику из Сибири, повезло еще меньше, чем Платкину. Будучи на Западном фронте во Франции, он тоже пытался перевестись в Еврейский батальон, жалуюсь: «Со мной всегда плохо обращались в моем батальоне. Они всегда обзывали меня евреем, а разве я виноват в том, что родился евреем... Я жаловался сержант-майору, а он только смеялся мне в лицо... Они всегда воровали у меня вещи при каждом удобном случае. Они просто доводили меня до сумасшествия. Я ношу австралийскую форму и со мной должны обращаться так же, как со всеми остальными». Его действительно довели до предела, ибо на протяжении 1918 года он самовольно покидал свою часть четыре раза, и каждый раз его ловили и возвращали обратно, дважды его уличали в самостреле, трижды он был судим военно-полевым судом. Было очевидно, что ни диггеры не признают его за «своего», ни он сам не станет настоящим бойцом, но каждый раз, вскоре после суда, срок наказания с него снимался, и его снова отправляли в траншеи.² Военной машине не было дела до трагедии одного из своих винтиков.

«Я больше не буду воевать за британцев»

Случай Иосифа Джозефсона, литовского еврея, позволяет взглянуть на плохое обращение с русскими евреями и русскими в целом по-новому. Его тоже довели до дезертирства, но, в отличие от Платкина и Белла, он сражался на фронте в составе своего 1 батальона долгое время. Во время военно-полевого суда он заявил: «Младший командный состав несколько раз доверял мне очень важную работу, я был переводчиком в нашей бригаде, а также занимался разведкой». И действительно, офицер его бригады засвидетельствовал на суде, что «он отлично выполнял свою работу и отличался безукоризненным поведением». Джозефсон был ранен дважды, в Буллекурте и Пашенделе. «Когда меня ранили во второй раз,

- показывал он на суде, - меня отправили в Англию, в это время русское правительство заключило мир [с Германией]. Солдаты в лагере в Англии издевались надо мной из-за того, что я русский». Вернувшись на фронт в свой Первый батальон, он подал заявление на увольнение из армии, но полковник, к которому он обращался, «отнесся к нему без всякого сочувствия». В августе 1918 г. Джозефсон обратился к командиру своего взвода, лейтенанту В. Джонсону, и заявил ему, что «он не может больше идти на передовую, ... поскольку его страна объявила нейтралитет и ему, возможно, придется сражаться против своих собственных родственников». В заявлении суду Джозефсон добавил: «После моего заявления лейтенант Джонсон пригрозил мне, что он меня расстреляет, если я не пойду в окопы, мои товарищи (“mates”) сказали мне, что это он берет меня на пушку. Когда полковник отказался представить мое заявление командиру бригады, я счел, что имею все основания не идти в окопы. Мои товарищи тоже советовали мне так поступить. И я покинул батальон». Джозефсона приговорили к 18 месяцам тюремного заключения с тяжелым трудом, но уже через несколько недель наказание было временно прекращено и Джозефсона вернули в Австралию с формулировкой «для увольнения (по другим причинам)».² В истории Джозефсона очень любопытна разница в отношении к нему солдат в лагере в Англии, которые вместе с ним не воевали, и его боевых товарищей из батальона, которые поддерживали его в борьбе за увольнение после выхода России из войны. Нечто подобное испытал и Фавст **Леонкевич** – его сын вспоминает: «Он всегда говорил, какими чудесными людьми были наши ребята в армии, солдаты, обычные солдаты. Он так считал, потому что, когда в России произошла революция, никто не говорил с ним об этом, и он думал, что это было просто замечательно».³ Не колоть глаза товарищу тем, за что он не может нести ответственности – оказывается это так много, что и сейчас, 86 лет спустя, его сын не может без волнения говорить об этом... Эти случаи подтверждают тенденцию, которую мы уже заметили: русские, несмотря на все свои особенности, становились частью австралийского боевого братства (“mateship”), но это не происходило само по себе, они должны были завоевать это доверие, сражаясь бок о бок со своими австралийскими товарищами.

Менялось и отношение австралийских властей к русским, пытавшимся уволиться из армии. Первоначально, до захвата власти большевиками в октябре 1917 года, австралийцы легко согласились на перевод нескольких русских специалистов в Русский правительственный комитет в Лондоне, созданный с целью закупки военных материалов для России. Среди них было трое галлиполийских ветеранов – Францис **Дерамер**, строительный инженер, получивший образование в Петербурге, Джордж **Плотников**, гражданский инженер из Сибири, и Джордж **Васильев**, который при вступлении в Австралийскую армию указал свою специальность как слесарь, но в России служил в составе подразделения Сибирских инженеров и тоже, вероятно, был инженером. Переведен был также Антоний **Жук**, клерк из Самарканда, раненный на Западном фронте во время февральского наступления 1917 года. Друг Васильева Андрей **Жабинский**, тоже инженер, тяжело заболел на Западном фронте, был уволен в Лондоне одновременно с Васильевым и, вероятно, тоже был принят в комитет. Позже он работал на оборонных предприятиях в Лондоне. Он и Плотников вернулись в Австралию. Лейтенант Стенли **Джонсон**, англичанин, родившийся в Петербурге, в течение нескольких месяцев 1917-1918 гг. тоже находился на временной службе в Русском комитете. Увольнялись русские из армии и другими путями. Николай **Моторин**, моряк из Смоленска, получивший ранение во время боев у Соммы, был уволен из Австралийской армии для

устройства на работу в русском посольстве в Лондоне. Любопытно, что в переписку об этом переводе оказались вовлеченными высокопоставленные лица – генерал-лейтенант сэр Бирвуд, командующий Первым корпусом Анзаков во Франции, и Константин Набоков, поверенный в делах русского посольства, дядя будущего писателя Владимира Набокова.

Но и те русские анзаки, за которых русские власти в Лондоне не хлопотали, первоначально не преследовались за стремление уволиться из австралийской армии. Например, Оскар **Юрак** из Риги в апреле 1917 г. писал в связи со своей просьбой об увольнении: «Я вступил в армию в Австралии после того, как русский консул в Сиднее уверил меня, что меня переведут в русскую армию по прибытии в Европу». Получив отказ, он возражал: «Я считаю, ... что на поле боя каждый солдат должен быть среди своего собственного народа», и заявлял: «в составе Австралийской армии я воевать не буду». К нему не было применено никаких дисциплинарных мер и в сентябре 1917 г. его просто отправили обратно в Австралию.⁵ Подобным же образом в мае 1917 г. власти одобрили перевод Устина Гловацкого в русскую армию во Франции. Впрочем, он в эту русскую армию так и не попал, а, прослужив год в Лондоне денщиком у австралийских офицеров, снова оказался на Западном фронте.

После октября 1917 г., и особенно после выхода России из войны, стремление россиян получить увольнение из Австралийской армии возросло. Проявляли они это по-разному. Самым нелепым и трагическим был открытый протест **Пермякова**, о расстреле которого австралийцами в июне 1918 г. мы уже рассказывали. Когда в конце 1917 года, еще до дезертирства, он обратился с просьбой о переводе в русскую армию, его не только непустили, но и судили военно-полевым судом. Еще несколько человек тоже отказались идти в окопы. Вильям **Брант**, эстонский моряк из 5 батальона, уже получивший на фронте два ранения, был обвинен в дезертирстве почти одновременно с Пермяковым. На суде он заявил, что записаться в армию его заставил русский консул и что «теперь, когда Россия подписала мир, он хочет уволиться из армии». Его приговорили к пяти годам каторги. Командир его батальона, направляя материалы суда на утверждение в штаб, сделал приписку: «В отношении Бранта я считаю, что 5-летний срок каторжных работ должен быть приведен в действие. Он еще раньше просил об увольнении на том основании, что он не натурализованный британский подданный, а русский, и поскольку территория, где находится его дом, сейчас оккупирована Германией, он хочет разыскать своих родных».⁶ Подобным же образом Андрей **Снеговой**, шофер из Одессы, который тоже получил на западном фронте два ранения и был снова отправлен в окопы, покинул свой 49 батальон 12 сентября 1918 года, был обвинен в дезертирстве и тоже приговорен к пяти годам каторги. Он тоже, перед тем как дезертировать, безуспешно просил командование уволить его, так как его семья в России нуждалась в помощи.⁷ Дезертирство Эдварда **Яншевского** произошло 4 мая 1918, поводом послужил алкоголь: «Я человек нервный и выпивка на меня подействовала. Что было дальше, я не помню». Но на суде он сообщил более глубокую причину: «Я хочу быть уволенным и вернуться в свою страну. Я русский. Моя мать и четыре сестры нуждаются в моей помощи. Армии от меня нет никакой пользы». Он тоже получил пять лет каторги.⁸

Похоже, что только двое русских – Иван **Вагин**, борец за права рабочих из владимирского села Войново, и Григорий **Смагин** из Сибири – сумели заставить военных выслушать их аргументы. Вместо того чтобы дезертировать, они явились к своим командирам 29 июля 1918 г. Они оба служили в 4 дивизии, хоть и в разных подразделениях, и, вполне возможно, скоординировали свои действия. Вагин из 49 батальона заявил командиру, что он отказывается становиться в

построение до тех пор, пока его заявление на увольнение из армии, поданное четыре месяца назад, не будет рассмотрено. «Заявления рядового солдата всегда застревают. Несмотря на правила, у него нет никаких прав», объяснял он позже военно-полевому суду, и тут не забывая защищать права простого человека. После отказа идти в строй его сразу же арестовали; представ перед судом, он заявил: «Я вступил в австралийскую армию, потому что между правительствами моей страны и Британии был заключен договор, согласно которому я, как русский подданный, должен был записаться на действительную службу. Теперь, когда мое правительство больше не воюет, я хочу быть отчисленным из Австралийской армии... Мой брат был убит на русском фронте, моя жена умерла в России, оставив ребенка с моими родителями; им уже за семьдесят и они сами нуждаются в помощи... Настоящее положение таково: я не могу им помогать, я не могу получить помощи ни от Австралии, ни от России, и я не могу уволиться из армии, чтобы помогать им самому».⁹

Смагин, который сражался с 15 батальоном в Галлиполи, а затем, в качестве пулеметчика, безукоризненно служил в колонне доставки боеприпасов 4 дивизии, представ перед командиром, заявил: «Британцы воюют с Россией. Я больше не буду воевать за британцев. Смагин больше не солдат». На допросах он показал, что его жена в Красноярске не получает пособия ни от австралийского, ни от русского правительства и прибавил «Я считаю, что я должен быть уволен из армии, учитывая обстоятельства, при которых Россия заключила мир с Германией. Насколько я знаю, британцы в русской армии были также уволены». Смагина поместили под строгий арест, а командование его части тем временем запресило штаб дивизии о том, как поступать с такими протестами.

Выяснилось, что еще 1 мая 1918 г. Штаб 4 Армии выпустил секретный циркуляр, который гласил, «что в некоторых частях служит определенное число лиц русской национальности, чья преданность Британии находится под сомнением. О таких случаях следует сообщать в штаб, который выдаст дальнейшие инструкции». 15 августа 1918 г. штаб разослал объяснение, что общей политики в отношении лиц русской национальности, служащих в Австралийской армии, не существует, и каждый случай должен рассматриваться индивидуально, исходя из обстоятельств».¹⁰

Тем не менее, командование начало вырабатывать какие-то общие установки в отношении русских. Уже в конце августа Смагин без всякого суда был отправлен в Англию для возвращения в Австралию. Его случай вызвал цепную реакцию. Месяц спустя еще четверо русских из артиллерийских подразделений 4 дивизии были отправлены в Австралию с целью увольнения «вследствие русской национальности». К ним были добавлены еще пять человек из других частей, которых отправляли в Австралию с той же формулировкой или «по другим причинам», «по семейным причинам». Среди них были Иван Вагин, которого уже успели приговорить к шести месяцам тюремного заключения с тяжелым трудом, Михаил **Осипов**, самострел, Алексей **Казakov**, которого уже судили за отказ быть пулеметчиком, и Устин **Гловацкий**, который, находясь на Западном фронте, сделал новую попытку покинуть Австралийскую армию. Он оставил свой 49 батальон и отправился в Париж, чтобы обратиться там к русскому консулу. Когда он вернулся в батальон, к нему не было принято дисциплинарных мер, но он был отправлен в Австралию «по семейным обстоятельствам» (он действительно беспокоился о том, что после смерти его родителей на нем лежит ответственность о его младших брате и сестре и их собственности). Его отправили назад вместе со Смагиным, с которым они по странному совпадению три года назад вместе отправились в Галлиполи.

Но среди уволенных «вследствие русской национальности» было несколько человек, не просивших об этом и не замеченных в большевистских симпатиях – Джон Сивежинский (**Сивчинский**), награжденный бельгийским Военным крестом, Николай **Коротков**, Устин **Гуляев**, Джордж **Секачов** (все из артиллерийских подразделений), а также Ричард **Григоренко** из 14 полевого госпиталя. Эта выборка русских, подогретая страхом перед большевиками, кажется довольно произвольной. Почти все они были из 4 дивизии (артиллерийское подразделение в ней, в котором служил Смагин, было очищено от русских полностью), в то время как командиры других дивизий даже и не пытались отсеивать своих русских. В то время как эти «счастливчики» плыли в Австралию, иногда даже без просьбы с их стороны, несколько других россиян, упомянутых выше, – Брант, Снеговой, Яншевский, – пытавшихся получить увольнение, продолжали отбывать свои каторжные пятилетние сроки. О них вспомнили только в 1919 году. К этому времени военные могли уже позволить себе роскошь прощения. Русские, подвергшиеся «чистке», никогда об этом не упоминали, но никогда не забывали об этом. Устин **Гловацкий**, после возвращения в Австралию, сделал несколько попыток получить «почетное увольнение из армии», потому что, как писала в его поддержку организация ветеранов, «в некоторых умах ссылка на то, что он был уволен вследствие тето 109557 от 28.11.1918 могут породить подозрение о том, что его служба не была безупречной».¹¹ Гловацкий так никогда и не получил «почетного» увольнения.

Домой!.. Домой?

Итак, война была окончена и русские анзаки покидали Европу вместе с Австралийской армией, но 121 среди них остались покоиться в ее земле навечно – 86 во Франции, 34 в Бельгии, 1 в Германии, похороненные на более чем 50 кладбищах в отдельных или братских могилах. Имена тех, чьи тела не были обнаружены, выбиты на стенах военных мемориалов – 38 в Вилер-Бретонне во Франции и 16 в Ипре (Менин Гейт) в Бельгии. Хотя почти никто из этих павших не имеет родственников, которые ухаживали бы за могилами, за ними следит Комиссия военных могил стран Содружества, чего нельзя сказать о миллионах могил их собратьев, воевавших на русском фронте, от захоронений которых не осталось и следа.

...Воспоминания моего детства переносят меня в залитый солнцем лес на севере Беларуси, где-то близ озера Нарочь, где я наткнулась на поваленные кресты с готической вязью. Это были могилы немцев времен первой мировой войны. Я все еще помню свое удивление – неужели эта война, которая для меня как бы и не существовала, в действительности прошла тут, воплотившись в эти ржавые кресты...

Да, Австралия заботилась о своих павших. В марте 1919 несколько русских анзаков – Николай **Лагутин**, Оскар **Фарм** и Вайна **Тамппинен** – были включены в Австралийское подразделение регистрации могил, в чьи задачи входило перенесение останков павших из изолированных могил на более крупные кладбища.

В то время как большая часть войск покидала Францию, несколько русских еще не были готовы сложить оружие и предпочли принять участие в еще не завершенных конфликтах. Главным из них была гражданская война, разгоравшаяся на территории России. И снова Россия позвала своих сыновей. Павел **Кирвалидзе** писал: «После окончания войны, когда я находился со своим подразделением в Бельгии, британские военные власти набирали добровольцев

для посылки во вспомогательные силы в Архангельске, и я вызвался отправиться туда. Меня послали в Лондон, там в штабе Австралийской армии меня уволили, и в тот же день я вступил в Миддлсекский полк, из которого меня взяли в отдел разведки в военном министерстве и направили в Россию с Британской военной миссией, где я оставался до августа 1920 г.» Он служил переводчиком в Южной России, затем присоединился к «Американской миссии помощи в охваченных голодом районах России... После ликвидации голода я остался в России и открыл свой собственный бизнес вместе с майором Ф.Колласом, но в августе 1923 г. мы оба были арестованы и меня обвинили в том, что я британский шпион и контрреволюционер... Чека приговорила меня к смерти, но, благодаря защите британских представителей, меня освободили и выслали в Константинополь в марте 1924 г.»¹²

Еще пятеро русских вступили в Миддлсекский полк преимущественно как переводчики и служили в Экспедиционном корпусе на севере России. Это были Алекс **Александров**, повар из Владивостока, Роберт **Меерин** и Антоний **Минкшлин**, моряки из Прибалтики, Иван **Одлив**, котельщик из Нижнего Новгорода, и 19-летний шахтер Павел **Смирнов** из Вологды. Ричард **Григоренко** тоже хотел присоединиться, но потом передумал и вернулся в Австралию. Летом 1919 г. они прибыли в Архангельск и воевали против пробольшевистских войск в этом районе до окончательной эвакуации войск союзников годом позже. Минкшлин за эту кампанию был награжден Медалью за выдающуюся службу.

Судьба Елиазара **Марголина** привела его обратно в Палестину. В конце 1917 г., когда Марголин был в Лондонском госпитале с травмой, планы создания Британского еврейского полка стали реальностью. Сионский корпус погонщиков мулов, который включал много русских евреев и воевал вместе с анзаками в Галлиполи как часть Корпуса анзаков, стал основой Еврейского полка, сформированного в составе Британской армии. Он состоял из трех батальонов королевских фузилеров. Марголин принял командование 39 батальоном королевских фузилеров, который включал еврейских добровольцев из Америки и евреев-иммигрантов из России. Батальон Марголина был послан в Египет в апреле 1918 г. В сентябре 1918 г. батальон присоединился к кавалерии анзаков во время наступления на северную Палестину. После заключения мира Марголин остался в Палестине. В 1919 г. он организовал и возглавил Первый еврейский батальон Иудеи, который оставался частью Британской армии. Марголин пользовался в Палестине большой популярностью и вскоре был назначен губернатором Иерусалима. Во время арабского восстания Марголин со своим батальоном пытался предотвратить еврейские погромы. Он сделал это без санкции британских властей и чуть не попал под трибунал, но, разобравшись в чем дело, англичане дали ему почетное увольнение из армии и приказали покинуть страну. Он вернулся в Австралию.¹³

Еще одно военное подразделение, сформированное по этническому принципу, тоже имело русско-австралийские связи. Это была Польская армия во Франции, сформированная в 1917 г. преимущественно из американских и канадских поляков-добровольцев, стремящихся создать свободную Польшу после победы союзников в войне. Мне не удалось найти русских поляков в составе Австралийской армии, которые бы подавали заявления о переводе их в Польскую армию, но Сигизмунд **Ромашкевич** сообщает интересные факты, касающиеся попытки набрать добровольцев для этого полка в Австралии. Когда, после ранения на Ипре, он поправлялся в Англии в начале 1918 г., он «получил приглашение... от представителя Польского национального комитета в Англии графа В. Собаньского и представителя Польской военной миссии лейтенанта Я.Х. Де-Розена приехать в Лондон для обсуждения возможностей набора поляков в

Австралии и Новой Зеландии для Польской армии во Франции». По возвращению в Австралию в октябре 1918 г. Ромашкевич набрал 44 человека, но должен был распустить их, «так как война закончилась, и у него не было возможности послать их во Францию или в Польшу».¹⁴

С окончанием войны возникли проблемы с переброской военнослужащих в Австралию. Николай **Степанов** писал своему отцу в Брисбен: «Австралийские части ждут демобилизации, но у английского правительства не хватает транспортных кораблей. Возможно пройдет долгое время, прежде чем я вернусь домой. Посоветуй мне, что делать – попросить их, чтобы меня демобилизовали здесь, и отсюда отправиться в Россию или вернуться в Австралию и отправиться домой вместе. Меня могут демобилизовать, если я выдвину для этого уважительную причину».⁸⁷ Николай, приехавший с родителями в Австралию в 17 лет, называет домом обе страны – Россию и Австралию. Для некоторых русских анзаков Россия действительно все еще была домом, чаще всего это были люди, у которых там оставались семьи. Один из них был Григорий **Матренин**, один из трех крестьян из села Красное в Симбирской губернии, за судьбой которых мы следили на протяжении всей войны. Поправившись от ранений, полученных в Буллекурте в мае 1917, он попал в приют для слепых солдат, где его обучили птицеводству и плетению корзин. Он попросил уволить его из армии в мае 1920 г., объясняя, что он хотел бы отправиться в Россию, чтобы найти свою жену и двоих детей, «о судьбе которых он уже давно ничего не знает».² Мне пока не удалось выяснить, смог ли этот слепой израненный человек пересечь всю Россию, захлестнутую гражданской войной, добраться до своего села и рассказать семьям своих друзей **Силантьева** и **Волкова** об их судьбе (Силантьев был тяжело ранен и отправлен в Австралию, а Волков убит еще в начале войны).

Несколько человек вернулись на свою родину в Финляндию, несколько – в свободную Латвию и Эстонию. Среди них был Францис **Дерамер**, строительный инженер, получивший образование в Петербурге, который, после увольнения из Австралийской армии, служил в Русском правительственном комитете в Лондоне. В целом количество тех, кто вернулся на родину, исчисляется единицами, и этот факт заслуживает внимания, т.к. среди анзаков было много россиян, которых еще нельзя было назвать настоящими австралийскими иммигрантами. Они оказались в Австралии накануне войны по разным причинам – одни бежали из царской России как политэмигранты, другие приехали на заработки, третьи застряли здесь как моряки. Что же заставило их отказаться от возвращения на родину, которая была теперь так близко от них, и выбрать «репатриацию» в далекую Австралию? Конечно, одной из причин этого была гражданская война, голод, перспектива большевистского режима в России. В Австралии же им обещали льготы – пенсии раненым, помощь в профессиональном образовании и трудоустройстве.

Но была и другая причина – их опыт службы в Австралийской армии. К концу войны многие из них, как и их австралийские товарищи, были опьянены чувством боевого братства со своими однополчанами. Более того, теперь они заслужили право считаться сыновьями Австралии, страны, куда многие из них попали просто по прихоти судьбы, и они гордились этим. Например, Паул **Финн**, которого власти отказались натурализовать перед вступлением в армию, после возвращения в Австралию снова подал документы на натурализацию. Когда начались обычные бюрократические задержки, он с негодованием написал чиновникам: «Я был ранен три раза, я проливал кровь и страдал за Австралию, и я все еще болен». И его незамедлительно натурализовали.³ Иосиф **Вурхафт** подал заявку на натурализацию в 1918 г., находясь в госпитале. Когда у него попросили предоставить свидетельство о рождении, он взорвался: «Я потерял все, когда меня

ранило на фронте... Я добровольно служил этой стране и, кроме того, что мне ампутировали руку, я все еще испытываю последствия шока нервной системы. Я не вижу никаких оснований для того, чтобы вы затыгивали натурализацию и продолжали дергать меня».⁴ Так с всевластными чиновниками мало кто осмеливался разговаривать, но Иосифа тоже немедленно натурализовали.

И, наконец, появилась еще одна причина, удерживавшая их от возвращения в Россию – женщины, которые готовы были разделить с ними все тяготы и помочь им начать строить новую жизнь. Те россияне, у которых при вступлении в армию не было родственников, взамен обычно называли своих австралийских знакомых и друзей, и чаще всего это были женщины. Иногда это были их подружки, иногда – де-факто жены, иногда – хозяйки, у которых они снимали жилье. Арабелла Роузвээр писала о том, что Джон Вильям **Бланкенберг** «во время увольнительных всегда бывал у нас как дома». Георгий **Малышев** «был близким другом семьи миссис Э. Хаммерсли и, отправляясь на фронт, он обещал так оформить документы, чтобы в случае его смерти ее дочери получили то, что ему причитается». Они посылали ему посылки и письма, пока он не пал в битве за Хазебрук в 1918 г. Дочь Александра **Майка** (его белорусскую фамилию Майко при вступлении в армию превратили в Mike) помнит, как «папа часто ездил к своим старым друзьям в Сидней – это были люди, с которыми он переписывался во время войны. Там были миссис Скотт и ее дочь Фэй, которые посылали ему вязанные носки».⁵

Так же как и их австралийские товарищи, русские хотели начать мирную жизнь как можно скорее, и, еще находясь в Англии, они обнаружили, что для англичанок они не были людьми второго сорта. Около сорока русских анзаков женились в Англии, еще до возвращения в Австралию, а четверо выбрали своих невест во Франции – с обеих сторон это была своеобразная реакция на долгую разрушительную войну. Молодые англичанки, ирландки и француженки, чье замужество нельзя объяснить лишь демографическими факторами, после короткого знакомства выходили замуж за русских чужестранцев, у которых не было ни дома, ни профессии (более половины из них были разнорабочими и матросами), ни британского подданства. И вскоре, часто с новорожденными детьми, отправлялись со своими мужьями на военных кораблях, специально переоборудованных для перевозки семей, в неведомый путь. Как написала молодая англичанка Этель, ставшая женой Иосифа **Клешенко**: «Я одинока, и меня тут ничего не держит».⁶

Первые браки состоялись еще до конца войны. Например, Юлиус **Беерн**, латышский моряк, оказался в лондонском госпитале после ранения во время высадки в Галлиполи. За время поправки он женился, и вскоре опять вернулся в окопы Галлиполи. Он был тяжело ранен на Западном фронте и попал в лондонские госпитали второй раз, где вновь ненадолго встретил свою жену, а затем был отправлен в Австралию. Он умер год спустя в мельбурнском госпитале, до последней минуты надеясь, что он сможет вернуться в Лондон и привезти в Австралию свою жену. Она умерла через несколько недель после него, оставив новорожденного сына...

Во время войны знакомства английских девушек с русскими анзаками обычно происходили в госпиталях. Сын Устина **Гуляева** рассказывает, как познакомились его родители: «Мой отец был ранен, и его отправили в Англию, а моя мать перевозила его на скорой помощи, она только что вышла из монастыря... Так они и встретились».⁷ Вскоре они поженились – как раз в тот момент, когда Устина увольняли из армии «вследствие русской национальности». Джон **Иванов**, раненый в Буллекурте, тоже познакомился со своей будущей женой в госпитале; через два месяца они поженились. Выходя замуж за солдат во время

войны, часто накануне их отправки в окопы, эти женщины могли только молиться о том, чтобы их мужья вернулись живыми. Джон Иванов и Джон **Костин** были ранены дважды после вступления в брак; а ранения Вальтера **Берова** уложили его на больничную койку на девять месяцев. Похожая судьба была и у Федора **Усова**. Он познакомился со своей будущей женой, официанткой в гостинице, во время пребывания в депо, ожидая отправки на фронт. Через несколько месяцев он получил специальный отпуск и съездил в Англию, чтобы жениться, а через полгода вернулся к ней, весь израненный. И жены принимали их, несмотря ни на что. Ялмар **Карху**, который был ранен, попал в плен под Буллекуртом и лишился ноги, еще до конца войны был репатриирован в Англию из лагеря в Германии, вскоре он нашел себе жену, которая оставалась верной ему до конца жизни.

Истории тех, кто женился после окончания войны, были не столь драматичны, но всех их ждали испытания мирного времени. Дочь Вильяма **Деонка** рассказывает: «Фамилия моей матери была Спинкс. У них был большой бильярд, и отец приходил к ним с другими австралийскими солдатами играть. Так они и встретились, это все, что я об этом знаю»⁸. Когда Деонк привез свою молодую жену в Австралию, ей прежде всего пришлось идти в полицейский участок и регистрироваться как чужестранке, поскольку ее муж не успел натурализоваться в Австралии... Но это все будет впереди, пока же они просто счастливы, и военные транспорты один за другим отправляются в Австралию с семьями русских анзаков. Когда, в конце 1919 г., дошла очередь до семьи Петера Джона **Поттера** (несмотря на английское имя, это был русский из Самары), у него уже было двое детей; у Пола **Бевольского** было двое пасынков и его собственный сын на подходе. На удивление многие из этих спешно совершенных браков оказались прочными.

Но история инженера Ивана **Овчаренко**, сохранившаяся в материалах военно-полевого суда над ним, показывает, какие трудности выпадали на долю некоторых из них. Обвиненный в том, что он не вернулся в срок из отпуска в Англию, Овчаренко показывал на суде: «Я женился на английской девушке 5 июня 1917 г., с согласия ее родителей. Но потом они ополчились на меня, и когда я приехал в отпуск с фронта, они отказались сообщить мне, где находится моя жена». Еще до этого, на фронте, Овчаренко получал «письма, подписанные женой, в которых сообщалось, что она не хочет больше иметь со мной дела. Эти письма так на меня действовали, что я пытался покончить с собой, но меня удержал командир моей части, отпустивший меня в отпуск, чтобы я сам съездил и разобрался, в чем там дело... Меня так ошеломило отношение со стороны родителей жены, ... что я уже не соображал, что я делаю». Он подозревал, что всему виной было его русское происхождение. Он лежал в госпитале, когда Клара, его жена, сама разыскала его, и они выяснили, что ее письма были подделаны родственниками. Суд отнесся к Овчаренко очень снисходительно, удержав лишь его двухнедельное жалование. Вскоре у Клары родился ребенок, но счастливого конца у этой истории не получилось, она не поехала с мужем в Австралию, а потом отказалась от бесплатного билета, который он организовал для нее уже из Австралии⁹. К счастью, позже он женился на австралийке и имел большую семью.

К концу 1920 г. почти все русские анзаки были отправлены из Англии в Австралию. Последними уезжали семейные, ожидавшие места на специальных кораблях.

Часть 3. Жизнь

«Подозревается в большевизме»

В апреле 1919 г. «Сидней морнинг хералд» сообщала: «Вчера проводилось расследование по делу о смерти Петера **Чирвина**, 26 лет, уроженца России и служащего Австралийской армии, который был найден повесившимся на военном корабле «Анчизес» 16 апреля в то время, когда судно находилось в карантине. Есть свидетельства того, что покойный находился в подавленном состоянии и жаловался на то, что его «дразнят, потому что он русский». Рядовой Джеймс Робертс сказал, что покойный был одержим идеей, что большевистское движение в Квинсленде имеет большую силу, и он боялся того, что может случиться с ним после высадки вследствие большевизма. Он думал, что на него будут смотреть как на немецкого шпиона». Во время расследования Робертс расставил, как кажется, точки над *i*: на протяжении всего плавания Чирвин «был веселым и с нетерпением ожидал возвращения в Квинсленд». Его поведение изменилось после прибытия в Австралию: «Прочитав о большевистском движении в Брисбене, похоже, он стал бояться того, что могут сделать большевики после его высадки в Брисбене. Вероятно, он помешался в последние несколько дней и был, очевидно, во власти ложного представления о том, что его считают немецким шпионом». На борту «Анчизес» были люди, которые знали, что акценты в этих показаниях были смещены: Чирвин боялся не квислендских большевиков, а своих собственных сослуживцев на борту корабля. Он отслужил в Австралийской армии четыре года, от Галлиполи до Франции, был дважды ранен и получил Военную медаль за мужество, которое он проявил, вынося с поля боя раненых около Сен-Квентина. За день до смерти он обратился к лейтенант-полковнику Дж. С. Дентону, который показывал: «Он сказал мне, что его оскорбляли из-за его национальности. Он русский, и товарищи обзывали его «болши» [т.е. большевик. – Е.Г.]. Я попытался выяснить у него имена обидчиков, но он отказался предоставить мне эту информацию. Он служил у меня в 49 батальоне, и его поведение всегда было образцовым». Чирвин, когда его положили в корабельный госпиталь, говорил и хирургу Л.У. Бонду, что «его товарищи издеваются над ним из-за его русского происхождения». И Дентон, и Бонд знали, что он был на грани самоубийства, но не приняли надлежащих мер. Ночью Чирвин повесился.

Во Владивостоке осталась его мать, вдова-крестьянка. В 1916 г., когда его батальон отправлялся из Египта во Францию, он писал ей: «Прошу тебя еще раз, не волнуйся обо мне, я верю, что мы обязательно увидимся». Его мать долго не могла смириться с его смертью, на протяжении 1920-х годов, несмотря на железный занавес, она изыскивала способы, чтобы связаться с австралийскими властями. Она хотела получить личные вещи сына и выяснить, отчего он умер. Единственное, что она получила, были его медали и немного причитавшихся ему денег. Что же касается расследования смерти Чирвина, коронер признал, что это было самоубийство, «обидчиков» Чирвина никто не пытался найти. Вскоре они, торжествующие победители, разъехались по домам к своим родным и любимым. Чирвина похоронили на Карантинном кладбище, на Северном мысу у входа в Сиднейскую гавань.¹⁰

Событие, послужившее причиной ненависти, испытанной Чирвиным, были знаменитые «бунты красного флага», которые охватили Брисбен 23 марта 1919 г. В этот день несколько сот русских, вместе с другими австралийскими радикалами, прошли по центру города под запрещенными красными флагами, требуя репатриации русских на родину, отмены Закона о военных

предосторожностях и прекращения интервенции иностранных государств в Россию. Надо сказать, что к этому времени тысячи русских, остававшихся в Австралии, оказались в отчаянном положении: им отказывали в натурализации и не принимали на работу, в то же время австралийские власти запретили выезд русских из Австралии в Россию, опасаясь, что они примкнут там к большевикам. В ответ на демонстрацию русских под красными флагами лоялистские силы в Брисбене, преимущественно вернувшиеся с войны диггеры, на следующий день учинили погром в центре русской колонии в южной части Брисбена, на улице Меривейл, где располагалась Русская ассоциация. Согласно донесениям австралийской полиции, дом, где квартировали русские, – это был дом **Степановых**, – «стал центром нападения 24 марта 1919 г., когда ветераны, вернувшиеся с войны, и другие лоялисты напали на русских на этой улице, и полиция с ружьями и штыками пыталась защитить дом Степановых от разрушения возбужденной толпой»¹¹. Как раз в это время сын Степановых Николай перевозил раненых австралийских солдат из Франции в Англию, служа в Австралийской армии шофером. Австралийский историк Раймон Эванс, который посвятил целую книгу «бунтам красного флага», добавляет: «толпа лоялистов разгромила фруктовый магазин и ресторан на улице Стенли, который принадлежал русскому, Джону Шуинпову». По иронии судьбы, **Шуюпов** (это его не исковерканное имя), пытался вступить в Австралийскую армию в начале 1916 г., несмотря на то, что был семейным человеком, но был отвергнут по медицинским причинам. Он отнюдь не был радикалом и принадлежал к либеральному крылу русской общины, находившейся на ножах с экстремистами, возглавляемыми Петром **Симоновым**, консулом, назначенным советским правительством, но так и не признанным австралийскими властями.¹²

За этими событиями последовали аресты, тюремное заключение и депортация нескольких участников демонстрации; одновременно началось массовое ущемление прав русских – увольнение их с работы, бойкот их предприятий, избиения и унижения¹³. Теперь общественное мнение Австралии поставило русскую общину здесь и организаторов большевистского переворота в России на одну доску. Достаточно процитировать нескольких ораторов на лоялистском митинге, который произошел вскоре после погрома на улице Меривейл: «Вопрос теперь стоит так – кто будет управлять Австралией: австралийцы или эти грязные, засаленные русские» (сержант Бачанан); «Если мы вышвырнем всех иностранцев из Квинсленда, ни одному австралийскому ветерану не придется слоняться по улицам в поисках работы» (капрал Торп). Бригадир-генерал С.Браун сравнил большевизм с пресловутым австралийским сорняком – кактусом-опунцией, но он, надо отдать ему должное, был единственным, кто провел различие между «русскими преступниками» (т.е. большевиками) и «хорошими русскими, которые приехали сюда лет 30 назад, поселились в Валлумбилле, и выполнили свой гражданский долг в этой войне». Даже русский ветеран Альфред **Маркович**, который, как мы уже знаем, был арестован в Галлиполи по подозрению в шпионаже и уволен из армии, выступал на этом митинге в защиту лоялистов.¹⁴

Австралийские военные видели угрозу большевистской пропаганды и там, где она была, и там, где ее не было. Под подозрение попали даже двое русских анзаков, которые отправились с британскими войсками в Россию на борьбу с «красными». Один из них, Роберт **Меерин**, был охарактеризован его командиром в марте 1919 г. как «в целом хороший солдат, но с большевистскими наклонностями»¹⁵. Другой, Алекс **Александров**, попал под подозрение, когда он возвращался из Англии в Австралию в январе 1920 г., после службы на севере России. Командующий на корабле сообщал, что он «вызывал во время пути много

неприятностей», и что «он большевик». Австралийские силы безопасности хотели обыскать его багаж и установить за ним слежку по прибытии в Австралию, но, пока происходил обмен письмами, Александров благополучно сошел на берег и затерялся на дорогах Австралии. Он работал поваром и больше не попадал в поле зрения австралийских спецслужб. В 1941 г., в заявлении на натурализацию, он писал: «Я не могу не быть преданным этой стране, в которой я прожил почти 30 лет».¹⁶

Но некоторые русские, вернувшиеся в Австралию с Западного фронта, действительно хотели перемен в обществе. В мае 1918 г. цензура перехватила письмо Петра **Кузмина**, адресованное его родственнику в Сибири. Кузмин, будучи тяжело ранен в 1917 г. был оставлен на службе в депо в Англии и имел возможность наблюдать окружающую его английскую жизнь. Он писал: «Здесь в Англии у них буржуазное правительство, а это похуже монархии. Богатые смотрят на бедных так, как будто они скот. Бедняки чуть не умирают с голоду. В России рабочие живут в своих собственных домах, а в Англии у рабочего класса ничего нет... Я просил о переводе в русскую армию, но мне даже не ответили. Мне говорят, что я принял присягу королю Георгу V и должен служить до конца войны, а я готов послать его туда же, куда русские солдаты послали царя. У меня тут много хороших друзей, которые знают, почему эта война все не кончается, но они боятся говорить. Но если война затянется еще на один-два года, здесь произойдет то же, что в России, и люди выступят против капиталистов, поняв, что именно они, а не немцы, их враги». Такие настроения, а особенно наличие «хороших друзей» – радикалов в Австралийской армии, испугали военных, и Кузмина в срочном порядке отправили в Австралию.¹⁷

Письмо Ивана **Вагина** (на фото слева), написанное им на борту корабля в феврале 1919 г. по пути в Австралию, тоже было перехвачено цензурой. В нем Вагин писал: «Английское правительство прекратило почтовые сношения с Россией, это касается и нас, солдат. Конечно, это несправедливо, но что ты сделаешь с этими ослами, англичанами? Это идиоты похуже негров, а их правительство, возглавляемое Ллойд Джорджем, пойдет дальше, чем покойные Романовы. Слава Всевышнему, что война наконец-то окончена и теперь все мы сможем свести с ним счеты дома».¹⁸ Симпатии Вагина были на стороне радикального крыла русской общины – до войны он был секретарем отделения Союза российских рабочих в Маунт Моргане. Несмотря на это, он честно служил в Австралийской армии. После возвращения в Австралию он попал на заметку властей как член «комитета бдительности большевиков». Он даже стоял в списке тех, кого собирались депортировать в 1919 г. Любопытно, что его натурализовали в 1922 г. без всяких проблем; возможно, местный полицейский в Мария Крик (в северном Квинсленде), где у него была ферма, не знал о политических симпатиях Вагина. Расплата настигла его позже. Его дети рассказывают: «Он вел дневник. У него было два дневника в кожаных переплетах, там были еще записи со времен войны. Федеральная полиция конфисковала их в конце 1950-х годов, это было в Экибине [Брисбен]. Вы знаете, что это было за время – «красные под кроватью» и все такое прочее; это было ужасное время... Мы тут в Австралии пережили очень плохие времена, потому что даже если ты был потомком русских, к тебе плохо относились, если ты об этом говорил. Но эти времена кончились, и это замечательно». Досье на Вагина в АСИО содержит лишь упоминание о нем, как о «безобидном» коммунисте. Дневники, к сожалению, бесследно исчезли.¹⁹

Русские анзаки, возвращаясь в Австралию, попадали прямо в бурю, вызванную недавней русской революцией и радикальными идеями в целом. Они должны были выбирать, на чьей стороне им быть; иногда им приходилось сводить счеты даже между собой. В мае 1919 г. сиднейская «Сан» сообщала, что два

бывших солдата «Макар **Марков** и Роман **Илупмаги**, попавшие сюда из страны, которой когда-то правил царь, сводили счета между собой посредством кулаков на улице Джордж, когда к ним подошел сержант Шекспир и “сунул палец в пирог”». В полицейском суде Илупмаги сказал, что он приехал из Прибалтики. «Это откуда появились большевики?», - спросили его, на что он ответил: «Из-за этого у нас и был спор. Марков спросил меня, почему я не говорю по-русски. Я сказал, что предпочитаю говорить по-английски, вот тогда мы и подрались». Полиция оштрафовала их обоих на один фунт за хулиганство. Илупмаги, кузнец по профессии, служил в армии от Галлиполи почти до самого конца войны, когда он был ранен; после демобилизации он остался в Австралии и говорил по-английски, и для него это был вопрос не только языка, но, очевидно, самой жизненной позиции. Марков, которого власти подозревали в приверженности большевизму, некоторое время оставался в Сиднее, посещая каждое воскресенье Домейн, где ораторы состязались в политических речах. Его отец, крестьянин из Мелихово в Курской губернии, в это время разыскивал своего сына. Его прошение дошло до Уинстона Черчилля и офиса австралийского премьер-министра, и Макар наконец-то вернулся в Россию, навстречу неведомому будущему.²⁰

Попали на заметку австралийских властей и еще несколько русских анзаков, возвратившихся в Австралию. Джон **Овчаренко**, о неудачном браке которого мы уже рассказывали, был оштрафован за то, что он «поднял красный флаг на берегу Ярры» в Мельбурне в марте 1919 года, в чем он впоследствии раскаивался. Местный полицейский, тем не менее, поддержал его заявку на натурализацию: «Я не думаю, что он нежелательный элемент. Он был на фронте 1300 дней», писал он.⁸⁸ Иосиф **Клешенко** тоже был натурализован, хотя полиции и было известно, что он «писал в газеты о большевизме».² Но таких счастливиц было не много. Заявка на натурализацию Александра **Петрова**, политического эмигранта, воевавшего в составе подразделения саперов на Западном фронте, была отвергнута. Причиной этого послужило перехваченное цензурой его письмо эстонцу Йоханесу Ханту, рабочему из Западной Австралии, в котором он писал: «Я не считаю тебя эстонцем, русским или немцем, ты интернациональный рабочий, и только это имя, я верю, твое настоящее имя. ... Большевики ... воюют за свободу, а кто хочет эту свободу уничтожить? Другого ответа нет как “капиталисты”». Этой риторики было достаточно, чтобы майор Харолд Джонс, возглавлявший австралийский Отдел расследований (Investigation Branch), своего рода австралийское КГБ, наложил вето на заявку Петрова. К счастью, год спустя местный полицейский из Малевы, в Западной Австралии, где Петров и его брат поднимали австралийскую целину на своем участке, пришел к следующему выводу: «Я полагаю, что если Алекс Петров и имел экстремистские взгляды, когда он был наемным рабочим, то теперь, когда он стал землевладельцем и нанимает работников, его взгляды изменились вместе с изменением его положения». Похоже, что полицейский, сам того не подозревая, рассуждал подобно Карлу Марксу: «Бытие определяет сознание». Это убедило и майора Джонса, и Петрова, наконец, натурализовали.³

Цезарь **Волковский** тоже подозревался в «большевистских тенденциях», поскольку он «писал статьи в газеты такого типа, защищая большевистские принципы». Отдел расследований несколько раз накладывал вето на его натурализацию и ему грозила потеря его участка земли (без натурализации нельзя было вступить в легальное владение землей). Но еще больше волновал его тот факт, что его жена-австралийка и их дочь тоже утрачивали права австралийских граждан и формально становились чужаками на своей собственной родине. В конце концов он обратился к сенатору Пирсу, министру внутренних дел: «У меня

хороший послужной список, я женат на австралийской девушке. В 1915 году я отправился в Галлиполи и был готов, если понадобится, сложить голову за Британскую Империю. Я был тяжело ранен в плечо и долго получал пенсию. Мне не отказали в праве сражаться за Империю, и я думаю, что теперь я по крайней мере достоин привилегии быть австралийцем и пользоваться британской свободой». Подозревая, почему ему из года в год отказывали в натурализации, он продолжал: «Во время русского хаоса я был молод и глуп, я оказался под влиянием старших русских и естественно сначала симпатизировал большевикам, до тех пор пока я не начал читать и сам думать... Я понял, какую ошибку я сделал, и раскаялся в своих глупых представлениях о том, что большевики хорошие, и я уверяю Вас, что сегодня нет более лояльных подданных, чем моя жена и я». Вполне возможно, что жена и была инициатором этого добавления. Во всяком случае именно это покаяние, а не его военная служба, перетянули чашу весов: именно эти слова в его письме были жирно подчеркнуты кем-то из официальных лиц, и в 1923 году семью Волковских наконец-то натурализовали.⁴

Любопытно, что сама служба в Австралийской армии, по мнению австралийских служб безопасности, отнюдь не была достаточным гарантом лояльности русского, иногда – прямо напротив! Например, в 1919 году военные составили специальный отчет для Отдела расследований майора Джонса о ряде демобилизованных русских анзаков: Волковском, Клешенко, Виннине, Гайсмане, Драчуке, Осипове, Кузмине и других.⁵ В деле осталась записка инспектора Отдела расследований, предназначенная, очевидно, «для внутреннего пользования»: «Тот факт, что так много русских являются ветеранами австралийской армии, объясняется, в основном, тем, что они вступили в нашу армию, чтобы избежать призыва в русскую армию, когда русское правительство требовало, чтобы русские вступали в австралийскую или в русскую армию».⁶ Жаль только, что он не объяснил, как русское правительство могло бы выловить русских в Австралии и доставить их в Россию для службы в армии...

Натурализация стала эффективным оружием в руках австралийских властей в их отношениях с потенциальными диссидентами. Даже те, кто действовал в рамках демократических институтов, например, пользовался правом свободы слова и не нарушал законов, часто становились жертвами бдительного государственного аппарата.

Неудивительно, что среди русских жил постоянный страх получить клеймо «большевик», и часто окружавшие их люди с готовностью считали всех русских таковыми. В августе 1918 года «Дейли Мейл» опубликовала письмо за подписью «Бдительность» (это был, согласно полиции, псевдоним журналистки по фамилии Бокко). В этом письме она писала, что русские, живущие в Брисбене (очевидно на улице Меривейл), «все поголовно, мужчины и женщины, члены организации Индустриальные рабочие мира, социалисты самого худшего типа и закоренелые большевики». «Бдительность» утверждала, что у мужчин «полным полно денег», в то время как «их мальчики играют с этой дорогой игрушкой “Меккано”, из которой они главным образом строят военные корабли». В заключение она вопрошала: «Не кажется ли вам, что они объявили против нас войну, что все это сборище следовало бы интернировать?»⁷ Один их немногих, поднявших голос в защиту русских, был ветеран Вальтер **Калашников** (в официальных документах он фигурирует как Каласников): «Какое право “Бдительность” имеет настраивать общественное мнение против нас, называя “шпионами” и “предателями” людей, которые рисковали своей жизнью, защищая эту страну?». Характерно, однако, что группа русских анзаков-ветеранов, написавшая в газету, выступила не в поддержку вполне обоснованной позиции Калашникова, а поспешила отмежеваться от него. Ветераны, поставившие подписи под этим письмом, - Лео

Берк, Сергей Калинин, Николай Силантьев, Матвей Олейников, Аким Петров, Степан Орлов, Георгий Дьяконеску, Кондрат Шлипнеков и Николай Федорович, – сходились в одном: они обвиняли Калашникова в контактах с советским консулом Симоновым и заявляли, что они «они будут бороться с так называемыми большевиками до самого конца».⁸ «Подписанты» занимали разные политические позиции: Сергей **Калинин** был социалистом, не принимавшим большевизм; Лео **Берк**, инициатор этой кампании, был информантом австралийских служб безопасности;⁹ а вот двое других – **Силантьев** и **Орлов** – пару лет спустя окажутся в списке Симонова, среди желающих вернуться в Россию, к тем самым большевикам, с которыми они собирались сражаться. Не судите и не судимы будете...

Но самой трагической была история самого Калашникова. Уроженец городка Остров под Псковом, он работал на кораблях кочегаром и его грудь и руки были испещрены татуировками, включавшими русский и американский флаги, но особенно часто в этих композициях фигурировал якорь – как символ надежды на защиту. Калашников вступил в армию в 1915 году и, попав с первыми подразделениями австралийских войск на Западный фронт, был тяжело ранен во время взрыва в Боа Гренье, еще до начала основных сражений. Он почти потерял зрение и был отправлен в Брисбен в пометкой в деле «неработоспособный на 75%». Какое-то время он получал пенсию, но к 1918 году пенсию урезали, а он женился на своей соотечественнице Марии Рудовской, и они едва сводили концы с концами. Он подал заявление на натурализацию, без которой трудно было найти работу. Его заявка пошла по инстанциям без всяких осложнений, но когда уже готовый сертификат должны были отправить ему, всплыли «свежие свидетельства». Это было донесение брисбенского цензора о том, что когда Калашников был в Русской Ассоциации в 1918 году, «он сорвал с себя значок ветерана, как позорящий его, поскольку это был знак того, что он сражался против своих немецких братьев». Обнаружилось и другое «преступление»: эсер Герман Быков (он же Рязанов), который тоже попал в Австралию в качестве кочегара, останавливался в доме у Калашниковых. Калашникова сочли «опасным большевиком» и отказали ему в натурализации. Полицейский, посланный собрать о нем информацию, записал мнение Лео Берка, который утверждал, что «жена Калашникова известна своими большевистскими взглядами. ... Она ведет за собой Калашникова. В целом он неплохой человек, но если большевизм преуспеет в Австралии, Калашников несомненно будет большевиком».

Расследование дела Калашникова совпало с бунтами красного флага – это было самое неподходящее время для русского попасть в поле зрения службы безопасности. После бунта друг писал Калашникову, который лежал в это время в госпитале: «Англичане чуть не избили меня за то, что я говорил по-русски. Нам нужно держаться от России как можно дальше. Опасность подстерегает русских на каждом шагу и за каждым углом». Тем не менее брисбенская лига ветеранов поддержала новое заявление Калашникова на натурализацию: «будучи не натурализованным он не может найти работу», а член квинслендского парламента ходатайствовал за него перед министром внутренних дел.¹⁰ Но все было напрасно. Тем временем здоровье Калашникова ухудшалось, он не мог работать и окончательно слег. Несколько месяцев спустя, в декабре 1920 года, он умер в госпитале в Коринде, дорого заплатив за то, что один раз воспользовался в Австралии свободой слова...

Сигизмунд **Ромашкевич** из Ковно (Каунаса) тоже испытал страх оказаться под подозрением в большевизме. До армии он работал седельщиком, но теперь, после тяжелых ранений, эта профессия была ему не по силам, а его военной пенсии не хватало прокормить семью - на его плечах лежала забота о жене и трех

детях. Он обратился за помощью в Министерство репатриации, в задачи которого входило обеспечивать раненых ветеранов либо финансовой поддержкой, либо посилой для них работой. Такой работы не находилось, а Ромашкевич, как это нередко бывало среди русских, был одержим идеей справедливости, и его досье в Министерстве репатриации скоро превратилось в толстый том, наполненный его жалобами. Среди них обращает на себя внимание его стремление доказать бюрократам во что бы то ни стало, что он не большевик и, более того, даже и не русский. Надеясь предотвратить возможные подозрения, он писал: «Мне кажется, что отношение ко мне и медлительность в решении моего дела вызваны только тем, что я не английского происхождения, и возможно меня даже подозревают в том, что я большевик, что для меня (если это действительно так) является самым страшным. ... Я самый лояльный человек». В другом письме он писал, что он испытал на себе, что такое «быть подозреваемым в большевизме», и что он «чрезвычайно боится таких подозрений». Чтобы рассеять подозрения, он даже приложил к письму «сертификат от Польского национального комитета, в котором указывалось, что по происхождению он поляк».¹¹

В целом положение русских в Австралии, в том числе и ненатурализованных анзаков, оказалось в послевоенные годы очень тяжелым. В то время как Финляндия, Польша и прибалтийские республики учредили в Австралии свои консульства, которые защищали права их компатриотов, уроженцы русских губерний оказались лишенными консульской защиты. Защита их интересов с большевистских позиций, которую пытался проводить Петр Симонов, консул, назначенный Советской Россией, но не признанный австралийской стороной, только усугубила тяжелое положение рядовых русских. Ветеран Петр **Метсер**, обращался к Ллойд Джорджу от их имени: «нас не просто забыли, мы были наказаны правительством Его Величества, которое не считает нас живыми людьми». Он предлагал свои услуги в качестве русского (не большевистского) консула на Тасмании.¹² Но эта попытка не увенчалась успехом – дипломатические отношения между Австралией и Россией были установлены только во время второй мировой войны, когда наши страны опять стали союзниками. Тем не менее по крайней мере трое русских анзаков стали консульскими представителями для своих земляков. Карл Михаил **Алксне** и Ян **Розинг** были латвийскими консулами, а Альфред **Маркович** стал польским вице-консулом. Но даже безупречная военная карьера Розинга не спасла его от подозрений: его сын рассказывает: «однажды мама вышла из дома и увидела заголовки газет, утверждающих, что ее муж русский шпион». Это очевидно было в то время, когда Розинг пытался установить торговые отношения между Австралией и Советской Россией в 1920-х годах.¹³

Возвращение домой

Я собиралась начать третью часть истории русских анзаков «Жизнь» по-другому, рассказать о том, как русские возвращались в Австралию и обретали тут свой дом, но история Чирвина, рассказанная в предыдущем очерке, как-то потянула за собой все остальное... А они действительно возвращались домой, по крайней мере в ту страну, которая должна была стать их домом. И у многих из них уже не было другого места на земле, которое они могли бы назвать домом. И тут придется сделать еще одно отступление.

Счастливая жизнь (Белорусский вариант)

В 1937 году Александр **Майко** (я все-таки буду называть его настоящим именем вместо нелепой фамилии Майк (Mike), которой его наградили при

вступлении в австралийскую армию) прибил к ограде своего земельного владения в Госфорде доску с надписью «Березина». Так называлась река его детства в далекой Беларуси, воспоминания о которой, сладкие и горькие, всегда были с ним. К этому времени он был отцом двух детей-подростков, которые и подарили ему эту доску на Рождество. Для них, незадолго до своей смерти, он и продиктует историю своей жизни.¹⁴

«Я родился 4 августа 1892 года в деревне Слобода на реке Березине в России, в 70 милях от Минска. Моего отца звали Григорий Майко, а мать – Анна. Когда мне было 7 с половиной лет, мой отец умер, а через пять месяцев родилась моя сестра Анна. Через год после смерти отца мать снова вышла замуж за мужчину с шестью детьми по фамилии Поскрёбко. Жизнь для меня стала невыносимой, потому что он был очень плохим и жестоким человеком. [Александр не написал об этом, но дети помнят, что его тело было покрыто шрамами от побоев, полученных в детстве – Е.Г.]. Я ушел жить к бабушке, но когда мне было 10 лет, она умерла. Мне пришлось вернуться в дом к матери, но я не мог там ужиться. Много раз я убегал из дома и спал в сараях. Моей матери и сестре тоже плохо жилось с отчимом. Она бы ушла от него, но к тому времени у нее появились еще дети, и она не могла их оставить. В 12 лет я получил свою первую работу в 8 милях от нашей деревни. Я пас овец и свиней, присматривая, чтобы они не потравили поле и чтобы их не зарезали волки. Хозяин одевал меня и кормил и за семь месяцев работы заплатил мне 11 рублей (25 шиллингов). На следующий год я работал на тех же людей – пахал и сеял. Летом я водил коней в ночное и спал под звездами. Мы обычно разводили костер, чтобы отпугивать волков и согреваться. За этот год работы я получил 1 фунт 16 шиллингов. [В Австралии годовая зарплата составляла около 50-100 фунтов. – Е.Г.]. На третий год я работал на другого человека в той же деревне. В этой деревне было только семь домов. За этот год я заработал 2 фунта 5 шиллингов. Работа была тяжелой – расчистка земли – и я ушел через восемь месяцев. Потом я работал в буше [австралийские слова органически вплетаются в его белорусское повествование. – Е.Г.], готовил бревна для сплава вниз по Днепру. Потом я нашел работу недалеко от тех мест, где я родился. Здесь в первый год мой заработок был 30 рублей, а во второй год – 40 рублей с одеждой и едой. В работу входило пахать, бороновать, косить, и раз в месяц доставлять в Минск груз виски (водки)».

... Читая его скупые строки, я могла легко представить то, о чем он не писал – в детстве я летом часто жила под Минском недалеко от этих мест. Запах чабреца на песчаных пригорках среди молодых сосен. Какой благоухающий чай получался из его соцветий! Полевые цветы – сиреневые, желтые, розовые – на лугу вдоль извилистой речки, роса так и горит на них, когда косцы идут косить на восходе солнца. И картошка, испеченная в углях костра под звездами, со щепоткой сероватой крупной соли... Эта земля совсем не походила на Австралию, и все же, читая о жизни Александра в Беларуси, я постоянно вспоминала историю Берта Фейси, «Счастливая жизнь»¹⁵ которого стала для австралийцев символом повседневного героизма простого труженика. Их жизненные истории до удивления схожи. Они родились почти в одно и то же время, и тяжелые дни настали для обоих из них 8 лет из-за жестокости их отчимов, жестокости, которая была частью обычных человеческих отношений в те дни. Оба они получают «лесное образование» (“bush schooling”). Оба будут с точностью до мелочей вспоминать цифры своих первых заработков десятилетия спустя. И оба будут тяжело ранены на войне... Но вернемся к следующему периоду в жизни Александра Майко. В те годы, когда его австралийский двойник Берт начал свой «Путь», покинув места в Западной Австралии, где он вырос, Александр тоже отправился в путь – на другой конец земли.

«Когда мне было 17 с половиной лет я решил отправиться в Канаду, и тут возникла проблема денег. Чтобы добраться до Канады, надо было иметь 140 рублей и еще 50 надо было предъявить при высадке. Я накопил 40 рублей и еще 100 я получил, сдав в аренду землю, которую оставил мне отец, но достать последние 50 оказалось не простым делом. В конце концов мне одолжили эти деньги люди, у которых я работал, просто под честное слово. Я не мог получить паспорт, так как я был еще несовершеннолетним, и я отправился в путь без паспорта, с помощью агента. Я покинул дом 26 декабря 1909 года. Из нашей деревни вместе со мной отправилась еще одна женщина и трое мужчин. Сначала мы добрались до Польши, там мы неделю прятались, а потом нас отправили дальше в вагоне со скотом. Из него мы вышли недалеко от границы и оттуда шли 5 миль по бушу, пока не оказались в Австрии. Неделю мы провели в Вене, а потом поездом поехали в Роттердам в Голландии. Там мы неделю ждали пароход, который довез нас до Галифакса. Оттуда мы поездом доехали до Торонто в Канаде.

В Торонто я нашел работу на сортировке старой бумаги и тряпья за 4 доллара 50 центов в неделю, за жилье и еду я платил 3 доллара в неделю. Через полгода я нашел работу по сортировке тряпья в другом месте за 6 долларов в неделю, но я там долго не задержался. Когда я вернулся на свою первую работу, они стали платить мне 7 долларов 50 центов в неделю. ... Моя следующая работа была у портного за 7 долларов в неделю. Мне там очень нравилось, и я проработал там полгода, но заработок был небольшой и я отправился в Америку. Это было в 1911 году. ... В Питсбурге я получил работу на сталелитейной фабрике. Это была самая лучшая из моих работ! Я работал у печи, нагревая железо, из которого делали костыли для железнодорожных рельс... Потом я работал на угольной шахте в Пенсильвании... Я проработал там около двух месяцев, когда большой камень свалился мне на ногу и мне ампутировали раздробленный большой палец. Я не сразу поправился, и все мои сбережения кончились. После этого я работал на строительстве дороги, на ферме и развозил лед. Следующая работа была на пристани на озере Эри и на колесном пароходе на реке Огайо. ... В конце концов я решил вернуться в Канаду. ... У меня было только то, что было надето на мне, т.к. в Питсбурге я потерял всю свою одежду. Я получил работу у своего старого босса – возчика с лошадьми – 12 долларов за 60-часовую рабочую неделю, но вскоре меня уволили за участие в забастовке. Потом я работал на ферме, но там мне плохо пришлось, и я нанялся развозить уголь. Это была тяжелая и грязная работа, и я перешел в отливочную мастерскую, но там работа оказалась мне не по силам. Я опять вернулся к старому боссу, и он дал мне работу получше – водить машину за 13 долларов в неделю. Вот тогда я и получил свои первые водительские права. Началась война, и босс срезал зарплату. Я попытался вступить в армию, но меня не приняли в танковый корпус, и я решил отправиться в Новую Зеландию.

Новая Зеландия мне не очень понравилась, и я нанялся на корабль, который шел в Австралию. Австралия мне тоже сразу не понравилась, но у меня не было денег, чтобы уехать отсюда, а на корабль можно было наняться только до Индии, перевозить лошадей. Это меня не устраивало, пришлось остаться тут и довольствоваться тем, что есть. Я нанялся строить железную дорогу в Ниммитабеле [около Кумы] за 8 шиллингов в день, но там все время шел дождь или снег и нам удавалось работать только три или четыре дня в неделю, а жить приходилось в палатках, так что я оставил эту работу и поехал на корабле в Брисбен. Там дела были не лучше, сотни людей не могли найти работу. Я отправился внутрь страны в поисках заработка. Пройдя 60 миль, я нашел работу на расчистке за фунт в неделю плюс содержание. Через 8 недель работа

кончилась, и я нашел другую на молочной ферме. Там я оставался 3 месяца, потом я вернулся в Сидней и стал развозить молоко в Мосмане за 1 фунт 10 шиллингов в неделю плюс содержание».

Но кончилась и эта работа, и ему ничего не оставалось, как вступить в армию. Армейская служба описана у него очень кратко, кончилась она тяжелым ранением: «В 1918 году я был ранен в грудь в Корби. 12 недель я пролежал в госпитале во Франции, потом полгода в госпитале Хэйрфилд в Англии. Я еще был лежачим больным, когда меня привезли на госпитальном корабле в Сидней, и меня сразу отправили в госпиталь в Рэндвике. В общей сложности я провел в госпиталях 17 с половиной месяцев, и после всего этого госпиталь стал казаться мне домом». Эти месяцы на чистой больничной койке были первым периодом в его жизни, когда он не работал, когда о нем заботились. Не случайно в его семейном альбоме сохранились именно госпитальные снимки.

Наконец его выписали из госпиталя и уволили из армии. Он рассказывает: «Я попробовал несколько работ, но не мог на них удержаться, так как моя рана открывалась каждые три месяца». Этот кусок шрапнели так и останется у него в груди на всю жизнь, доставляя ему неизмеримые страдания, но он будет молчать об этом... «В 1920 году я купил 15 акров буша в Спрингфилде около Госфорда. Я расчистил половину участка и посадил апельсиновые деревья. Я раньше никогда не видел, как выращивают апельсины. В Спрингфилде я купил собаку для компании. Я построил сарай 16 x 7 футов. Пол я сделал из ящиков и под ними развелись крысы. Кровать я устроил из проволочной сетки, натянутой на колышки. ... Многие давали мне советы, но позже я понял, что это были болтуны, которые сами ничего не имели и ничего не могли сделать, чтобы улучшить свою жизнь. И вот я расчистил несколько участков земли и посадил картошку и капусту. Картошка, когда выросла, стоила всего 2 шиллинга 6 пенсов за 100 фунтов веса, и за такие деньги ее не стоило и копать. Я уже думал бросить это место, но тут мне подвернулась работа за 3 фунта 12 шиллингов неделю. Это немного поправило мои дела. Я проработал 15 месяцев. Во время выходных я построил себе сарай побольше, а потом снова попал в госпиталь в Рэндвике на четыре месяца. Когда я вышел из госпиталя, я не стал наниматься на работу, а начал работать на себя. Дела у меня тогда шли не плохо, и я сдал 2 с половиной акра под расчистку. Летом я выращивал помидоры, а зимой продолжал расчистку и сажал цитрусовые деревья. В 1923 году я начал строить 3-комнатный дом». Извечная мечта белорусского крестьянина – зажить своим домом на своей земле – сбылась для Александра Майко в Австралии. С этого времени эта страна действительно стала для него домом.

«Мужчина должен делать мужскую работу»

В предыдущем очерке мы познакомились с жизнью Александра Майко, белорусского крестьянина, мечта которого – построить свой дом на своей земле – сбылась среди холмов Госфорда, недалеко от Сиднея. Свою мечту о земле попытались осуществить многие русские анзаки – одни брали участки земли в солдатских поселениях, другие просто покупали землю, пользуясь помощью правительства.

Александр **Егоров**, который женился на австралийской девушке через несколько месяцев после увольнения из армии, в 1919 году купил 10 акров земли в солдатском поселении Пламpton, к западу от Сиднея. Он вырос в селе Бестужево под Рязанью, и в юности изучал садоводство, работая в теплицах у князя Шереметьева. В Пламптоне он завел птицеферму, на своем участке он

также выращивал фрукты и овощи, поставляя излишки на рынки. Это позволило его семье – а у него было 10 детей – выдержать годы депрессии.⁸⁹

Многие русские осели на земле в Квинсленде, несколько человек взяли участки в районе Станторпа. Журналист Николай **Федорович**, задержанный русскими военными властями во время визита с Галлиполи в родную Одессу, но все же сумевший вернуться в австралийскую армию, взял участок в Гленлионе, к юго-западу от Станторпа. В деле о его натурализации сохранилось его письмо, где он пишет: «Я живу в 45 милях от железнодорожной станции, и почта сюда приходит только два раза в неделю».² Джон **Костин**, инженер из Кыштыма на Урале, привез жену из Англии. Они тоже поселились около Станторпа, здесь, на ферме, они вырастили четырех детей. Его сын рассказывает, что «отец всегда работал, а потом заболел». Костин умер в 1937 году от последствий отравления на фронте горчичным газом. Внучка вспоминает, что «отец говорил, как тяжело ему было видеть страдания отца».³ Виктору было всего 16 лет, когда он потерял отца, вскоре, когда разразится вторая мировая война, он пойдет по его стопам, сражаясь с японцами на знаменитой тропе Кокода в горах Новой Гвинеи...

Несколько русских анзаков вернулись на свои фермы, которые они основали еще до войны. Среди них были фермеры Федот **Печенов** (Peachenoff) и братья Георгий и Фома (Thomas) **Платоновы** из Буяла под Бандабергом, в центре производства сахарного тростника. Другие, как братья Николай и Алексей **Тупиковы**, решились заняться фермерством без всякого опыта. Сын Николая Тупикова вспоминает: «Хотя отец работал на железной дороге, он всегда мечтал завести ферму. В 1921 году он получил участок в солдатском поселении Куминья, в долине Брисбена, недалеко от Ловуда, и переехал туда с семьей. ... Им дали пособие в размере 650 фунтов, которое пошло на оплату земли, покупку 20 листов гальванизированного железа, из которого они построили временное жилье, на покупку плиты, 1000-галонного бака для воды, коровы, лошади, повозки и инструментов. Первым делом надо было огородить землю забором и расчистить ее от леса; земельный инспектор посещал их каждый месяц, проверял, как продвигается их работа, и выдавал им соответствующее пособие. Но земля оказалась такой неплодородной, что, в конце концов, им пришлось просто бросить свой участок».⁴

Устин **Гуляев** из Долгих Буд под Курском тоже принял вызов суровой австралийской земли. Он женился в Англии как раз в тот момент, когда его отправляли в Австралию «вследствие русской национальности». Его жена с новорожденным сыном Джорджем скоро приехала к нему в Квинсленд. Джордж рассказывает, что его отец «был профессиональным столяром, но он считал, что мужчина должен делать мужскую работу, и поэтому он взял ферму. ... Он выбрал участок в солдатском поселении Эль Ариш, в северном Квинсленде. ... Как все ветераны, мой отец получил участок скрэба (собственно говоря, это были джунгли) и заем в 600 фунтов с обязательством построить дом и с правом выращивать сахарный тростник в определенном количестве. Поскольку земля сразу дохода не давала, а ему нужны были деньги для создания фермы и для содержания семьи, мой отец нанимался на рубку тростника под Иннисфейлом – изнурительная, каторжная работа, – а каждый вечер в пятницу он шел пешком 20 миль на свой участок, проводил выходные, работая на нем, а к понедельнику возвращался в Иннисфейл на рубку тростника. Когда отец немного расчистил свой участок и построил там дом, моя мать со мной и новорожденной сестрой смогла наконец-то переехать к нему из Брисбена». Рядом, в солдатском поселении Мария Крик около Силквуда, Джон **Вагин** из-под Владимира, с которым мы познакомились раньше, подобным же образом осваивал свою ферму с сахарным тростником.

Гуляев, которого судьба уберегла от смерти, когда он был австралийским анзаком, погиб как австралийский пионер. Его сын рассказывает: «Все шло хорошо до 1925 года – ферма процветала, и мы планировали в следующем году съездить в Англию, чтобы повидать родных матери. К несчастью, наш сосед в самый разгар летней жары оставил на своем участке выгорать несколько пней срубленных деревьев. Лес загорелся. Мой отец с другими фермерами бросился перехватить огонь, чтобы спасти урожай тростника на соседних фермах. И в этот момент на него свалилось горящее дерево, верхушка попала ему прямо в голову, и он умер на месте». Местные жители надолго сохранили память об этом русском анзаке.⁵

Русские анзаки и их австралийские собратья по оружию по существу были последним поколением австралийских пионеров, которым довелось осваивать австралийскую целину. Незримые нити все больше привязывали их к этой суровой и прекрасной земле и ее людям. Часто они были единственными русскими на сотни миль вокруг, и именно по ним их соседи составляли представление о русских. Петр **Виселенский** (он служил в армии под непроизносимой фамилией Вишкенлский) из Слонима в Белоруссии, прошедший войну как сапер, выбрал участок в садоводческом солдатском поселении в Ред Клиф около Милдбюры; полицейский, в своем отчете о нем, отмечал, что «он единственный русский в этом районе». Джеймс **Кочура** из Маломихайловки под Запорожьем, провоевавший два с половиной года в составе австралийской легкой кавалерии в Египте, взял землю в солдатском поселении Темора, к северу от Уогга-Уогга в Новом Южном Уэльсе. Другой кавалерист – Джон Виктор **Михельсон** из Латвии – поселился около Талии, на полуострове Эйр (Южная Австралия). Белорусский учитель Семен **Сучков**, оказавшийся в Австралии по политическим причинам и попавший в плен во время наступления немцев в марте 1918 года, расчищал землю под свою ферму на северо-западном побережье Тасмании, около поселка Эдит Крик. В свободное время он писал: в тасманийских архивах сохранились две его рукописи «Спад Мэрфи» и «Король картошки».

Другой политический иммигрант, бывший студент Московского университета Юлиан **Орлов**, тоже сочетал работу на ферме в солдатском поселении Биламбил (НЮУ) с литературной работой. Орлов (под именем Давида Юлиана Вейнберга) воевал сначала в Галлиполи в составе Отряда погонщиков мулов Сиона, обеспечивавших снабжение союзнических войск. В этот отряд входило много русских евреев, которых война застала в Палестине. Отсюда, после ранения, Орлов попал в Австралию, где вступил в австралийскую армию. Во время летних боев 1917 года на Западном фронте он был снова тяжело ранен, и его исключительная храбрость была отмечена в донесениях командования.

Одиссея русских анзаков-пионеров в эти годы разворачивалась и в Западной Австралии, на другом конце страны. Среди них был эстонец Петер **Юргенсон**, бывший моряк, тяжело раненный в одном из первых боев 1916 года. «Он так и не получил пенсию, – рассказывает его сын. – Он подал заявление, но они так мурыжили, что он, в конце концов, послал их всех подальше! ... Он женился в 1923 году, построил дом в Вокалапе и занялся фермерством. Доил коров, разводил свиней, потом завел птицеферму. Кроме того, он был строителем – дома, построенные им, все еще стоят в наших краях».⁶

Пионерами Западной Австралии стала и семья Эрнеста **Дрегера**. Латышский моряк, он оставил свою жену Сару с тремя детьми и отправился защищать свое новое отечество. Сара, латышская еврейка из Лондона, учила их малышей христианской молитве за отца, и Эрнест вернулся к своей семье с Военной Медалью за отвагу на груди. Их дочь Бетти рассказывает, что на Западном фронте он был отравлен газом и доктора советовали ему поселиться в сухой, теплой части

штата. Сначала они обосновались на восточном берегу Австралии, в Джералдтоне, но так как состояние Эрнеста не улучшалось, они решили двинуться в глубь страны, в самые сухие места. Они основали ферму на границе освоенной европейцами территории, километрах в 200 на юго-восток от Джералдтона, за Маллевой. Другая дочь, Элейн, продолжает рассказ об их жизни: «В 1925 году наша семья поселилась в Куланука. Эрнест много работал на расчистке земли, ему помогали двое старших сыновей. Расчистка велась с помощью топора, и дело двигалось медленно. Денег у нас было очень мало и иногда Эрнесту приходилось наниматься на расчистку к другим фермерам или работать на строительстве железной дороги. Основным строительным материалом для нашего дома служили доски, жест от разрезанных канистр от бензина и марля. Пол многие годы был глинобитным и не имел никакого покрытия. Для приготовления еды и обогрева мы использовали большую дровяную печь. Эрнест делал все, что мог, чтобы создать для своей жены и семерых детей надежный и счастливый дом». Одно из первых воспоминаний Элейн было связано с их фермой: «Я помню ночь, когда крыша была покрыта только наполовину, я проснулась и увидела над собой звезды, и мне показалось, что они спустились прямо в наш дом, чтобы посмотреть на всех нас». Она продолжает: «Я помню, когда я росла, у нас всегда не хватало денег, но еды у нас было достаточно, и как приятно было сидеть всем вместе за обедом, а потом, при свете фонаря «молния», мы играли в карты или кто-нибудь из нас читал вслух газету или какой-нибудь роман».⁷

«Небоскребы в австралийской пустыне»

Наибольшего успеха в покорении австралийской земли добился Теофил Волковский. В одном из предыдущих очерков мы уже познакомились с его братом Цезарем, а сейчас надо сказать несколько слов и о Теофиле, историю жизни которого рассказал мне его сын Том. Он родился в католической семье в селе Липки под Киевом. Поступив в учительскую семинарию, он оказался под влиянием, по выражению его сына, «всех этих идей об эволюции и книг Достоевского и Толстого». Очевидно, оказавшись замешанным в студенческое брожение во время революции 1905-1907 гг., он отправился на Дальний Восток. Попытки его обосноваться в этих краях тоже не увенчались успехом, и, в конце концов, через Китай он добрался до Японии. Перед ним простирался Тихий океан. Он подбросил монетку: «орел – я еду в Австралию, решка – в Канаду».⁸ Выпал орел, и скоро Теофил уже был на японском пароходе, державшем курс на юг. Хотя русская эмиграция в Австралию в целом и определялась рядом социально-экономических причин, анзаки, как кажется, не хотят уместиться в рамки, отведенных для них социально-экономических ячеек. Они остаются свободными в своих решениях, они еще живут в том свободном мире, когда было достаточно подбросить монетку, чтобы выбрать свою судьбу... Другой наш герой – Гуляев – точно так же, подкинув монетку, оказался в Австралии...

Но вернемся к истории Волковского, который прибыл в Брисбен в 1909 году. В 1927 году он писал: «Я сошел на берег, не имея денег и не зная английского, и, несмотря на это, я проделал путь от чернорабочего до владельца скотоводческой станции». Австралийская сказка об обществе равных возможностей, которая влекла сюда в те годы сотни русских, сказка, ставшая явью... Но в действительности все было не так просто. Сын Волковского рассказывает: «Он не знал английского, и ему приходилось наниматься чернорабочим. Он работал на строительстве железных дорог, укладывая шпалы. ... Это была каторжная работа, у него на руках было двести мозолей... Через

некоторое время он отправился в Сидней. Он всегда интересовался рыбной ловлей и нашел работу на рыбном рынке в Сиднее, но так работать всю жизнь он не собирался. Кто-то сказал ему, что на западе Нового Южного Уэльса можно найти работу на фермах, и он решил сам отправиться туда и посмотреть. Он сел на поезд и доехал до Берка. Когда он туда приехал, у него в кармане был всего один шиллинг. Он услышал, что там в реке Дарлинг водится рыба, он пошел и купил на свой шиллинг леску с крючком, решил попробовать самому добыть себе еду. Он спустился к реке и вытащил великолепную, огромную муррейскую треску, он отнес ее в ресторан в гостинице, они хорошо ему заплатили, и он купил еще удочек и занялся рыбной ловлей. ... Ему было ясно, что такая рыба будет пользоваться большим спросом в Сиднее, и он организовал ее поставки на Сиднейский рыбный рынок. Дело его пошло успешно, так успешно, что он вызвал из Европы Цезаря, своего брата. Он приехал, и они стали работать вместе. У них было 50 сетей и 200 удочек на реке Дарлинг. Тут уж окрестные фермеры стали ворчать, что их овцы не могут из-за всех этих удочек добраться до воды. Тогда Волковские перебрались на островок посреди реки. Они сами смастерили лодку, используя для остова изогнутые ветви местных деревьев».

С началом войны Волковские вступили в армию. Цезарь попал в Галлиполи, где был тяжело ранен вскоре после высадки, и вернулся в Австралию в 1916 году инвалидом. Служба Теофила пошла по-другому. Он вступил в армию в июне 1916 года и, находясь в лагере в Батерсте, принял участие в политическом споре со своими сослуживцами. На стол командования незамедлительно попал донос: «Он заявил, что он скорее согласится жить под властью немцев, чем иметь нынешнее лейбористское правительство в Австралии... Он также говорил, что истории о жестокости немцев – выдумки». Были и другие доносы. Когда я заговорила об этой истории с его сыном, он вспомнил: «Отец действительно рассказывал мне, что он настроил людей против себя тем, что говорил политически неправильные вещи, но он честно говорил то, что он думает. Они в тот вечер говорили о немцах, и австралийцы относились к ним очень плохо, а отец возразил: “Немецкие солдаты такие же люди, как вы и я, они обыкновенные люди”. Это было то, что не следовало говорить в данное время и в данной компании. Так что они решили, что у него прогерманские настроения, и он попал в переплет. А он ведь вовсе не был прогермански настроен, совершенно не был. Он любил Австралию, и он бы сражался против германского правительства». Командир лагеря, к которому попали доносы на Волковского, отнесся к нему без всякого предубеждения: поговорив с ним, он дал ему отеческое наставление «избегать политических дискуссий» и даже помог ему натурализоваться, когда Волковский оказался в госпитале с подозрением на туберкулез – болезнь начала развиваться у него от сырости в лагерных бараках. В конце 1916 года его уволили из армии по медицинским показаниям.

Поправившись, Теофил вернулся в район Берка, но на этот раз он занялся не рыболовством, а взял в аренду правительственный колодец Бурумагга, к востоку от Кобара. Он должен был собирать для властей плату с перегонщиков скота, которые останавливали здесь стада на водопой. В целом это был засушливый неплодородный район, но оказалось, что вокруг колодца была превосходная земля. Том рассказывает: «Отец был превосходным садоводом, и он стал выращивать там замечательные овощи. Он также заинтересовался пчеловодством и поставил там улья, американцы напечатали фотографию его ульев в своем журнале и называли ее «Небоскребы в австралийской пустыне». Он стал поставлять мед, овощи и яйца в лагерь шахтеров в Канбелиго, недалеко от Кобара.

В это время объявили продажу нескольких усадеб (овцеводческих станций). Отец подал заявку на покупку станции площадью 21,300 акров к западу от

Кобара. ... К тому времени ему уже удалось накопить немного денег. Он купил старый дом в Кобаре, его разобрали, перевезли на подводах на его участок, а затем снова собрали. Место для дома он выбрал на склоне холма, над водоемом. Он назвал станцию Олино, так звали его подругу, которая была когда-то у него в России. Вокруг дома он разбил фруктовый сад и цветники. Вы не поверите, какую белокочанную и цветную капусту мы там выращивали! Мы с отцом брали повозку, спускались к ручью и нагружали на нее гниющие листья, которые собирали по берегам, потом все это смешивалось с землей в огороде, туда же шел овечий навоз. Он провел свое детство в деревне, и когда был мальчиком, наблюдал, как все это делается... На станции он завел породистых овец-мериносов и поставлял на рынок только первоклассную шерсть. Он сам выбирал баранов – вообще овцы были его гордостью.

Все шло превосходно, отец прикупил часть соседней большой станции Амфитеатр, а чтобы выплатить долг, он продал стадо овец по очень хорошей цене. И он сказал покупателю: «Ладно, забирай овец прямо сейчас, а за деньгами я приеду в Кобар на следующей неделе». И тут ударила депрессия. Его покупатель разорился в один день и пригнал стадо обратно, а у отца начались неприятности с хозяином Амфитеатра, которому он теперь не мог выплатить долг. Да, во время депрессии ему пришлось очень тяжело, но он боролся и выстоял». В 1941 году он пережил новую беду – во время пожара сгорел их дом. Но он выдержал и это, а несколько лет спустя смог купить одну из лучших станций в округе: «В 1950 году мы купили станцию Карравина (около 50,000 акров). Это была знаменитая станция между Бурком и Кобаром. Она была основана в 1870 году и имела около 40,000 овец, там был роскошный каменный сарай для стрижки овец, и когда наступал сезон стрижки, там работало одновременно 32 стригаля. Усадьба была построена архитектором. Не успел отец купить эту станцию, как цены на шерсть взлетели – Россия вышла на рынок и стала покупать шерсть. Для австралийских овцеводов настали замечательные времена...» Мы еще вернемся к истории Теофила.

На австралийской земле

И все-таки история успеха Теофила Волковского оставалась исключением. Опыт Александра **Майко**, о судьбе которого рассказывалось в предыдущем очерке, был более типичным. В 1923 году он начал строить трехкомнатный дом на своем участке под Госфордом, а в следующем году женился на австралийской девушке Мэй. Он вспоминает об этих временах: «Наша мебель состояла из кровати, туалетного столика, стола и нескольких самодельных стульев. У нас с Мэй родилось двое детей и мы закончили строительство дома. В январе 1927 года мы продали наш участок, на котором к этому времени уже росло 700 цитрусовых деревьев». После этого они попытались добиться успеха в качестве хозяев фруктового магазина в Сиднее и пережили депрессию на новой ферме под Сиднеем. В 1934 году они завели птицеферму, взяв небольшой участок, заросший бушем под Госфордом. И снова он расчищал лес и строил дом... Но в его жизни была не только работа – два раза они устроили себе отпуск: в 1931 году они провели несколько недель в Мельбурне, а в 1939 году – в Брисбене.⁹ В 1960 году, незадолго до своей смерти, он отложил небольшой капитал для учебы своих детей, им предстояло осуществить его мечту о лучшей жизни, которая не досталась ему. Но все-таки, по большому счету, это была счастливая жизнь...

Многие русские, особенно семейные, могли сводить концы с концами в послевоенные годы только благодаря тому, что они дополняли свои заработки «фермерством» на заднем дворе. Именно так выжила семья Николая **Тупикова**.

После того как братья бросили свои неплодородные наделы в Куминье, Алексей (лицо его было изуродовано на войне и он так и не женился) отправился на север, на плато Атертон, и работал там на лесозаготовках. Николай, женившийся в 1919 году на Александре Мюллер, из семьи саратовских немцев, к 1930 году имел уже шестерых детей. В России и Тупиковы, и Мюллеры принадлежали к среднему слою, в Австралии же их положение резко изменилось. Александра, семья которой приехала перед войной, проучилась два года в австралийской школе. В своих воспоминаниях она пишет: «Я оставила школу, когда мне было 14 лет. Мне ничего не оставалось, как заниматься работой по найму. Отца очень огорчало, что его дочь должна работать служанкой, в то время как раньше у него всегда были слуги, работавшие для него». Николай тоже получил в России и в Китае хорошее образование, «но в Австралии его основным занятием стало кузнечное ремесло, это была единственная работа, которую он мог найти». Покинув Куминью, они поселились в Ипсвиче, где Николай нашел работу в железнодорожных мастерских (там работало много русских), а в 1932 году они купили дом на улице Хоуптон.

Дети Тупиковых рассказывают об их жизни, которая очень напоминает быт зажиточной русской крестьянской семьи: «Дом был окружен большим участком земли и имел три спальни и столовую, в задней части дома находилась кухня, а вдоль фасада шла веранда, потом ее застеклили, и там спали мальчики. Мы купили восемь коров и арендовали большой луг, находившийся за домом, на котором они паслись. Большой сарай на заднем дворе был разделен на прачечную с баней и мастерскую. Еще один сарай мы использовали для хранения сена для коров, и выделили участок под птичий двор. Позже птичий двор мы перенесли на выгон, там построили курятник для 100 птиц. Около дома разбили большой огород. Печь в доме была дровяной, и отец покупал бревна на участке под Ипсвичем, потом его друг привозил их нам на грузовике. Тут за работу брались мальчики. Бревна пилили, потом кололи на дрова и на лучину для растопки. Летом надо было запасти дрова на всю зиму. В наши обязанности входило кормить кур и собирать яйца. Сено для коров, которое привозили в снопах, надо было измельчать на ручной корморезке. Мальчики выполняли и другие работы: дважды в день они развозили молоко соседям, вешая бидоны на ручки велосипедов, собирали навоз для огорода и чистили птичники. Во время депрессии отец, как и другие, работал только пять дней в две недели и получал за эту работу всего 5 фунтов... В 1934 году его брат Алекс поселился с нами, это уменьшило количество домашней работы, которую приходилось делать мальчикам».¹⁰

Для семьи **Аверковых** жизнь тоже была очень тяжелой. Старший сын, 19-летний Вильям Джордж Аверков, пал на поле боя в Мессине в 1917 году. В Иннисфейле остались его мать-вдова и шестеро младших братьев и сестер. Его племянник рассказывает, что «небольшой пенсии, которую Анна [мать Вильяма] получала, не хватало, чтобы сводить концы с концами. Во время депрессии Анна и ее старшая дочь Мери брались за любую работу. Они работали поварами в госпиталях в Кэрнсе и в Иннисфейле, шили, разводили кур и продавали яйца – всего не перечислить. Анна была просто замечательной женщиной».¹¹

Ричард **Григоренко**, который служил в 1916-1918 гг. санитаром в полевом госпитале и был уволен из армии «вследствие русской национальности» без всякого повода с его стороны, женился вскоре после возвращения в Австралию. К сожалению, брак скоро распался и он, взяв двух сыновей – Леонарда и Джорджа, отправился из Брисбена в Каллайд Вэллей. Здесь, в Ловги, он взял участок для выращивания хлопка. Начинать работу ему пришлось с расчистки густого скрэба (зарослей). Для постройки жилья они использовали местные деревья, стены были из мешков, обмазанных цементом, а пол – глинобитный. Валлаби (небольшие

кенгуру), лесные индейки, дамперы (лепешки из пресного теста, испеченные в золе) и рис составляли их основную пищу. Несмотря на все трудности, жизнь в Каллайд Вэллей имела важное преимущество: здесь сложилась община «белых русских», как их называли австралийцы. В начале 1930-х годов в этом районе жило около 100 русских семей. В Тангуле они создали русский клуб с библиотекой, где устраивались русские концерты и танцы, привлекавшие множество австралийцев. В эти годы русские дети нередко составляли почти половину учеников в местных школах. Подробно о жизни русских в Каллайд Вэллей рассказывает Николай Дмитриевский-Байков в цикле своих очерков в «Австралиаде». Семья Григоренко стала частью этой общины, и недавно, когда внучка Ричарда отправилась в эти места, она узнала, что ее семью все еще помнят местные старожилы.¹²

«Своего рода бродяга»

В предыдущем очерке рассказывалось о русских, решившихся осесть на земле. Обычно это были люди с семьями. Но многие анзаки, чернорабочие и моряки, не могли пустить корни, они оставались одинокими бродягами до самой смерти. Они, конечно, не писали мемуаров. Заглянуть в их послевоенную жизнь позволяют их короткие сообщения в учреждения, занимающиеся делами ветеранов, в связи с такими вопросами как потерянный значок ветерана или пришедшее в негодность свидетельство об увольнении из армии. Например, Михаил **Анкудинов** писал в 1938 году, объясняя на своем неподражаемом английском языке, как пропало его свидетельство: ‘Loss occurred on Track shivting camps from one to another state traveling cary a swag looking another camp and jobs’ («Потеря произошла на дороге при переходе из лагеря в одном штате в другой когда я нес свэг и искал другой лагерь и работу»). Свэг – это пожитки бродяги или сезонного рабочего, завернутые в тонкое одеяло, который он несет на плече, бродя по дорогам Австралии в поисках куска хлеба. Свэгмен – классический герой австралийской истории, – оказывается, дожил до 1930-х годов и мог быть и русским!

Между этим моментом, увековеченным в письме Анкудинова, и после него пролегла вся его жизнь, о которой мы знаем очень мало. В ней не было ничего постоянного – ни имени (он был известен как Джордж Уилсон или Каллахан), ни места рождения (он свободно выбирал между Владивостоком, Санкт-Петербургом и Хельсинки), ни года рождения (я обнаружила 6 различных дат, начиная 1879 и кончая 1901 годом!). Последняя дата была очень далека от действительности, так как он успел послужить в русской армии, а затем, в качестве моряка, работал в Китае, Японии и Соединенных Штатах и, в конце концов, в 1912 году оказался в Австралии. Вступив в Австралийскую армию в мае 1916 года, к ноябрю он уже был на Западном фронте. Его отвага вскоре была отмечена в специальном донесении. Он был ранен под Ипром, а затем, в апреле 1918, отравлен газом и вывезен в Англию. Через два месяца он уже был в Эдинбурге, в Шотландии, где вступил в брак с ирландской девушкой Мери Каллаган. В конце войны он служил в составе военной полиции – очевидно он пользовался доверием. Но после окончания войны он решил вернуться в Россию, а не в Австралию: «Я вырос в России, – писал он командованию, – я русский подданный и в Австралии я чужой. Война закончена, и я прошу уволить меня из армии в Англии и отправить меня во Владивосток в России». Его просьба не была выполнена и чета Анкудиновых отправилась в Австралию, но здесь жизнь Михаила пошла наперекосяк. В полицейских досье сохранился длинный список его правонарушений – от пьянства до грабежа; жена его тоже попала на заметку полиции, но она вскоре вернулась на родину, а он превратился в перекаати-поле,

кочуя их лагеря в лагерь, из штата в штат. Когда в 1940 году он, живя в доме для престарелых в Виктории, подал прошение о натурализации, полицейский написал в донесении: «Он своего рода бродяга, не заботится о себе и часто голодает».⁹⁰ Но безупречная военная карьера Анкудинова перевесила все его правонарушения и в 1941 году он, наконец, был натурализован. К тому времени уже шла вторая мировая война и он успел дважды вступить в Австралийскую армию – возможно, он надеялся повторить лучшие годы своей жизни, годы, проведенные на Западном фронте в качестве русского анзака...

Но прислушаемся к голосам других русских свэгменов, звучащим из архивных документов. «В 1922 году я оставил свидетельство об увольнении в своем свэге на железнодорожной станции в Бабинде в северном Квинсленде и все, что было в моем свэге, кто-то украл», – это Степан **Орлов**, жизнь которого тоже имела много крутых поворотов. Он был тяжело ранен под Ипром в один день с Анкудиновым и эвакуирован в Австралию. В 1918 году Орлов поддержал анти-большевистскую группу Лео **Берка**, несмотря на то, что перед войной он участвовал в сборе пожертвований в помощь политзаключенным в России. Но уже в 1921 году он был в списке русских, требующих репатриации в Россию, поданном Симоновым австралийским властям. Тем не менее в Россию он не вернулся, продолжая бродить по дорогам Квинсленда и Нового Южного Уэльса. В 1947 году, когда он подал прошение на натурализацию, у него все еще не было постоянного адреса и он жил в лагере Лаперуз, под Сиднеем, где в те времена селились бездомные и аборигены.² Генри Джордж **Абрамович**, бывший моряк, промышлявший в Австралии охотой на кроликов, во время первой мировой войны служил санитаром в военном госпитале Колфилд. В 1941 году, когда ему было уже 60 лет, он писал, что потерял свое свидетельство об увольнении «около 10 лет назад с другими бумагами, которые были в моем свэге. В то время я ходил по Виктории в поисках работы».³ Лаури **Маннерман**, награжденный Военной медалью за храбрость в битве за Стразеел, к 1930-м годам обошел весь северный Квинсленд – Рокгемптон, Мандаберра, Таунсвилл, Иннисфейл, Талли, Маланда, – но не терял связь с лигой ветеранов. Когда военное ведомство стало разыскивать его в 1934 году, чтобы вручить медаль, из местного отделения лиги им сообщили, что «Маннерман уже кочует много месяцев».⁴ Александр **Гусаров**, моряк, раненный в ноги во время наступления на линию Гинденбурга в сентябре 1918 года, потерял свидетельство и значок, «работая под Карратулом где-то в 1927 году... в буше во время сильного наводнения». Карратул – небольшой поселок в глубине Нового Южного Уэльса, километрах в 200 на северо-восток от Уогга-Уогга.⁵ Виктор **Миколайчик**, другой бывший моряк, потерял свидетельство в 1925 году «во время лесных пожаров в лагере в Данговане (Н.Ю.У.)», а через несколько лет, когда он вернулся на корабль, его свидетельство снова пропало – на это раз «в море, когда парусник “Бролга” затонул у побережья Виктории».⁶

Некоторые из анзаков вынуждены были стать бродягами в годы депрессии, и история жизни Артура **Кодака**, которую можно восстановить по его редким контактам с властями, рассказывает об этой трагедии. Тяжело раненый под Позьером в грудь и в голову, после возвращения в Сидней он не смог вернуться к своей прежней профессии моряка и стал чернорабочим. В 1931 он женился на австралийке и подал прошение на натурализацию, в котором он писал: «Я верный сторонник лейбористов, но, не будучи натурализованным, я не могу участвовать в выборах... Сейчас я безработный и не могу заплатить ту сумму, которую требует новый закон». В 1920-х годах русских анзаков натурализовали бесплатно, но теперь государство отменило эту льготу и отказалось освободить Кодака от платы. В 1933 году он, все еще безработный, буквально умолял власти: «Я покорнейше прошу федеральное правительство... освободить меня от платы в

знак благодарности за мою военную службу и за тяжелые физические увечья, полученные мною при защите Империи во время войны» – и снова получил отказ. А болезни и безработица тянули его все ниже на дно. Его жизнь приоткрывается вновь через письмо 1937 года, написанное им в государственном госпитале Лидкомба, когда он просит выдать ему дубликаты его военных медалей и свидетельства об увольнении: «Около 15 октября 1936 года я жил в палатке в лагере для безработных Лаперуз; во время внезапного шторма моя палатка и все мои пожитки были разметены торнадо и затянуты в море штормовыми волнами». В следующем письме, благодаря за дубликаты медалей, он сообщает, что лишился их в то время, когда «жил в палатке, ночуя каждую ночь на новом месте». В 1939 году он попросил дубликат значка ветерана, который «был уничтожен во время лесного пожара на равнине Ливерпуль в июле 1938 года». И только в 1943 году, получив более спокойную работу кладовщика на военном предприятии, он смог натурализоваться. Полицейский в своем отчете о нем писал: «Заявитель, как кажется, представляет собой тип хорошего труженика». Через два года он умер – австралийским гражданином.⁷

О жизни русских анзаков, вынужденных после войны кочевать с места на место, можно узнать и из их полицейской регистрации как иностранцев (alien registration). Этой обязательной регистрации по месту жительства подлежали все ненатурализовавшиеся иностранцы с октября 1916 года. При переезде с одного места в другое русские должны были являться в полицейский участок и заполнять учетную карточку. Парадоксально – когда русские были на фронте, им доверяли оружие и жизнь их товарищей, им даже доверяли служить в австралийской военной разведке и в полиции, но как только они ступали на землю Австралии, они снова становились чужими, потенциально подозреваемыми. Более того, унижительной процедуре полицейской регистрации подлежали теперь не только сами русские, но и их жены, родившиеся в Англии или в Австралии.

Одним из тех, о чьих передвижениях можно узнать из полицейской регистрации, был Николай **Силантьев** – один из трех друзей из села Красное Симбирской губернии, за чьей судьбой мы следили на протяжении войны. Из троих только Силантьев вернулся в Австралию. В феврале 1917 года он получил тяжелые ранения правой руки и обеих ног, оставшись на всю жизнь хромым. В конце 1917 года ему выплачивали небольшую пенсию, и он жил в меблированных комнатах в Брисбене. В августе – сентябре 1918 года он присоединился к протесту Лео Берка против большевиков. К этому времени его военные сбережения очевидно закончились и он отправился на север – в Маунт Морган и Рокгемптон, – чтобы подзаработать денег на рубке сахарного тростника. Через два месяца он вернулся в Брисбен, где провел рождественские праздники, а затем, в феврале 1919 года, отправился в Хеленсвейл. Лето 1919-1920 гг. он снова провел в Брисбене и в следующем сезоне отправился в Самсонвейл. В конце года он снова был в Брисбене, а когда праздники и деньги опять закончились, он подался в Кэбултур, на север от Брисбена, где шло строительство железной дороги. Затем он еще раз появился в Брисбене и двинулся на юг, в Кэнангру. К этому времени ему наверняка осточертела такая кочевая жизнь и он подал прошение на разрешение для выезда в Россию; он получил его в 1923 году и вскоре после того покинул Австралию. Передвижения Устина **Гловацкого** тоже имели Брисбен своим центром; на протяжении 1918-1921 гг. он работал корабельным стюардом, на строительстве дорог, поваром и садовником, перемещаясь между Брисбеном, Кулангаттой и Тувумбой. Наконец, в 1927 году он нанялся на корабль, шедший в Лондон. Вскоре он окажется в Польше, недалеко от своей родины – Жабинки под Брестом. Томас **Хабаев** – осетин, прошедший Галлиполи и Западный фронт и тяжело раненый под Булекуртом, между 1918 и 1921 годами был разнорабочим и

рубщиком тростника, кочуя по центральному и северному Квинсленду – Рокгамптон, Арамак, Уинтон, Таунсвилл, Кэрнс, опять Таунсвилл, Галифакс, Иннисфейл и снова Таунсвилл, Моурильян.⁸ Позже он тоже вернется в Россию.

Хотя у нас нет возможности проследить миграции русских после 1921 года, когда полицейская регистрация прекратилась, но несомненно, что некоторые из них вели такой же образ жизни еще многие годы, до тех пор пока были силы. Досье Николая **Румянцева** дает возможность перепрыгнуть на 20 лет вперед, когда регистрация возобновилась, и посмотреть, как идет жизнь одного из таких рабочих. Приехав в Австралию с Дальнего Востока, он был чернорабочим и вступил в армию в апреле 1915 года. Он сражался в Галлиполи и на Западном фронте, будучи дважды ранен (у Мокет Фарм и в Дернанкурте). После увольнения из армии он отправился в район Маккай и работал на постройке железных дорог, кочуя с места на место. К началу второй мировой войны он все еще был в Маккае, и, поскольку он так и не натурализовался, он снова вынужден был уведомлять полицию обо всех своих перемещениях. Его род занятий в это время значится как докер (waterside worker). В 1939 г. он отправляется в Дарвин, затем возвращается в Маккай, Таунсвилл, снова Маккай – и так год за годом.⁹ На его регистрационной карточке – отпечатки пальцев и фотография. С нее смотрит на нас усталый, ушедший в себя человек, как бы говоря «Что ж, снимайте отпечатки пальцев как у преступника, видно, мне суждено до конца жизни быть изгоем...». Последние сведения, которые мне удалось найти о Румянцеве, относятся к его пребыванию в госпитале Добрых Самаритян в Кэрнсе, в 1968 году.

Поскольку сезонные миграции русских в Квинсленде часто имели своим центром Брисбен, там сформировались структуры, обеспечивающие их нужды. На южном берегу реки, в районе улиц Меривейл и Стэнли, – этот район в марте 1919 года подвергнется разгрому австралийскими демобилизованными солдатами во время бунтов красного флага, – и в соседнем районе Вуллунгабба находилось несколько пансионов (boarding house) для русских, зачастую с русскими названиями. Популярными были, например, пансион «Москва» на улице Стэнли (среди постояльцев здесь бывали **Гловацкий** и **Смагин**), пансион «Киев» в Вуллунгаббе (здесь, бывая в Брисбене, останавливался Иосиф **Рудецкий**) и пансион «Аделаида» на улице Стэнли. Но самым известным среди них, настоящим центром русского Брисбена, стал дом Михаила и Анастасии **Степановых** на улице Меривейл. Их дом служил и своеобразным почтовым ящиком для русских. «Вручить через Степанова» часто значилось в адресах, которые они оставляли властям, отправляясь в новые странствия. Сын Степановых Николай служил на Западном фронте шофером. По-соседству находилась мастерская русского сапожника Николая **Шленского** и фруктовый магазин **Шуюпова** (Шленский, как и Шуюпов, пытался вступить в армию, но был отвергнут по медицинским показаниям). В Брисбене Владимир **Лопатин**, который вернулся в Австралию в марте 1916 года после тяжелого ранения в Галлиполи, открыл свой скромный бизнес, организуя для русских экскурсии на моторной лодке на взморье для рыбной ловли и отдыха. Еще одним своеобразным русским центром был рыбный магазин **Почерниковых**, – сначала в Таунсвилле, затем в Ипсвиче и, наконец, под названием «Устричный салон Пять Дорог», в Вуллунгаббе, в Брисбене. Пасынок Фреда Почерникова, Джон **Степанов**, вступил в армию в 17 лет и был дважды ранен на Западном фронте.

Часто только женитьба могла изменить кочевой образ жизни русских. Андрей **Жабинский**, бывший инженер из Борисова, под Минском, был уволен из армии в Лондоне из-за злокачественного заболевания, в 1919 году он вернулся в Австралию после непродолжительной работы в оборонной промышленности в

Англии. Следующие два года он провел передвигаясь между Рокхэмптоном, Маунт Морганом и Бабиндой, скорей всего занимаясь рубкой тростника. О последующих годах сведений нет, но в 1928 году он перебрался в Ньюкасл, где женился на австралийке, у них родилась дочь Клавдия и он начал работать в горнорудной компании как механик. В 1939 году он подал заявление на натурализацию; его подпись, выведенная дрожащей рукой, свидетельствует о том, что он был тяжело болен, но благодаря заботам семьи ему досталось еще несколько лет мирной спокойной жизни и он умер только в 1951 г.¹⁰

Иосиф **Рудецкий** из Сквир, под Киевом, был отправлен в Австралию в 1917 году после тяжелого ранения под Позьером, которое оставило его на всю жизнь с изувеченной рукой. Первые несколько месяцев после демобилизации он провел в Брисбене, а затем отправился рубить тростник на север – Галифакс, Ингем, Таунсвилл. В это время у него быстро развивался туберкулез, которым он заразился, вероятно, во Франции, – непрекращающийся кашель начался еще в сырых окопах на Западном фронте. Но пока были силы, он продолжал работать – формально не было признано, что его заболевание вызвано военной службой и на него не распространялись льготы на лечение, установленные для участников войны. Однако ему, как и нескольким другим русским, повезло на добрых австралийцев. Один из них, медицинский чиновник доктор Мелвилл, принял горячее участие в его судьбе. В официальном отчете он писал: «Если его свидетельства достоверны, а у меня нет оснований сомневаться в них, поскольку на меня произвели большое впечатление и внешний вид этого человека, и то, как он говорит о своей болезни, я считаю, что его туберкулез – результат заражения, полученного в Галлиполи или во Франции, и я рекомендую, чтобы сомнение было разрешено в его пользу». Благодаря поддержке Мелвилла, Рудецкий получил специальное лечение как ветеран в санатории в Станторпе. Немного поправившись, он женился на местной девушке и остался жить под Станторпом в солдатском поселении, где уже жило несколько русских. Позже они переехали на север, в Дэлби. Сухой климат этих мест продлил его жизнь еще на несколько лет, которые были ему так нужны, – в это время у Рудецких уже подрастало пять дочерей. Он умер в 1931 году.¹¹

Другие, как Натан **Краусман** из Бессарабии, приехавший в Австралию еще в 1890 году, не переставали кочевать даже и после женитьбы. У Краусмана были жена и дочь в Сиднее, но его настоящим домом оставался буш. Полицейский инспектор писал: «Он старатель и лесоруб, и работал по всему Новому Южному Уэльсу, Виктории, Квинсленду и Тасмании, и он никогда нигде не задерживался на длительное время». Подав прошение на натурализацию в 1925 году, он не мог правильно заверить свою клятву на верность Британии, объясняя: «Я сейчас нахожусь во внутренних районах страны, охотясь на кроликов» – там, конечно, на сотни миль вокруг некому было заверить его клятву надлежащим образом. Три года спустя, в 1928 году, он умер в Нингане, на северо-западе Нового Южного Уэльса, формально так и не став австралийским гражданином.¹² Альберт Михаил **Тобер** был из того же племени бродяг. Бывший моряк, он был эвакуирован в Австралию с Галлиполи, здесь он женился в 1917 году и имел четырех детей. Но и после женитьбы время от времени он надолго уходил из дома, работая на строительстве различных объектов. Его внучка Джанис рассказывает: «Он был мастер на все руки и работал как механик (строительство плотины Вьянгала), плотник (обшивка кедром помещений в парламенте в Канберре), фермер (новаторские методы выращивания ранних помидоров в теплице с подогревом) среди прочего». Она добавляет: «Он был человеком, который мог взяться за любое дело, и еще он мог очень хорошо готовить. Мой отец проводил с ним много времени, его родители разошлись, и мой дед пошел своим путем – палатка

в буше и все такое, и он взял моего отца с собой, а отцу было тогда лет 14-15. Отец многому научился у него. Они жили где-то на западе Квинсленда и дед сам делал кефир и черный пудинг [ржаной хлеб? – Е.Г.], и самодельные сыры – таких вещей тогда было не купить в магазинах. И мой отец, и я тоже научились делать все эти вещи».¹³

Да, их заплечная котомка называлась теперь свэгом, но они, становясь австралийцами, продолжали нести свою Россию по дорогам Австралии, во все ее уголки...

На австралийском берегу

О послевоенной жизни моряков особенно трудно что-либо узнать. Многие, вероятно, навсегда покинули Австралию вскоре после войны и никаких упоминаний в архивах о них нет. Лишь иногда щелочка в их жизнь приоткрывается через их письма, посланные австралийскому военному ведомству из Сан-Франциско, Нью-Йорка или Лондона с просьбой выслать им потерянное свидетельство об увольнении из армии. И затем они снова исчезают. Но несколько моряков обрели свой дом в Австралии. Об истории жизни одного из них, Джона Августа **Панкова**, белоруса из Либавы (Лиепай), который выжил два года на передовой в качестве пулеметчика, поведал мне его сын, Джон Стюарт Панков.

«Когда отца увольняли из армии, ему предложили частичную пенсию – у него были шрапнельные ранения лица, лба и глаза, а легкие пострадали от отравления газом. Он отказался от пенсии и пошел обратно служить на море. Стоя на вахте за штурвалом, он глубоко дышал: доктор сказал ему, что это может помочь восстановить легкие. Некоторое время спустя его здоровье улучшилось. В конце-концов он добрался до Америки и какое-то время работал с лесорубами на западном побережье в штатах Вашингтон и Орегон. Здесь он освоил крепежно-монтажные работы, что потом пригодилось ему в жизни. Спустя какое-то время он отправился в Ном на Аляске. На их корабле ехал полярный исследователь Роальд Амундсен. Отец с ним познакомился и с восхищением рассказывал, каким простым и принципиальным человеком тот был».

В 1923 Панков решил оставить жизнь моряка и вернулся в Австралию. «Он добрался до Брокен-Хилла и нашел там работу в «морской команде» - откачивать воду из шахты. Здесь он познакомился с парнем из Швеции, который вынужден был покинуть свой дом. Они достали лошадей и отправились верхом через горы Флиндерса на север Южной Австралии. Здесь они нашли временную работу на большой овцеводческой станции Белтана». В этих краях Панков познакомился со своей будущей женой, но к этой истории мы обратимся в одном из следующих очерков. Его сын продолжает: «Опыт работы, который отец приобрел на лесоповале в США и во время службы на парусных кораблях, помог ему найти работу монтажника. В это время как раз строилась новая электростанция в Добой Крик под Брисбеном. Им нужен был монтажник, и отец получил эту работу. Только он начал работать, как бригадир монтажников пошел к главному инженеру и заявил, что он не может работать с этим «Русским Джеком»: «или он должен уйти или я». Тогда инженер посоветовал бригадире получить причитающиеся ему деньги и освободить место, а моего отца поставил бригадиром. Отец говорил, что этот парень или совсем не умел работать или просто ленился». Во время депрессии Панков попытал счастья как старатель, занявшись поисками золота, пока ему не повезло получить работу на лесопилке у братьев Хэнкок в Ипсвиче. «Мой отец работал довольно долго на горе Ключи, занимаясь устройством подвешного пути (flying fox) для вывоза леса из

труднодоступных ущелий. В газете «Острейлиан» была помещена его фотография на вершине 20-метрового голубого эвкалипта, на котором отец закреплял конец подвесного устройства. Около 1936 года братья Хэнкок начали строительство лесопилки в Кэрнсе. Мой отец отправился им помогать, он поехал на полгода, но вместо этого проработал там полтора года. Позже из-за болезни сердца он получил работу сторожа на их лесопилке».

Это была его последняя работа, в 1956 году он умер. Его сын вспоминает: «Во время дежурства у отца произошел сердечный приступ. Его нашли на следующее утро, когда заступила утренняя смена. Он лежал, прижавшись щекой к своей кожаной кепке. Парень с лесопилки говорил мне потом, что они не стали запускать машины в то утро, и над всей лесопилкой царила необычная тишина, а когда его тело вывозили на санитарной машине, включили паровой свисток. Этот парень сказал, что он прозвучал, как последний салют моему отцу».¹⁹¹

Другие бывшие моряки-анзаки, не найдя работы на кораблях, брались за работу в порту. Эдвард **Селтин**, латышский моряк, вступивший в армию под давлением русского консула, после демобилизации работал угольщиком в Сиднее, насыпая уголь в корзины, которые по конвейеру поднимались на корабль. «Это была тяжелая и грязная работа, он приходил домой черный как негр», вспоминает его сын.²

Но даже и такую работу русские анзаки не всегда могли найти в порту. В октябре 1919 г. уже знакомый нам Цезарь **Волковский** жаловался властям, что «ему и еще около дюжине русских, отслуживших в армии, отказано в работе в порту, вследствие того, что судовладельческие компании предпочитают брать на работу австралийцев». Через месяц Иосиф **Клешенко** обратился с тем же к премьер-министру Уильяму Хьюзу: «Я - британский подданный, родившийся в России. Я и еще одиннадцать русских отслужили в армии. Без всяких причин у нас конфисковали наши значки ветеранов... Нам сказали, что у многих австралийцев нет работы, а мы забираем у них их работу. Большинство из нас женаты на австралийках и имеют детей, и несправедливо отказывать в работе нам, воевавшим за короля и империю точно так же, как и австралийцы, и раненым в боях так же как и они, только потому, что мы родились в России. Из-за этого страдают наши австралийские жены и дети. ... Я надеюсь, что Вы поможете нам. Никто нас не слушает. Потому что мы русские. Но мы знаем, что Вы, господин Хьюз, никогда не оставляли диггера [австралийского солдата. – Е.Г.] в беде. Мы верим, что Вы нам поможете».

Инспектор министерства репатриации, которому было поручено рассмотреть эту жалобу, представил следующее объяснение: «Секретарь бюро портовых работ сообщил мне, что русские являются нежелательным элементом вследствие своих большевистских настроений, которые пользуются поддержкой среди портовых рабочих». Несомненно, что работодатели, пытаясь искоренить «красную угрозу», решили сыграть на джингоизме австралийских рабочих, направив недовольство австралийцев на русских, которые, якобы, отбирают у них хлеб. Министерство репатриации планировало даже предоставить русским фронтовикам бесплатный выезд в Россию, но этот план не увенчался успехом.³

Несмотря на все эти трудности, среди австралийских докеров было немало русских анзаков. Во Фремантле работали Владимир **Кроебер** и Денис **Папчук**. Джеймс **Кочура**, попытавший счастья в солдатском поселении Темора, в годы депрессии перебрался в Сидней, а затем в Брисбен, где он перебивался случайной работой в порту. Точно так же Джон **Вагин** в годы депрессии покинул свою ферму под Силквудом в северном Квинсленде и отправился на заработки в качестве докера. Эрнест **Бруттон**, немец из Латвии, пострадавший от газа на западном фронте, вернувшись в Австралию перепробовал много работ – развозил

молоко, работал на каботажных судах, выращивал табак на ферме, рубил сахарный тростник. В конце концов он тоже стал докером в порту Кэрнса. Но по мере того, как годы брали свое, портовые грузчики находили более чистую работу. Эдвард **Селтин** стал трамвайным кондуктором, а потом и сам водил трамвай. Фавст **Леошкевич**, с которым мы встречались не раз в военных главах, был вагоновожатым в Мельбурне, а Цезарь **Волковский**, борец за права рабочих, поработав вагоновожатым, приобрел свое собственное такси. Это, по мнению его племянника Тома, смягчило его радикализм.⁴ Джон **Иванов**, которого мы тоже не раз встречали в военных главах, проработав несколько лет в сиднейском порту, открыл фруктовый магазин, но в годы депрессии переехал в Беровру, здесь он работал на строительстве Тихоокеанского шоссе в горном районе Курингай, освоив управление отбойным молотком.

Еще один бывший моряк, Чарльз **Капуски** (Казимир Цепкаускас) из Литвы, демобилизованный после службы в Галлиполи, перебивался случайными заработками в Перте, к 1931 г. он перебрался в Сидней. К тому времени он был женат и имел троих детей. «Здесь ему пришлось нелегко, - рассказывает его внук Стэн, - но у него были золотые руки. Он смастерил большую тачку и собирал металлолом и всякие вещи на улицах и на свалке, чинил и продавал их. Он сам собирал батареи и радио. После депрессии он работал на канализационных работах, копая канавы на большой глубине - за такую работу расценки были более высокие». В 1937 г. 6-килограммовый молот, оборвавшийся с трехметровой высоты, разбил ему голову. Он провел много месяцев в госпиталях, но так и не поправился полностью и стал работать уборщиком, а тут еще распалась его семья. Стэн лаконично заключает: «Ему пришлось продать почти все свои пожитки, чтобы выжить. Он делал любую работу за кормежку. Его сын Чарльз и брат жены Эд помогали ему деньгами и едой». В 1960 г. Капуски умер.⁵

Ключи к успеху

Накануне первой мировой войны русский писатель Николай **Ильин**, в свободное время от расчистки джунглей на своем участке земли на плато Атертон, в северном Квинсленде, писал в русскую газету в ответ на многочисленные запросы об условиях жизни в Австралии, которые он получал из России: «На общий вопрос: можно ли устроиться в Австралии, существует только один правильный ответ: с энергиею и мозолями - да».⁶ Истории русских анзаков, с которыми мы уже познакомились, за исключением успеха Теофила Волковского, идут в разрез с этим утверждением. Как мы уже видели, до начала первой мировой войны все русские иммигранты - интеллигенты, рабочие и крестьяне - вынуждены были заниматься тяжелым физическим трудом, чтобы выжить. Некоторые даже вступили в армию, движимые безработицей и голодом. Австралия, в которую они вернулись после войны, тоже не была обетованным раем - Чарльз Капуски или Александр Егоров едва могли сводить концы с концами, тяжело работая до конца своих дней.

Для анзаков-интеллигентов пропасть между той работой, которую они выполняли в России, и тем, чем приходилось им заниматься в Австралии, была особенно глубока. Георгий **Плотников** из Екатеринбурга, окончивший Русский технический железнодорожный институт и имевший большой практический опыт работы в качестве инженера, вступил в Австралийскую армию рядовым, уже в 40-летнем возрасте. Он прошел Галлиполи, но под Позьером, на западном фронте, был тяжело ранен в лицо, руку и ногу. В Лондоне ему удалось перейти на работу в Русский правительственный комитет. Через Владивосток он вернулся в Австралию в начале 1918 г., снова вступил в армию и попал на западный фронт во

второй раз. Во время службы его зрение начало быстро портиться, и после демобилизации он оказался в отчаянном положении. Благотворительная организация Альянс короля и империи, пытаясь помочь ему, обратилась в австралийское министерство репатриации в январе 1920 г.: «Министерство репатриации предложило ему работу лесоруба, но из-за ранений, полученных во время войны, он не смог согласиться на эту работу, в результате ему перестали выплачивать прожиточное пособие... Сейчас у него нет денег не только на еду, но и на ночлег, и его ожидают самые мрачные перспективы, так как, после большевистского восстания в Квинсленде в прошлом году, никто не возьмет русского на работу, даже если он и лояльный человек, каким является Плотников». Ответ министерства репатриации не содержал и тени сочувствия: «Наше министерство оказало этому человеку всевозможную поддержку и помощь, но он никогда не доволен тем, что он получает... Мы уверены, что он хочет деньги, а не работу, не проявляя никакого желания помочь самому себе». Это было неверно: Плотников пытался помочь себе. После увольнения из армии он подал заявление на профессиональное обучение в области строительной промышленности в Техническом колледже Рокгемптона, но курс отменили. Он обратился к австралийским властям за разрешением на выезд из Австралии в Сибирь, полагая, что там он «сразу найдет работу по своей специальности гражданского инженера», но ему отказали. Вместо этого министерство репатриации предложило ему «железнодорожный билет, топор, палатку с москитной сеткой и одеяла», с тем, чтобы он отправился на работу в Станторп или в Сесил Плейнс, в Квинсленде.⁷ Плотников, а ему в то время уже шел пятый десяток, отказался от столь «щедрого» предложения, и не удивительно, что в 1923 г., когда русских стали выпускать из страны, он отправился в Россию.

Но не всем русским инженерам в Австралии так не везло, некоторым даже удалось зарегистрировать здесь свои изобретения, среди них были морской инженер Петр **Метсер**, пытавшийся стать русским «небольшевистским» консулом, и Николай **Коцебу**, о котором мы рассказывали в главке «Привет от Teddy Berg'a». Удалось найти чистую работу и Георгию **Камышанскому**, сыну петербургского прокурора. Здоровье Георгия было подорвано в Галлиполи, и он не мог вернуться к своей прежней профессии моряка. В Сиднейском техническом колледже он освоил профессию инженера-электрика и получил работу на телефонной станции. Затем окончил бухгалтерский курс и, сдав экзамены, получил работу в таможенном управлении Сиднея, где он нашел применение своему русскому образованию – он знал французский и немецкий языки.⁸ Джек **Канаев**, отчисленный из армии вследствие недостаточного знания английского, после войны работал электриком, в 1922 г. он проводил электричество в Канберре, а в 1923 г. уехал электрифицировать Фиджи. Василий **Грешнер**, о котором мы уже не раз рассказывали, вернулся после войны в Тасманию, здесь он нашел работу на прокладке телефонных линий, затем он переехал в Мельбурн и в 1929 г. отправился со своей семьей в Новую Гвинею, где работал, прокладывая телефонные и электрические линии в Саламоа, Вау и Рабауле на Новой Британии. Владимир **Лопатин**, тяжело раненный в Галлиполи, стал печатником, Винцент **Ущинский** и Армен **Ровел** стали художниками-декораторами. Аким **Петров**, который потерял ногу после тяжелого ранения в самом начале австралийских боевых действий на западном фронте, когда снаряд попал в целую группу русских солдат 9 батальона, при помощи министерства репатриации получил специальность сапожника, а в 1923 г., выиграв в лотерею £875, решил открыть свой собственный бизнес. Адольф **Дрегер**, тоже потерявший ногу на западном фронте, работал парикмахером и содержал табачный киоск.

В бизнесе преуспели буквально единицы, преимущественно евреи, имевшие соответствующий опыт и до войны. Петр **Комисаров** из Мельбурна торговал оптическими приборами. Давид **Лаковский** (Лейк), - на его сестре, Циле, был женат Джек Канаев, - вступил в армию в 19 лет в подразделение дальнобойной артиллерии. Согласно его племяннице, «после войны он уехал в Америку, заинтересовался кинематографом и сыграл большую роль в деятельности студии “Метро-Голдвин-Майер” в Австралии. В годы депрессии, благодаря его помощи, вся наша семья выжила».⁹ Норман **Майер** вошел в компанию «Майер Эмпориум», которую основали его дяди Сидней и Элкон Майеры. Он начал с должности простого продавца и позже, в интервью 1948 г., рассказывал, что работать под начальством Сиднея Майера было совсем не просто. Но в начале 1950-х годов Норман мог с гордостью сказать: «Я являюсь председателем и управляющим “Майер Эмпориум”, предоставляя работу 10 тысячам человек. В сфере розничной торговли это самое крупное предприятие в Британской империи».¹⁰ Широко известно, что Майеры помогали своим землякам, среди них было и несколько анзаков. В 1930-х годах у них работал Михаил **Немировский**, а Самуил **Ваксман**, польский еврей, обратился к Сиднею Майеру за помощью еще перед войной и получил работу. Его сын вспоминает: «Они говорили друг с другом на идиш, в то время Сидней Майер был вполне доступным человеком». После войны Ваксман открыл магазин модной одежды на Рэндел-Стрит в Аделаиде.¹¹

После войны русских анзаков можно было найти во всех уголках земного шара. Кеннет **Макклеланд** работал в Самараи на Новой Гвинее, Отто **Райсанен**, оставив ферму, в годы депрессии отправился в Новую Зеландию, где работал мясником, Лион **Харлап** открыл велосипедный магазин в Яффе в Палестине, Джордж **Петровский** работал часовщиком-ювелиром во Франции. Несколько анзаков отправились в Китай, где была большая русская община. Николай **Степанов** - о доме Степановых в Брисбене мы уже рассказывали - работал в Харбине в китайской таможне. Вольф **Дорфман**, бежавший из немецкого плена и снова пойманный, после войны занимался в Китае торговлей. Михаил **Клачко**, хирург-пластик, бежавший из Мельбурна со своей будущей женой, дочерью крупного австралийского бизнесмена, преуспел в своей области в Шанхае.

Устин **Гловацкий** в 1927 г. отправился в Лондон и получил работу смотрителя в Англо-польском банке. Вскоре его перевели в Варшавское отделение банка. Здесь он и познакомился со своей будущей женой Стефанией, которая была моложе его на 22 года. Их младшая дочь Барбара рассказывает: «Когда произошел крах на бирже, семья матери пришла в банк просить о займе, им нужны были деньги, чтобы спасти их бизнес. Отец сказал им: “Если вы отдадите замуж за меня свою дочь, я выплачу все ваши долги”. И он сдержал свое обещание. А она уже была помолвлена со студентом. Но она была такой же, как мы все. На первом месте для нее была семья. Она вышла за отца замуж в 1930 г.»¹² Вскоре у них родились старшие дочери Тереза и Ольга. Над Европой уже сгустились грозные тучи войны, но Гловацкие не знали, что судьба уготовила на их долю...

* * *

Рассказывая о непростых послевоенных судьбах анзаков, нельзя забывать и том, что по сравнению с другими иммигрантами они несли двойную ношу – груз физических и психологических ран, полученных ими во время войны, причем последние бывали не менее тяжелы. Карл **Коллат** из Латвии страдал от военных контузий. Уже в мирной жизни он часто уходил из дома и бродил неизвестно где месяцами. А об Устине **Гловацком** рассказывает Барбара, родившаяся уже после войны: «В саду нашего сиднейского дома он копал траншеи. Я не знаю почему. Он посадил много фруктовых деревьев и угощал фруктами всех соседей. И вот

время от времени ему вдруг приходило в голову, что он должен копать траншею. Я помню, как в такие моменты мама посылала меня к нему. Я подходила и говорила «Мама зовет тебя пить чай», а он смотрел на меня и говорил по-русски «Спасибо»».

С этим могли сравниться только физические страдания. Адольф **Мишкинис** из Литвы, раненный под Ипром, выдержал 27 черепных операций и страдал от тяжелых головных болей до конца жизни, так же страдал и Иоханнес **Лембит** из Эстонии. Они мужественно переносили свои страдания. Сын Владимира **Лопатина** рассказывает: «Отец прожил большую часть жизни с одним легким, у него развился туберкулез, он выдержал и это. Да еще он курил как паровоз!»¹³ Но это было больше, чем простая бравада. О героизме Александра **Майко**, носившего кусок шрапнели в груди, рассказала его вдова Флоренс в письме их детям, которое они должны были открыть после ее смерти: «Я только теперь осознала, каким отважным человеком и верным товарищем был ваш отец. Это пришло как озарение, когда я думала о нашей с ним жизни. Меня всегда беспокоило, что он был заядлым курильщиком, и я считала, что это ему очень вредит после его ранения. Он всегда сводил это к шутке и говорил, что курит, чтобы во рту было приятно. И я вспомнила, как однажды он уже лежал в госпитале, а я сидела у его кровати. Он откашлялся с большим количеством мокроты и скривился. И на мое замечание о том, что наверно вкус во рту очень неприятный, он сказал: «Никто никогда не узнает, насколько это противно, и этот вкус никогда не исчезает»... Я не поняла тогда то, что я так ясно осознала теперь. Он курил, чтобы заглушить этот ужасный вкус. Он никогда на это не жаловался, и это был единственный раз, когда он заговорил об этом».¹⁴

Они были мужественны перед лицом страданий и смерти. Алекс **Хилтунен**, финский моряк из Выборга, заразившийся туберкулезом на Галлиполи, после возвращения в Австралию решил не беспокоить добрую миссис Тригг из Порт-Элиота. Он попал к ней в 1910, сбежав с корабля «Соперник»; увидев, что он голоден и может объясняться лишь знаками, она приняла его тогда в свою семью и научила говорить по-английски. Теперь он не хотел стать обузой и пытался продержаться сам, устроившись сторожем в Порт-Пири. Но вскоре все его военные сбережения были растрочены на докторов, а министерство репатриации не давало ему ничего, кроме мизерной пенсии. Только тут он решился обратиться за помощью к своим друзьям в Порт-Элиоте. Узнав где он, миссис Тригг немедленно забрала его к себе и ухаживала за ним до его последнего дня. «Он завоевал уважение и признательность всех, кто знал его», говорилось о нем в некрологе местной газеты.¹⁵

Русские австралийцы

Родной язык

Жизненные пути русских анзаков, с которыми мы уже познакомились, во многом схожи с путями австралийских фронтовиков-ветеранов, но есть в них и разница, неизмеримая, но всегда присутствующая – их русское происхождение.

Пытаясь понять, каково же было быть русским в Австралии в те годы, я обращаюсь к воспоминаниям их детей. Первое, что выдавало русское происхождение их отцов был их язык. Вильям **Деонк** «так никогда и не избавился от своего акцента», вспоминает его дочь. Александр **Майко**, вернувшись в Австралию, мог, согласно его дочери, говорить «только на ломаном английском. Он мог немного писать, я думаю, он научился сам, ведь ни в России, ни в Австралии он не получил образования, всю деловую переписку вела за него моя

мать. О моем брате и обо мне всегда говорили, как о детях, у которых такой странный отец, который не умеет правильно говорить по-английски». Сами дети часто привыкали к акценту своих отцов и до поры до времени не придавали этому значения. Осознание того, что отец говорит не так, как все, иногда приходило неожиданно. Сын **Панкова** вспоминает: «Я заметил его акцент, когда мне однажды пришлось говорить с ним по телефону». Такое же открытие сделал и сын Фавста **Леошкевича**: «Как-то я с ним говорил по телефону, это было давным-давно, вскоре после второй мировой войны, и я ему закричал “Папа! Ведь у тебя акцент как у этих чертовых новых австралийцев!” Его акцент был особенно слышен по телефону, я не знаю почему».⁹²

Выбор английского языка как единственного языка общения в семье принимался русскими анзаками безоговорочно. В годы между первой и второй мировыми войнами у многих из них, особенно у тех, кто жил вдали от крупных городов, не было условий для общения со своими земляками. Женитьба на англичанках или австралийках и появление детей способствовали дальнейшей ассимиляции. «Жена научила его говорить по-английски», – вспоминает семья Альберта **Тобера**. Даже в тех редких случаях, когда анзаки женились на своих бывших соотечественницах, в семье предпочитали говорить по-английски, как это произошло, например, в семье Дрегеров. Эрнест **Дрегер**, латышский немец, женился на Саре, еврейке из Латвии, и, по словам их дочери, хотя он говорил на латышском, немецком, французском и английском, он настоял на том, чтобы все в семье говорили только по-английски». Сходная ситуация была и в семье его брата Адольфа **Драгера**, который «никогда не рассказывал своей семье о своей юности в Риге и утверждал, что он забыл свой родной язык». Йоханнес **Лембит** после войны вернулся в Эстонию, женился там и в 1926 приехал в Австралию с женой и сыном Валдеком, который вспоминает: «Когда мы поселились в Австралии, у нас было несколько друзей-эстонцев, но мои родители хотели ассимилироваться и старались говорить как можно больше по-английски. Я совсем не знаю эстонского».²

Сын латыша Теда **Селтина** рассказывает о сложном процессе ассимиляции. «Отец натурализовался в 1926 году и решил держаться подальше от своих земляков, за исключением нескольких человек, которых он хорошо знал. Он, так сказать, хотел стать австралийцем, а не иностранцем в Австралии. Иногда это было совсем не просто. Его выдавала его внешность – он был русский с голубыми глазами, да еще говорил с акцентом. Сразу было ясно, что он не стопроцентный австралиец, но он выдержал предвзятое отношение к себе и старался быть австралийцем, насколько мог».³ Теофил **Волковский**, семья которого тоже испытала на себе предвзятое отношение, имел сходное отношение к ассимиляции: «Отец не учил нас русскому языку, я знаю всего полдюжины русских слов. Он говорил, что русский нам никогда не пригодится, он нам не нужен. Он говорил “Вы австралийцы, так и будьте австралийцами” – это была его твердая позиция. Если говорить об ассимиляции, то трудно было бы найти пример лучший, чем наш отец, но все-таки у него оставался акцент».⁴

Стремление полностью перейти на английский язык привело к тому, что некоторые из анзаков действительно забыли свой родной язык (ведь многие из них покинули Россию еще в юности). Тед Селтин говорил сыну, что он теперь даже думает по-английски. А вот Джек **Иванов**, его друг, хотя и забыл свой родной язык, но так и не освоил в совершенстве английский. Дети Александра **Егорова** вспоминают, как они обнаружили, что их отец забыл русский. Однажды, узнав, что Егоров русский, к ним в дом в Пламптоне зашел русский парикмахер. «Он остановился на одну ночь и Александр приготовил для него обед. Парикмахер стал говорить с ним по-русски, но Александр не мог понять

некоторые слова и попросил его говорить по-английски. Он понял, что забыл свой родной язык. Это было примерно в 1930 году».⁵

Василий **Грешнер**, напротив, сохранил свой русский язык благодаря тому, что он жил в русской семье. Поселившись в Мельбурне, он женился на русской женщине Лене Студилиной. Она приехала в Австралию с родителями, когда ей было 8 лет, ее отец был рабочим-медником. Ее первым мужем был тоже русский, и двое старших детей от первого брака немного говорили по-русски, особенно благодаря тому, что в доме у бабушки и дедушки это был основной язык общения. Но сын Лены и Василия Алекс, родившийся в 1941 г., уже совсем не знал русского языка. Дружба Василия Грешнера с Фавстом Леошкевичем, начавшаяся на «Гунде», сохранилась на протяжении всей жизни. Леон Леошкевич помнит, как он ходил со своим отцом в гости к «дяде Василию и тете Лене»: «Как они замечательно спорили по-русски! Я любил слушать их русские споры, обычно о политике. А потом неожиданно в их разговор вплетались английские слова, я так и не знаю, почему они прибегали к английскому – то ли они забыли русский, то ли английский казался им более выразительным».⁶

Семья

Женитьба на русских женщинах могла бы помочь сохранить русскую культуру в семье, но для большинства анзаков это оказалось невозможным. В начале 1920-х годов среди российских иммигрантов (за исключением евреев) преобладали мужчины, всего лишь несколько человек смогли найти себе жен из России. Николай **Тупиков** женился на русской девушке, происходившей из семьи приволжских немцев. Джордж **Секачев** женился на Люси Ущинской, сестре Винцента **Ущинского**, другого анзака. На танцах в русском клубе в Сиднее Джек **Канаев** познакомился с очаровательной Цилей **Лаковской** из Одессы, два ее брата тоже были анзаками. Николай **Степанов** нашел свою русскую жену в Китае, куда он перебрался. Евреям-анзакам, благодаря тому, что еврейская община была большой и в ней было много женщин, легче было находить жен и сохранять еврейские традиции. Но и здесь ассимиляция шла быстрым ходом, и английский был единственным языком общения.

Вообще же на удивление много русских анзаков женилось на австралийках вскоре после демобилизации. Около десятка из них, отправленных в Австралию с фронта после ранений, женились на австралийках еще до окончания войны, другие женились вскоре после демобилизации. Как и в Англии, их невестами часто становились медсестры, заботившиеся о них в госпиталях. Они не боялись выйти замуж за этих бездомных чужестранцев и вместе с ними строить дом; и они научились лечить не только физические, но и душевные раны. Джордж **Камышанский**, кочевавший после возвращения в Австралию по госпиталям и военным санаториям до 1921 года, женился на медсестре Джейн Смит, которая тоже была на фронте. Джон **Овчаренко** после войны служил в торговом флоте и, попав в военный госпиталь, познакомился с медсестрой Дорис, которая стала его женой. В госпитале познакомился со своей будущей женой и Адольф **Мишкинис**.

Дети анзаков редко могут рассказать о том, как сошлись эти два разных мира – их русских отцов и местных австралийских женщин, и рассказ сына Теофила **Волковского** о такой дружбе, начавшейся в госпитале, особенно интересен. «Она была помощницей медсестры, но происходила из состоятельной семьи овцеводов. Ее звали мисс Урсула Бартон. Она была очень культурной, получила прекрасное образование. Они с отцом стали настоящими друзьями, распознав друг в друге образованных людей со сходными интересами к музыке и искусству. Отец в то время был атеистом. В детстве он пел в церковном хоре, но

суть христианства для него так и не раскрылась. А потом все эти разговоры об эволюции, все, что он читал, Достоевский и Толстой – все это увело его от христианства. Беседы с мисс Бартон помогли отцу восстановить пошатнувшуюся веру. С того времени он стал интересоваться духовными вещами и снова поверил в Бога и в его силы. Их дружба продолжалась до конца жизни». Эта дружба помогла Волковскому не только вернуться к христианству, но и принять ценности австралийского общества. В 1928 году он женился на медсестре из Сиднейского госпиталя Тельме. «Ей было в то время 33 года, – продолжает сын, – а отцу – 44. Они поженились, и он привез маму в Кобар. Это был страшный шок для нее, ведь она всю жизнь была горожанкой».⁷

Воспоминания сына Джона **Панкова** рассказывают об истории еще одной любви. «Когда мой отец работал на овцеводческой станции Белтана в Южной Австралии, во время несчастного случая у него открылось военное ранение на лбу. А в это время, в 1922-1924 гг., моя мать работала медсестрой в системе медицинского обслуживания отдаленных районов Австралии [ныне – «Летающий доктор» – Е.Г.]. Отца привезли туда для лечения и там они познакомились. Вскоре после этого она вернулась в Брисбен и работала в госпитале для детей из отдаленных поселений. Отец отправился туда следом за ней, нашел работу на электростанции и у них начался роман. 5 ноября 1925 года отец попросил на работе, чтобы его отпустили пораньше, т.к. вечером в этот день он собирался жениться. Когда он вернулся в пансион, где он жил, хозяйка спросила, почему он сегодня вернулся так рано, и отец ответил, что он сегодня женится и спросил, может ли он пожить в пансионе со своей женой, пока они не найдут другое жилье. Пока отец и мать расписывались, хозяйка пансиона накрыла стол и приготовила сэндвичи для свадебного ужина моих родителей».⁸ Потеряв родину и семью, не имея ни кола, ни двора, эти русские меньше всего думали о мещанской свадьбе «по всем правилам», да и не могли ее себе позволить. Может быть поэтому свадебные сэндвичи доброй австралийки почти 80 лет спустя все еще помнят в их семье...

В нескольких случаях русские анзаки женились на подругах, вдовах или сестрах своих сослуживцев. Такова история латыша Карла **Коллата**. Его внук прислал мне фотографию Карла с лучшим другом, который, согласно семейному преданию, «ухаживал за девушкой по имени Элис Мэри Пенман (к сожалению, никто теперь не помнит его имени). Этот друг погиб в бою. Когда Карл Коллат вернулся с войны, он разыскал невесту своего друга, чтобы рассказать ей о его гибели. Но потом они, должно быть, оставили прошлое прошлому, потому что они поженились и стали моими бабушкой и дедушкой».⁹ Фотография Коллата и его друга оказалась на обложке моей книги «Русские анзаки». Мы так и не знаем, был этот юноша, павший на поле боя, русским или австралийцем, да это и не так важно. Прежде всего он был другом.

«Лица русской национальности»

Ассимиляция русских анзаков имела много причин. После войны россияне, особенно этнические русские, оказались практически полностью отрезаны от каких-либо контактов со своей родиной и оставшимися там семьями. После революции и выхода России из войны Австралия прекратила с ней почтовую связь, и хотя формально связь в последующие годы была восстановлена, жителям Австралии и особенно жителям Советского Союза было опасно переписываться. Такое положение продолжалось практически до перестройки и во многом определило отношение русских анзаков к своему русскому прошлому.

Родные большинства русских анзаков, погибших в бою, даже не получали извещений об их смерти, не говоря уже об их наградах и пенсиях. Их боевые медали так и хранятся в австралийском военном ведомстве с пометкой «родственников разыскать невозможно». До революции это происходило вследствие отсутствия точного почтового адреса в аттестационных документах русских, а после революции – вследствие прекращения почтового сообщения и разрыва дипломатических связей. Со временем лишь семьи погибших финнов и прибалтов смогли вступить в контакт с австралийским военным ведомством через британские консульства.

Русские анзаки, возвратившиеся после войны в Австралию, пытались разыскать своих родных в России, но обычно безуспешно. Кровавый хаос первой мировой и гражданской войн, территориальных переделов, а затем раскулачивания и репрессий, прошедший по территории бывшей Российской Империи, сделал поиски родных особенно трудными. Петр **Стерлецкий** «пытался всеми способами разыскать своих родных в Сибири, но не смог», вспоминает его дочь. Братья **Дрегер/Драгер** из Латвии в течение многих лет через Красный Крест пытались найти своих родителей, пропавших во время революции. Даже те, кто не утратил контакт с семьей, – например, Джон **Вагин** переписывался со своими родными из Войново под Владимиром некоторое время после революции, – должны были прекратить переписку. Сын Александра **Егорова** вспоминает, что его отец «перестал переписываться со своими родными в России, потому что он боялся, что они могут пострадать из-за этого». О том же говорит Том **Волковский**: «Отец посылал деньги своей семье даже при большевиках, и потом выяснилось, что это принесло им много бед».¹⁰

Для сохранения русского самосознания анзакам нужна была русская община или хотя бы русские друзья, но время для этого было самое неподходящее. После революции самая крупная организация россиян – Союз российских рабочих (известный в англоязычной литературе также как Русская Ассоциация) – разрушился из-за фракционной борьбы и возвращения части его членов в Россию (исход начался еще в мае 1917 г., после февральской революции). Окончательный удар по Союзу нанесло участие его членов в брисбенской демонстрации под красным знаменем в марте 1919 и последующий разгром его помещения австралийскими ветеранами. После этого Союз так и не смог восстановить свой массовый характер (во время войны в него входили сотни россиян). Организации, которые выросли на его руинах, – Коммунистическая партия Австралии, Общество технической помощи Советской России и Союз русских рабочих-коммунистов, – носили узко идеологический характер.

Хотя формально Австралия и не запрещала объединений на этнической почве, в действительности членство в такой организации могло привести к тому, что человек оказывался зачисленным в «черный список». Достаточно заглянуть в дела о натурализации русских. Согласно анкете, полицейский, интервьюировавший кандидата на натурализацию, должен был установить, признается ли он русским своими компатриотами. Точно такой же вопрос применялся и к лицам других национальностей, он был включен в анкету для того, чтобы убедиться в национальной принадлежности кандидата, ведь часто у иммигрантов не было никаких документов, свидетельствующих об их происхождении. Этот вопрос отнюдь не касался политических симпатий кандидата на натурализацию, но перед русскими и тут возникала дилемма. С одной стороны, полицейский должен был убедиться, что перед ним русский, которого другие русские считают таковым, но, с другой стороны, неписанным желательным условием было, чтобы он не являлся с другими русскими и – а это уже входило в требования – не принадлежал к русским организациям. В целом

полицейские относились к русским анзакам с симпатией и с готовностью свидетельствовали, что кандидат, хотя и «несомненно русский», «не общается в местными русским» (Тарасов), «не общается с лицами русской национальности» (Александров), «не имеет контактов с компатриотами» (Робинский), «никак не связан с другими русскими, работающими с ним на строительстве железной дороги» (Хамалайнен), «не является членом какой бы то ни было русской ассоциации» (Дамбелис, Иванов, Родионов, Лембит и многие другие).

Полицейские отчеты, впрочем, не всегда соответствовали действительности. Например, полицейский свидетельствовал, что **Леошкевич** «общается только с австралийцами», хотя его сын вспоминает: «У нас было много русских знакомых, дядя такой-то, тетя такая-то – в районах Вильямстоун и Ньюпорт под Мельбурном, где мы жили, было много русских». Связь с русской общиной – «группа русских, все хорошие друзья» – была, например, очень важной для семьи **Аверковых**, старший сын которых погиб на Западном фронте, и для некоторых других русских, особенно в Квинсленде.¹¹

Другие, как **Егоров** и **Рудецкий**, женившись на австралийках и занявшись фермерством, ограничивались контактами лишь с парой русских. Несколько анзаков поддерживали связи с другими ветеранами, например **Селтин** и **Иванов**, **Сулковский** и **Калашников**. Некоторые совсем прекратили контакты с русскими. «Нет, он ушел от всего этого», – убеждена дочь Вильяма **Деонка**; «он оставил все это позади», вторит ей сын Владимира **Лопатина**.¹²

Сходные процессы происходили и в позиции россиян не русского происхождения. Лишь единицы среди них не отказывались от своего русского культурного наследия. Например, латыш Ян **Розинг** шутя называл своего сына «Иван Иванович» и общался и с русскими, и с латышами, другие, напротив, всячески стремились отмежеваться от «русских». Это и понятно – ведь в послевоенной Австралии уроженцы Российской империи, вне зависимости от их этнического происхождения, общественным сознанием воспринимались как русские, а русские неразрывно ассоциировались с большевиками. Так, например, евреи, родившиеся в России, заполняя анкеты для натурализации, в графе национальность указывали «еврей» или «русский еврей», хотя информация, которая требовалась, касалась их национального статуса, а не этнического происхождения. Уроженцы прибалтийских и западных губерний (в том числе и этнические русские) при натурализации указывали свой национальный статус как поляки, эстонцы, латыши или литовцы, а не русские, что формально было неверно. Австралийские власти часто возвращали им анкеты с требованием исправить их национальность на «русский». Александр **Майко**, подавая документы на натурализацию в 1920 году, указал местом своего рождения Польшу. Его семья узнала об этом только недавно: «Ведь он всегда говорил, что он русский и говорил по-русски. Мы просто были потрясены, когда прочитали в документах о его натурализации, что он поляк».¹³ В действительности Майко был белорусом из-под Минска, и его деревня Затитова Слобода всегда находилась в составе Белоруссии.

Александр Майко был православным и принадлежал к числу тех немногих среди анзаков, кто посещал церковь. «Он не забыл свою веру. На Пасху он обычно ходил в Петропавловский собор в Стратсфилде. Перед смертью он попросил, чтобы его причастили, и к нему в госпиталь пришел священник со святыми дарами», вспоминают его дети. В целом же русская православная церковь, учрежденная в Брисбене и Сиднее усилиями «белых русских», как называли здесь иммигрантов, приехавших в Австралию после революции и гражданской войны, и сыгравшая важную роль в консолидации русской общины, не оказала аналогичного влияния на русских анзаков, утративших связь с ней еще

перед войной. Сходные процессы происходили и среди лютеран, как показывает пример **Селтина**. «В документах он всегда указывал свою религию как “С. of Е.” [англиканская церковь – Е.Г.], но мне он говорил, что был воспитан в Латвии как лютеранин. Религия интересовала его меньше всего на свете. Он никогда не ходил в церковь, и даже брак его был зарегистрирован только гражданскими властями».¹⁴

Белые и красные

Русских, живших в Австралии между первой и второй мировыми войнами, часто разделяют на два лагеря – «белых» и «красных». Еще в 1959 году журналист Виктор Маевский, побывавший в Брисбене, наблюдал эти два непримиримых лагеря. Красными русскими считались те, кто приехал в Австралию до революции и от ассоциации с которыми новоприбывшие белые русские стремились всячески отмежеваться. Формально русские анзаки оказались в стане красных. Действительность была гораздо сложнее.

Австралийские ветераны, «диггеры», стоят у колыбели австралийского национального самосознания и австралийского национализма, являясь одной из самых консервативных сил в обществе. Это поставило русских анзаков в сложное положение. Пройдя войну и став частью австралийского фронтового братства, они с готовностью приняли доктрину австралийского национализма. Проблема состояла в том, что одним из основополагающих камней этого национализма был антирадикализм, а послереволюционная Россия – их родина – и «русские» стали олицетворением радикализма, против которого выступали диггеры. Это поставило русских анзаков не просто перед выбором между радикализмом и консерватизмом, а перед трагическим выбором между приверженностью своей родине и отмежеванием от нее. Логика австралийцев, напуганных «красной чумой», была простая – если ты не отмежевался от России и русских, то ты и сам радикал. Здесь было не место для таких сантиментов как любовь к родине и к русской культуре...

Не удивительно, что общей тенденцией среди русских анзаков стал выбор в пользу австралийского национализма. По существу многие из них были самой консервативной и антибольшевистской силой среди и красных, и белых русских. Но путь к этому был не прост. Адольф **Мишкинис** «отнюдь не испытывал симпатии к СССР, будучи настроен очень антикоммунистически», вспоминает его сын. Сходные чувства испытывал и Николай **Коротков** – его сын рассказывает: «Когда отец напивался, он, бывало, вернувшись домой, усаживался на своей кровати на веранде и поливал грязью большевиков, “эти чертовы большевики лезут”, бормотал он».⁹³ Заметим, что, по иронии судьбы, австралийские службы безопасности числили Короткова коммунистом, но этот ложный донос относился к 1919 году, когда он рубил сахарный тростник на севере Квинсленда. Осуждая большевиков, некоторые из анзаков все же не отрекались от своей любви к родине. Ян **Розинг**, рассказывает его сын, «всегда очень хорошо отзывался о России и любил ее... Он всегда называл ее “матушка Россия”».² Хотя и латыш, он много ездил по России, бывал в Сибири и навсегда сохранил любовь к земле своей юности.

Некоторые из анзаков не могли полностью отказаться от демократических, антимонархических идеалов своей юности. Тед **Селтин** и Петр **Комисаров** «с интересом следили за развитием СССР». «Он не был коммунистом, но был социалистом, – рассказывает дочь Комисарова. – Я думаю, Сталин в конце концов его вылечил». В полицейском отчете о нем говорилось, что его прогрессивные политические взгляды не противоречат идеалам австралийского общества и

подчеркивалось, что он «не является членом коммунистической партии». Комисаров активно работал на благо еврейских организаций в Австралии и был активным членом лейбористской партии. Селтин, рассказывает его сын, «относился к СССР вполне терпимо. Он читал все эти журналы с фотографиями украинских девушек, сгребаящих сено и поющих песни, тракторов и всего такого. Он верил, что советская система дала трудящимся жизнь лучшую, чем та, что была до революции... Он поддерживал австралийское профсоюзное движение, и в этом отношении он был настоящим австралийцем-рабочим. Он голосовал за лейбористов и терпеть не мог мировой капитализм... Он очень интересовался политикой, но сам ни в какие партии не вступал».³

Интерес к австралийской политической жизни и участие в профсоюзном движении были важными вехами на пути русского принятия Австралии как своей собственной страны. Некоторые из приверженцев радикальных взглядов со временем смягчали свои воззрения и включались в австралийскую общественную жизнь. Например, братья **Тупиковы** вначале разделяли социально-демократические позиции Русской ассоциации, но постепенно их взгляды изменились. В 1924 г. Николай Тупиков был библиотекарем русской ячейки Ипсвичского отдела коммунистической партии Австралии, но его дети помнят, что к 1930-м годам семья уже участвовала в разных областях общественной жизни в Ипсвиче. «Отец вступил в Лигу ветеранов, на протяжении многих лет он организовывал еженедельные турниры карточной игры... Он очень интересовался профсоюзным движением, а мать была в дамском комитете в Лиге ветеранов. Она также помогала с суповой кухней в годы депрессии».⁴

Устин **Гловацкий** «по воскресеньям обычно ходил на Домейн, – рассказывает его дочь о жизни в Сиднее после второй мировой войны. – Он никогда не забывал о политике. Он не был социалистом, но верил в право человека на свободу. Он был близко связан с лейбористами и профсоюзным движением и всегда голосовал за лейбористов. Нам казалось это довольно странным, потому что у него на стене висела фотография царской семьи и в то же время он голосовал за лейбористов. Моя мать вбивала нам в голову, что лейбористы это те же коммунисты, она всегда голосовала за либералов. И каждый раз перед выборами мы, трое детей, должны были сидеть под грушей в саду, пока родители спорили».⁵ Павел **Кирвалидзе** был еще одним убежденным приверженцем лейбористов. Застрыв в России после революции, он чудом вырвался из застенков Чека в 1924 г. и, добравшись до Австралии, работал докером в Квинсленде. Он «активно участвовал в работе Маккайского отделения лейбористской партии». Когда у него возникли проблемы при натурализации, в его поддержку выступили члены парламента и профсоюзные лидеры. Письмо одного из профсоюзных деятелей в его поддержку начиналось так: «Может быть ты припомнишь большого русского по имени Пол...».⁶

Возможно самая интересная трансформация произошла с Теофилом **Волковским**. В юности он увлекался радикальными социальными идеями и вследствие этого даже попал под подозрение в австралийской армии. Когда судьба занесла его в Кобар, и «он познакомился там с профсоюзными деятелями и увидел, как они действуют и ведут себя, он глубоко разочаровался, – рассказывает его сын. – Он был идеалистом. В конце концов он стал убежденным приверженцем английского монарха, и в таком же патриотическом духе воспитал и нас, детей. Он всегда голосовал за либералов. Он часто писал в газеты о всяких проблемах, часто он обращался то к одному, то к другому министру. Он основал Ассоциацию западных поселенцев. Он долго боролся за создание средней школы в Кобаре, а когда это удалось – за создание интерната при школе для детей фермеров».⁷

Возвращение на родину

Во время службы в армии буквально единицы среди анзаков стояли на откровенно радикальных позициях, да и радикализм их был связан чаще всего с антивоенными настроениями, а не с идеями большевизма. По иронии судьбы уже после возвращения в Австралию русские столкнулись с проблемами, вынудившими их прислушаться к пропаганде большевиков. Взрыв антирусских настроений, последовавший за большевистской революцией и «бунтами» красного флага в марте 1919 г. (напомню, что это были погромы русских австралийскими фронтовиками, а не бунты самих русских), безработица, общая неустроенность и одиночество – все это заставляло русских анзаков чувствовать себя изгоями в Австралии. Не удивительно, что некоторые из них начали подумывать о возвращении на родину, несмотря на сообщения в австралийской печати о зверствах большевиков. В 1918-1921 годах желание покинуть негостеприимную Австралию охватило многих русских. **Симонов**, советский консул, не признанный Австралией, представил австралийскому правительству список русских, желавших репатриироваться. Он включал 600 человек, среди которых было и несколько десятков русских анзаков и членов их семей. Среди них только единицы (Родионов, Силантьев, Сологуб) возвращались в Россию для воссоединения со своими женами и детьми. Большинство, как кажется, хотели покинуть Австралию прежде всего из-за тяжелых условий жизни в ней. Среди желавших выехать была мать погибшего Вильяма **Аверкова**, – вдова с шестью детьми, которая не могла выжить на пенсию, получаемую от австралийского правительства. Среди анзаков только семь человек из списка Симонова получили разрешение на выезд, причем двое из них – Лузгин и Снеговой – в последний момент раздумали ехать в Россию и остались в Харбине, а затем вернулись в Австралию. Еще около десятка анзаков, не попавших в список Симонова, пытались вернуться в Россию с помощью других ведомств (часто им помогали военные власти). Некоторые из них были в таком же положении, как инженер Плотников, о котором я рассказывала в предыдущих очерках: страдая от ран, они не могли найти в Австралии ничего, кроме тяжелой физической работы и надеялись, что в России им удастся устроиться лучше. Алексей **Тупиков**, тяжело раненный под Мессиной, писал в министерство репатриации в апреле 1918 года: «Я не могу найти здесь легкую работу, а мои родные находятся в России. Работа, которую я сейчас выполняю в Ипсвичском железнодорожном депо, мне не по силам». Он хотел отправиться на родину, в Самару, надеясь найти там более легкую работу в конторе или на ферме с помощью своих друзей. Министерство отказало ему в просьбе на том основании, что он «хочет поехать в страну, которая заключила мир с врагом».⁸

Истории тех, кто сумел добраться до России, чтобы навестить родных или остаться там навсегда, в большинстве своем остаются нерассказанными. Иногда удается узнать лишь отдельные факты и по ним предположить, что же испытали русские анзаки, вернувшись на родину. Михаил **Борисов**, карел, был тяжело ранен под Мокет Фарм и провел много месяцев в госпиталях. Спустя несколько месяцев после возвращения в Западную Австралию и увольнения из армии в октябре 1917 г., он обратился к военным властям с просьбой о годовом отпуске и бесплатном проезде в Россию, «чтобы поправить здоровье». Поскольку он уже не состоял в армии, военное ведомство ничем ему не помогло. В 1920 г. он был натурализован. Следующий документ в его деле относится к октябрю 1923 г. К этому времени он болен и живет в доме для престарелых Армии Спасения в Виктории. Он просит выдать ему дубликаты его боевых медалей, которые были конфискованы советскими властями, «когда он покидал место заключения в

Чите» в мае 1923 г. Можно только гадать, какие испытания вынес этот больной человек и как он сумел вырваться из лап Чека.⁹ Еще менее известно, что случилось с семьей Бекзы **Гасиева**. Это был осетин, женатый на русской женщине Дуне Лопасовой. В Австралии у них родилось двое детей, и в 1920-х годах они выехали в Россию. В 1934 г. их сын Петр Гасиев обратился к австралийским властям, бежав из России и находясь в бедственном положении в Индии.¹⁰ К сожалению, пока не удалось ничего узнать о злоключениях Гасиевых и их дальнейшей судьбе.

Мало что известно об испытаниях Николая **Степанова**, его родителей, брата и сестер, которые вернулись в Россию в феврале 1921 г., продав свой знаменитый брисбенский пансион – центр русской общины на улице Стэнли – за 300 фунтов. Формально они, как и бедолага Борисов, ехали в Россию, чтобы «поправить здоровье», в действительности же они выполняли свою давнюю заветную мечту – вернуться на родину, свободную от царизма. Два года спустя мечта развеялась, как дым. Михаил Степанов, отец анзака Николая и патриарх русской колонии в Брисбене, умер в Москве в марте 1923 г., а его жена и дочь «подверглись там тяжелым испытаниям», говорилось в донесении австралийских служб безопасности. Степановы бежали в Китай, «с большим трудом, только благодаря тому, что они были британскими подданными, они смогли добраться до Харбина, разутые и раздетые». Николай решил остаться в Китае, а остальная часть семьи вернулась в Австралию. В Китае Николай завел семью, работая в торговых фирмах. В 1929 г. он попытался продлить свой британский паспорт, но не тут-то было. Степановы уже давно были на черном счету у австралийских властей, и вместо продления паспорта натурализация Николая была аннулирована без всякого предупреждения, несмотря на то, что он вырос в Австралии, воевал за нее и большая часть его семьи жила там. Не помогло и обращение Николая к австралийским властям, в котором он писал о своей «искренней привязанности... к моей новой родине, солнечной Австралии». Только 11 лет спустя, в 1941 году, ему наконец-то удалось вернуться в Австралию.¹¹

Побывал в России и Луис **Бродский**, приверженец идей социальной справедливости. Он был секретарем австралийско-русского торгового комитета и в 1924 г. отправился в Австралию через Лондон. Здесь он был задержан Скотланд Ярдом, но все-таки добрался до России. О своих приключениях в России он не рассказывал, известно лишь, что все его документы там были конфискованы. В конце концов он вернулся в Австралию к своей семье. Несмотря на все, до самой смерти в его сердце жила мечта – когда-нибудь вернуться на родину со своей семьей.

Кто твой отец?

Василий **Грешнер** был, вероятно, единственным, кто написал воспоминания о своем пребывании в России в 1930-х годах. С 1929 г. он работал в Новой Гвинее, прокладывая там линии электропередач, а в 1932 г. отправился в Россию, чтобы повидать мать и родных. Напомню, что он был сыном начальника нижегородского охранного отделения, убитого эсерами в 1904 г. Опасаясь повредить своей семье, он умолчал о своем происхождении и въехал в Россию по специальной визе, выдававшейся иностранным специалистам, желавшим работать в советской России. Как только он сошел с корабля в Ленинграде, ОГПУ (предшественник КГБ) арестовало его и подвергло допросу. «Я решил не показывать им своего страха, – пишет он в воспоминаниях. – Чтобы вырваться на свободу, я должен был притвориться сторонником коммунизма. Я хотел познакомиться с Россией любой ценой, но отнюдь не из-за решетки». Чтобы

убедить ОГПУшников в своей благонадежности, ему пришлось «сочинить историю» о своем происхождении и мытарствах в Австралии. Он бравировал своей дружбой с Зузенко, с которым в действительности был едва знаком. Зузенко в то время пользовался доверием советских властей. Моряк-дезертир, активный участник русских выступлений под красным флагом, он был депортирован из Австралии, но поддерживал с ней связь. В 1938 г., во время большого террора, он был расстрелян. Грешнеру удалось переиграть следователя, и в конце концов его выпустили. «Друзья считали меня сумасшедшим, – пишет он, – они говорили, что теперь я меченый, что даже мой иностранный паспорт не спасет меня, если органы дознаются, кем был мой отец».

Добравшись до Москвы, он нашел свою мать и родных в бедственном положении. Решив прежде всего материально помочь им, он устроился работать на предприятие под Москвой. Этот опыт помог ему разобраться в том, каково действительно жилось рабочим в стране социализма и как ловко манипулировала коммунистическая пропаганда общественным мнением на Западе. ОГПУ не оставляло его, но Грешнер, тонкий и проницательный игрок, затеял с ними в игру в кошки-мышки, «подружившись» с агентом, который следил за ним. И тут он узнал о строительстве нового золотопромышленного предприятия в Сибири. Не долго думая, он завербовался туда как специалист-техник и поехал в сопровождении своего брата Святослава и «друга»-ОГПУшника. Сделал ли он это ради заработка, или для дальнейшего знакомства с советской Россией, или для того, чтобы еще раз испытать себя? Пожалуй – для всего сразу. Предприятие строилось в неосвоенных краях, за Семипалатинском. Грешнер проработал там несколько месяцев, ощущая, как кольцо вокруг него все туже сжимается, – специалистов, работавших рядом с ним, арестовывали одного за другим. В конце концов он решил, что пора возвращаться домой, в Австралию. Его арестовали, когда он ехал в санях по замерзшему Иртышу, направляясь в Барнаул для получения визы. Арестовал его «товарищ С.» Этот товарищ С. тоже был одним из новоиспеченных «друзей» Грешнера, пасших его на предприятии. Его отвезли обратно в Семипалатинск и посадили в тюрьму.

Описание психологического поединка Грешнера с его следователем принадлежит к самым сильным страницам его воспоминаний. Его заставили дать полный отчет о своей жизни и рассказать о своем отце. Не зная, что известно следователю, Грешнер выдал своего отца за военного врача, так и не сказав правды. А ОГПУ вело с ним свою игру – неожиданно его выпустили и направили работать на местный мясоперерабатывающий комбинат, надеясь, что он будет работать на органы. Во время очередного посещения Семипалатинского ОГПУ Грешнер наткнулся там на своего давешнего «друга», товарища С., который временно заменял отсутствующее начальство. Он посоветовал Грешнеру «немедленно бежать в Москву и никогда не забывать о своем русском опыте; он также предостерег меня, чтобы я никогда не рассказывал о том, что со мной случилось и что я увидел в России, если я не хочу повредить моим родным в Москве». Годы спустя, записывая свои воспоминания в Мельбурне, в своем пригородном домике, Грешнер так и не решился указать полные имена людей, встреченных им в Советском Союзе, рука Москвы могла достать его и тут.

Выдержав еще ряд испытаний, на этот раз уже в Москве, Грешнер в конце концов получил визу и вырвался из России. У него не оставалось иллюзий о социалистическом рае для рабочих: «У меня появилось много настоящих друзей в местах, где я работал, и мне было очень тяжело оставлять их в этой адской стране». Он выехал из России без копейки денег и застрял в Лондоне. В конце концов он подрядился на корабль, перевозивший породистый скот в Австралию. Его рассказ о своей новой работе «коровьего смотрителя» полон юмора. Несмотря

на все трудности, он чувствовал себя так, как будто вырвался из западни. Теперь он мечтал об одном – добраться до своей семьи в Австралии и снова жить «в свободной стране, в своей свободной стране». В 1934 г. он наконец-то снова ступил на австралийский берег, чтобы больше никогда его не покидать.¹²

В рядах ветеранов

Большинство русских анзаков не бросалось в такие авантюры, как Василий Грешнер, о приключениях которого в Советском Союзе я рассказывала в предыдущем очерке, для них послевоенные годы в Австралии стали временем постепенного вrastания в австралийский образ жизни. Однажды Леон Леошкевич, рассказывая мне о своем отце, анзаке Фавсте Леошкевиче, разговорился и произнес целую тираду о различиях между тогдашними и нынешними людьми. «Мой отец был настоящий австралиец – не такой, как сегодняшние австралийцы. Мне сегодняшние и самому не по нраву. Он был австралийцем старого закала – Вы знаете их идеалы: честность и справедливость, – да, он был таким настоящим старым диггером [фронтовиком]. И он не пустозвоном – Вы понимаете, что я имею в виду? Очень трудно объяснить Вам, если Вы не общались с ними, не жили рядом со старыми солдатами. У них было совсем особое отношение ко всему. Вот диггеры второй мировой войны, – они были такими же, но после этого в нашем обществе все покатилося вниз. Эти идеалы честности и справедливости – мы по ним уже больше не живем. Теперь очень трудно говорить с людьми: все, что их интересует, – это деньги, успех и рассказы о том, какие они замечательные люди... Мне вчера исполнилось семьдесят лет. Я все еще помню тех, настоящих людей, и я не думаю, что среднего молодого человека нашего времени можно назвать настоящим человеком».

То, о чем говорил Леон, не было различием между русскими и австралийцами, это было различие между австралийцами и австралийцами. Для наших анзаков ассимиляция состояла не просто в отказе от их родного языка, обычаев или религии и в замене их австралийскими реалиями. На фронте они, как и их австралийские товарищи, превратились в диггеров – а в это слово, как и мы в слово фронтовик, австралийцы вкладывают особый смысл. В этом они и их австралийские товарищи были равны, и те, и другие стали настоящими австралийцами именно на фронте, и остальные русские иммигранты были им не чета. И кочуя по стране в поисках заработка в трудные послевоенные годы русские анзаки носили в кармане свидетельство об увольнении из армии, а не свидетельство о натурализации. Симон Афендилов, трижды раненный на западном фронте, в заявлении 1935 года о получении копии свидетельства об увольнении из армии писал, что оригинал пришел в негодность, «потому что я постоянно ношу его при себе в любую погоду». Джозеф Сковронский не хотел высылать свое свидетельство властям для проверки (в связи с его натурализацией), утверждая, что «будучи иностранцем и нося на груди значок ветерана, у меня в любое время могут потребовать предъявить свидетельство об увольнении». Их свидетельство было их охранной грамотой и в то же время отличало их от других иммигрантов. Оно было важно и для получения работы. Казимир Гедговд писал, например: «Я сейчас без работы и наличие свидетельства помогло бы мне устроиться на работу».

Свидетельство приобретало для них и какое-то особое, духовное значение. «Я по праву горжусь им», писал Александр Санк, прося чиновников вернуть ему оригинал как можно скорее. Как и в случае со Сковронским, у Санка запросили свидетельство, когда он подал документы на натурализацию. Это было время,

когда все лица без натурализации должны были регистрироваться в полиции. Санк этого не сделал, «в оправдание он говорит, – писал полицейский, – что будучи ветераном, хоть и русского происхождения, он не считал это необходимым». Когда фронтовики нарушали правила регистрации, полицейские обычно ограничивались лишь отеческим внушением и не налагали штраф, но в случае с Санком все пошло по-другому. Майор Джонс, директор бюро расследований, писал: «Из полицейского досье следует, что, несмотря на предупреждения, этот человек, работавший в то время трамвайным кондуктором, не стал регистрироваться. Его отношение к полицейским было самым наглым, и они хотят возбудить против него дело». После двух лет фронта Санк, очевидно, считал, что требование регистрироваться в полиции как иностранца оскорбляло его гордость анзака. Дело кончилось тем, что суд наложил на него штраф в размере 10 шиллингов.⁹⁴

Осознание своей принадлежности к этой новой общности – австралийским анзакам – им было не так-то просто выразить в словах. Нужные слова не всегда находят и их дети, не привыкшие философствовать. Но вслушиваясь снова и снова в магнитофонные записи бесед с ними, я понимаю, что в общем-то они все говорят о той же самой заветной причастности их отцов к становлению австралийской нации. Дочери Эрнеста Дрегера рассказывают о своих родителях (немце и еврейке из Латвии): «И Эрнест, и Сара очень гордились тем, что они австралийские граждане, и всегда в разговоре с нами подчеркивали, что мы – австралийцы». Они действительно заслужили это право. Эрнест вступил в австралийскую армию, чтобы защитить эту новую землю, которая отныне была их единственным домом. А Сара принесла свою собственную жертву: оставшись в буше одна с тремя маленькими детьми, она начала учиться молитве христианскому Богу, чтобы потом «научить своих детей молиться за благополучное возвращение отца». И он, хоть и израненный, действительно вернулся к ним, и эти три года его армейской службы помогли им принять эту новую страну и ее народ как свои собственные. Они не просто ассимилировались, они стали австралийцами. Отзвуки подобных чувств мне слышатся и в словах детей других анзаков. «Он считал, что если ты живешь в стране, то ты должен быть ее гражданином. Вот и все» (Устин Гуляев). Владимир Лопатин «был очень, очень горд тем, что он австралиец, чрезвычайно горд. Конечно, в годы второй мировой войны он интересовался тем, что происходило в России, но он был-таки уже настоящим австралийцем и никогда не помышлял о возвращении в Россию». Теофил Волковский, как мы видели, «стремился быть австралийцем. Он любил Австралию и все, что с нею связано». Отто Брутон «очень гордился тем, что он австралиец... Он любил Австралию, особенно ее север».²

Принадлежность к традиции анзаков была краеугольным камнем их принадлежности к Австралии. Николай Коротков «никогда не пропускал традиционное поминовение павших на рассвете в День Анзака и парад, – вспоминает его дочь. – Накануне он сидел до поздней ночи, чистя и полируя свои медали. У меня хранятся все его медали, даже с теми ленточками, что он носил в день Анзака. Это был его "День", и он проводил его со своими друзьями-ветеранами. Питер Харпер, Банти Драни и Кок Уайт были его закадычными друзьями... После нескольких стаканчиков они заводили песни времен войны. Слова были переделаны, конечно, и мы их тоже выучили, но одну песню нам не разрешали петь – "Мадемуазель из Дики Буш". Больше я эту песню никогда не слышала». Внук Чарльза Капоуского, Стэн, помнит, как его дедушка «всегда ходил на парад в День Анзака, чтобы повидать своих боевых товарищей». Но не все было так просто. Хотя многие русские анзаки после войны вступили в Лигу ветеранов (RSL), отношение к ним там оставалось неоднозначным. «Чарльз

страдал – так же, как и я, как и мой отец, – рассказывает внук Капоуского, – не потому, что он был русским, а потому, что к нему относились как к иммигранту, «вогу», которых сюда не звали. Однажды, когда мой дедушка заболел и обратился в Лигу ветеранов за помощью, они ему сказали, что у них нет времени для пьяных «вогов». Его сослуживцы по Галлиполи, которые знали его, относились к нему совсем по-другому».³

На примере истории Джона Панкова, о которой рассказывает его сын, видно, как по-разному относились к нему те, кто его лично знал, и те, для кого он был просто «русским». «С того времени, как мой отец поселился в Ипсвиче, он был активным членом Лиги ветеранов, он всегда приходил на их ежемесячные собрания. Я помню время, когда Джим Финемор, мэр Ипсвича, бывший военнопленный, привозил моего отца домой после собраний в Лиге на своей машине. Как-то вечером, после собрания, они все пошли в бар, и там два парня, которые воевали во второй мировой войне, прицепились к моему отцу, что он якобы поддерживал Россию. Они сорвали с его груди значок ветерана, говоря, что он был коммунистом и не имеет права носить значок. Этот вопрос был поднят на специальном собрании в Лиге, этих двух парней вызвали, и они должны были публично извиниться перед отцом. Многие видные члены Лиги выступали в защиту моего отца, а один, сэр Джозеф Фрэнсис, член федерального парламента, сказал, что Джек Панков был лояльным австралийцем и членом Лиги в самые тяжелые времена, и приходил на собрания даже в годы экономического кризиса, когда зачастую трудно было собрать кворум. Я думаю, что лояльность моего отца к Лиге была связана с тем, что там он был на равной ноге с другими членами, такими же ветеранами. Мой отец всегда ходил на парады в День Анзака в Ипсвиче, а в последние годы своей жизни – в Брисбене. В Брисбене он шел с ветеранами 8-го взвода пулеметчиков и нес их знамя. Последний раз он участвовал в параде в 1956 году. В тот день шел дождь, и он надел старый костюм вместо нового, который ему сшили накануне для парада».

Лига ветеранов являлась оплотом австралийского национализма, который в целом имел консервативные тенденции – это ее члены громили русский квартал в Брисбене во время бунтов красного флага, – но наличие русских в ее рядах способствовало расширению кругозора ее членов. Когда где-нибудь в Иннисфейле или Брокен-Хилле в отделение Лиги заходил русский со значком ветерана на груди и просил помочь ему написать письмо властям о получении военных медалей или о натурализации – множество таких писем сохранилось в архивах, – ее члены учились сдерживать свой джингоизм, убеждаясь на собственном опыте, что не все русские – большевики и среди них бывают свои парни. Несколько россиян принимали активное участие в деятельности ветеранских организаций. Эрнест Бруттон на протяжении многих лет был членом Кэрнской лиги и организатором-распорядителем парада в День Анзака. Елиазар Марголин, которого мы оставили в качестве командующего подразделением британской армии в Палестине, вернулся в Австралию в 1921 году. «Бюллетень» писал: «Но его сердце принадлежало Западной Австралии, и сюда он вернулся, здесь он делал деньги в моторном бизнесе, став одним из столпов местных организаций ветеранов. Отзывчивый на чужую беду и щедрый до безрассудства – «Марджи» всем был нужен. Он являлся вице-президентом отделения Лиги ветеранов Западной Австралии, одним из основателей Пертского Клуба фронтовиков и президентом Ассоциации 16-го батальона (которым он командовал на фронте)».⁴

Но не у всех русских отношения с организациями ветеранов складывались столь благополучно. Упомянутый выше печальный опыт Панкова не был исключением. Альфред Маркович – жертва нелепых подозрений в шпионаже на

Галлиполи – после депортации в Австралию стал секретарем Политической Федерации Ветеранов и Граждан и редактором ее издания «Лидер». В 1919 году он осмелился критиковать Акт о репатриации, который, по его отзыву, «представлял интересы всех, кроме самих ветеранов», и администрацию министерства репатриации. «Когда министерство репатриации не в состоянии обеспечить ветерана подходящей работой, они помечают его досье “ОПРО” (от предоставленной работы отказался), – писал он, – и это значит, что этот человек не получит больше от министерства ни гроша, и справедливость тут никого не волнует». Мы уже видели, как Плотников и Ромашкевич оказались заклеяменными подобным образом и безуспешно пытались добиться справедливости, но Маркович боролся не за себя самого, а за права всех фронтовиков, вне зависимости от их национальности. Критиковал он и тот факт, что большая часть пожертвований для ветеранов шла на зарплаты и вознаграждения боссов из Лиги ветеранов. И тут его высокопоставленные критики снова вытащили на свет вопрос о причинах его отчисления из армии на Галлиполи и его национальности. Но Маркович за словом в карман не лез: «Почему вы цепляетесь к моей национальности? Вы не спрашивали меня о национальности, когда вы приняли меня в Лигу ветеранов и взяли мои десять шиллингов... Я никогда не получал 10 фунтов в неделю за свою работу на благо ветеранов. Я всегда работал на общественных началах».⁵ Эта полемика, выплеснувшаяся на страницы брисбенских газет, когда русский защищал права всех фронтовиков перед лицом австралийских бюрократов, помогала бороться с устоявшимися стереотипами в общественном сознании, ведь происходило это все в то самое время, когда после бунтов красного флага на всех русских смотрели как на большевиков.

Свидетельства того, что русские становились австралийцами, можно найти в самых неожиданных местах. В 1918 году капрал Николай Лагутин проявил храбрость и мужество в боях за Лихон, за что и был награжден Военной медалью; а в 1939 году он значится президентом клуба рыболовов Уоверлей в Сиднее – похоже, что он к тому времени пустил глубокие корни в австралийском обществе. Действительно, женившись в Англии, он работал в Сиднее кондуктором трамвая и, согласно полицейскому отчету, «не являлся членом какого-либо иностранного клуба и не поддерживал связей с иностранцами». Подобным же образом, когда Питер Стерлецкий подал документы на натурализацию вскоре после возвращения с фронта, полицейский сообщал: «Заявитель не известен русским в Брисбене, поскольку он не общается с ними». Он добавлял, что Стерлецкий не зарегистрировался в полиции как иностранец потому, что «другие ветераны ему сказали, что раз он фронтовик, ему не надо регистрироваться». Очевидно уже в то время боевые товарищи, а не русская община, были его семьей. После войны, как и многие его земляки, он работал на строительстве железных дорог в Квинсленде, но он несомненно сумел вписаться в австралийскую жизнь. От его дочери я узнала, что в 1929 году он получил почетную должность мирового судьи – должность обычная для австралийцев, но крайне редкая среди иммигрантов. Джон Беппер на войне был ранен в обе руки и, окончив курсы маляров и декораторов в Англии, вернулся в Австралию со своей женой-англичанкой. В 1932 г. он написал песню «Наш Сиднейский мост» – гимн австралийским труженикам:

Он соединил север и юг,
Огромный мост над синей водой.
Труд наших мужчин соединил берега,
О Сиднейский мост, мы гордимся тобой.

Иногда это превращение в австралийца приходит в одежде бродяги, а не в одеянии героя. Так, к галерее российских бродяг в Австралии, уже упомянутых ранее (Анкудинов, Орлов, Абрахамович, Маннерман), можно добавить еще одну колоритную фигуру – «Паппинбурра Билл», который прежде был финским моряком по имени Хьюго Майкл Уолтер Саари. В полиции на него было собрано целое досье правонарушений в каждом штате, от «кражи собаки» до «снабжения або [т.е. аборигенов] спиртным»⁶ – но по крайней мере полиция не могла упрекнуть его в том, что он «поддерживает сношения с русскими»...

Роль спиртного, как и на фронте, оставалась важным фактором в вовлечении русских в круг австралийского товарищества (*mateship*) в послевоенные годы – например для Николая Короткова, о чем рассказывает его сын: «Отец был очень скромным человеком, очень тихим, когда он не пил, но пил он часто. День Анзака был его праздником – поводом, чтобы по-настоящему напиться с друзьями». Самуэль Ваксман тоже вписался в этот мир: «Он был очень общительным человеком и имел довольно много друзей, он любил играть на деньги, ходить на скачки, играть в карты, курить сигары». А вот Теофил Волковский из Кобара, при всей его любви к Австралии, не сумел стать таким как все: «Отец не пил и не играл на деньги. Это как-то отделяло его от других. Чтобы вписаться в общество в таких городках, нужно ходить в паб или в клуб и ставить деньги на скачках. А это как раз интересовало его меньше всего на свете. Я думаю, Цезарь [брат Теофила] умел сходиться с людьми лучше. Он играл на деньги и проводил много времени со своими товарищами».⁷

Умереть британским подданным

Одним из свидетельств того, что Австралия становилась для русских анзаков домом, было их стремление натурализоваться. Этот фактор был очень важен, хотя, конечно, натурализация вызывалась и другими причинами – женитьбой на англичанках или австралийках (если муж не был натурализован, то они должны были регистрироваться в полиции), приобретение земельного участка, необходимость получения паспорта при поездке в другую страну. Например, Юр Кивович, будучи демобилизован из армии после ранений, писал в 1918 году: «Я хочу натурализоваться, чтобы иметь возможность выполнять гражданские обязанности. Я с удивлением обнаружил, что не имею права голосовать на выборах, несмотря на то, что я воевал за короля и за эту страну». Анзаки не сомневались, что они заслужили право на натурализацию. Андреас Войткун жаловался премьер-министру Уильяму Хьюзу в 1934 г., что требование заплатить 5 фунтов за натурализацию (первоначально она была для ветеранов бесплатной) – «это несправедливость, и для него это вопрос принципиального значения, а не просто финансовый расход». Иван Кириллов, который заболел вскоре после вступления в армию и так и не попал на фронт, писал, когда его натурализация была отсрочена: «Я хочу обратить ваше внимание на то, что я желал служить стране и королю, даже не будучи его подданным... Представьте себе, что должен чувствовать человек, который живет в стране, не имея никакого права высказать свое мнение».

Более того, многие анзаки полагали, что после принятия присяги на верность королю при вступлении в армию, им уже не нужно принимать новую присягу при натурализации – как написал об этом Питер Свиргсдин, который был тяжело ранен в Пашенделе в 1917 году: «Я присягнул на верность Его Величеству Королю и моя присяга остается непоколебимой навсегда». Денис Папчук натурализовался одним из последних среди русских анзаков, в 1952 г., и объяснял причины этого подобным же образом: «Прослужив в армии во Франции и в

Египте три с половиной года, будучи ранен и отравлен газом, ... он полагал, что его свидетельство о достойном увольнении из армии является достаточным доказательством его права на натурализацию».⁸

Я уже рассказывала о тех трудностях, которые испытывали при натурализации русские, подозреваемые в радикализме, но это не было единственной причиной, по которой им могли отказать в натурализации. Иногда чиновники, рассматривающие заявления на натурализацию, были педантичны до нелепости. Бен Гоффин вступил в австралийскую армию едва сойдя с корабля, на котором он приехал в Австралию в качестве маляра. На западном фронте он был дважды тяжело ранен и один раз отравлен газом. В 1919 г. ему отказывали в натурализации на том основании, что он не мог писать по-английски, а ведь всю войну армия с готовностью принимала в свои ряды неграмотных россиян, которые вместо подписи ставили крест. Лига ветеранов обратилась к властям в его защиту, но прошло еще два года прежде, чем его натурализовали, и то только тогда, когда полицейский убедился, что Гоффин научился писать. Томасу Тарасову было отказано в натурализации на том основании, что он был несколько раз осужден за кражи, совершенные в состоянии опьянения. Не помогло и то, что в полицейском отчете отмечалось, что хотя он был «несомненно русским», он «не поддерживал связей с русской общиной», и его заявление подписали австралийские ветераны. Когда он подал документы на натурализацию, он был уже неизлечимо болен туберкулезом и, не имея гражданства, не мог получать пенсию. Лига ветеранов несколько раз обращалась к властям в его защиту: «Это дело принципа: невероятно, что человек, который воевал за эту страну, не может получить натурализацию». Но с бюрократической машиной было не так-то легко совладать. Наконец полицейский, который заполнял очередной отчет в связи с заявлением Тарасова, сообщил, что он уже не долго протянет из-за туберкулеза и «хочет заявить, что просит его натурализовать, чтобы он мог умереть как британский подданный». Это, наконец, подействовало на власти, и Тарасов, после пятилетней борьбы за натурализацию, был натурализован в 1936 г., незадолго до смерти, но по крайней мере он умер британским подданным.

Русские анзаки, ежедневно общаясь с окружающими их австралийцами, по крупицам наработывали тот невидимый слой доверия и уважения, который постепенно изменял общественное мнение и делал австралийцев более терпимыми к русским и другим иммигрантам. Иногда, впрочем, это становилось очевидным только на их похоронах. «Отец был бы поражен количеством людей, пришедших на его похороны, – рассказывает дочь Александра Майко. – Он не представлял, как много людей его знали и любили». Точно так же дочери Устина Гловацкого запомнилось, как их многочисленные соседи на похоронах отца говорили: «Другого такого джентльмена никогда не будет».⁹

Но, как и на войне, часто требовались годы, чтобы уважение и любовь к чужаку завоевали сердца австралийцев. Годы страданий. Участок земли, на котором когда-то располагалась ферма Егоровых в Пламптоне, под Сиднеем, теперь официально называется «Заповедником Александра Егорова», но его дети помнят дни, когда «жители Пламптона останавливались у его участка и с любопытством наблюдали, что делает там этот иностранец». Нашли они и донос на отца, написанный одним из соседей. Бывало и еще хуже. Дочь Иосифа Рудецкого 70 лет спустя все еще помнит: «Когда мы шли в школу в Дэлби, дети бросали в нас камнями, и поджидая нас после школы, кричали “Убирайтесь домой в Россию, в красную Россию! Вы нам в этой стране не нужны, это – наша страна”. Это, должно быть, шло от родителей, дети сами не могли такое придумать. Да, это были тяжелые годы в нашей жизни». Дети Теофила Волковского тоже испытали нечто подобное: «В годы второй мировой войны, некоторые дети в школе кричали

нам: “Вы – русские воги!” В те дни Австралия была настоящей британской колонией, и иностранцам здесь было несладко». Русские противостояли такому отношению по-разному. Волковский советовал своим детям просто быть австралийцами. Рудецкий, вспоминает его дочь, «обычно приходил встречать нас после школы и по дороге домой учил нас русским словам, я до сих пор помню несколько слов. Он был замечательным поваром, он готовил борщ и пирожки – как это было вкусно!» А еще по дороге домой он рассказывал детям, как однажды они все вместе поедут в Россию, хотя и знал, что он неизлечимо болен туберкулезом, которым он заразился во время службы в армии. Его последнее желание состояло в том, чтобы назвать свою новорожденную дочь Тамарой.¹⁰ Что еще он мог оставить им в наследство, кроме своей любви к далекой родине!

Некоторые анзаки отвечали на антирусские высказывания с юмором, в стиле австралийских анзаков. «Стоило кому-нибудь обозвать моего отца “чертовым русским”, – рассказывает сын Фавста Леошкевича, – он тут же отвечал “Вот именно, да и Иван Скавинский Скавар к тому же”. А надо вам сказать, что это была похабная военная песенка о русском герое-головорезе. И когда отец так говорил, все начинали смеяться и этим все и кончалось. А если у него спрашивали “Вы – красный русский или белый русский?”, отец отвечал: “Розовый”. Он всегда все сводил на шутку. А стоило кому-нибудь обозвать его Иваном, он тут же отвечал: “Да, Иван Грозный”. Я помню, – мне было тогда лет двадцать – у отца кто-то спросил, как он относится к коммунистам. Он ответил, что к ним он никаких теплых чувств не испытывает, но вот Пугачев ему нравится. Меня это заинтересовало и я спросил у отца, кто такой Пугачев, и он объяснил мне, что он был вроде австралийского бушрейнджера Неда Келли во времена Екатерины Великой».

Джон Панков, которого обзывали «Русским Джеком», не боялся бросить вызов своим, и не только своим, обидчикам. «Мой отец всегда помогал тем, кому приходилось туго, – рассказывает его сын. – Как-то один парень рассказал мне, что когда он поступил работать на лесопилку братьев Хэнкок, мой отец подошел к нему и сказал: “Скажи мне, если кто-нибудь будет тебя здесь задирать”. Похоже, что он говорил это всем новичкам. Еще этот парень мне рассказывал, что когда они ходили после работы выпить в паб, он был счастлив, если в дверях паба появлялся мой отец – все уже ждали его байки обо всех тех местах, где он побывал». Когда Джон Панков умер, его жена получила письмо от Вива Хэнкока, на лесопилке которого он проработал много лет. Он писал, что всегда относился к отцу как к другу, а не как к служащему. «Много лет спустя, – продолжает сын Панкова, – я как-то говорил с соседом через забор, и тот сказал, что знал в Ипсвиче одного очень видного человека, который жаловался на то, что у него никогда не было уверенности в том, кто же были его настоящие друзья: люди дружили с ним из-за его богатства или действительно чувствовали к нему симпатию. Сосед сказал, что он имеет в виду Вива Ханкока. И тут я вспомнил то письмо, что Хэнкок послал моей матери – о том, что мой отец был его настоящим другом».¹¹ Удостоиться звания друга – в те годы для русского это тоже было не мало.

Вторая мировая война

Вторая мировая война вызвала всплеск патриотизма у многих российских анзаков, которые уже чувствовали себя австралийцами. Генри Абрамович, который все еще ходил по дорогам Австралии со свэгом за плечами в поисках сезонной работы, в заявлении о приеме в армию писал: «Я принял присягу на верность Королю и Отечеству, когда они нуждались во мне, и моя присяга все

еще остается в силе. Британцы защищают свою священную свободу. Я один из них. Я жил с ними 37 лет и это мой народ». Луис Бродский, несмотря на то, что во время первой мировой войны он дезертировал из армии, теперь, в июле 1940 г., писал: «Хотя мне 58 лет, я готов защищать страну в любом качестве».⁹⁵ В какой мере бывшие россияне уже интегрировались в австралийское общество, видно на примере Эдуарда Янчевского. Его служба во время первой мировой войны не задалась, большую часть времени он провел в самоволках и в заключении, и в конечном итоге был уволен из армии без наград. Он объяснял это тем, что, будучи русским, его «не жаловали в его взводе». После войны он женился и работал сапожником. Когда началась новая война, он тут же вступил в армию и служил хорошо в течение четырех лет в качестве капрала. Единственный выговор во время службы он получил за «попойку с друзьями».² Во время первой мировой он был чужаком, теперь он стал своим, а совместная выпивка с друзьями была символом его принадлежности к боевому братству австралийцев. Николай Коротков, который все еще оставался рубщиком тростника, тоже не чужд был такому братству. Его сын рассказывает: «Его три друга с тростника собирались вместе вступить в армию, но перед этим они пошли выпить, и отец так напился, что не дошел с ними до вербовочного пункта. А они через несколько недель попали в плен в Чанги, в Сингапуре».³ Коротков в конце концов тоже вступил в армию и служил два года в Добровольном корпусе обороны в Кэрнсе, Иннисфейле и на плато Атертон.

Ответ российских анзаков на призыв защитить Австралию в новой войне был действительно массовым – более 70 из них снова вступили в армию, а это был значительный процент, принимая во внимание, что к этому времени некоторые из них уже покинули Австралию, некоторые умерли, а некоторые были слишком стары, чтобы вступить в армию. Хотя возраст, как кажется, не был серьезной помехой при вступлении в армию: многие анзаки просто «подправляли» год своего рождения, а власти смотрели на это сквозь пальцы. Михаил Анкудинов, например, согласно документам первой мировой войны родился в 1886 г., а при вступлении в армию во второй мировой войне сначала указал, что он родился в 1896 г., а при следующем вступлении еще помолодел до 1901 г. Абрахам Боусон, раненый при Хазебруке в 1918 г., изменил год рождения с 1884 на 1900. Среди российских ветеранов, которые служили главным образом в гарнизонных батальонах и в Добровольном корпусе обороны, мы встречаем некоторых наших старых знакомых: Джеймс Кочура, кавалерист, служивший в предыдущей войне в Египте, теперь прослужил 6 лет в гарнизонном батальоне в Квинсленде, Джон Вагин и Джордж Платонов тоже служили в гарнизоне в северном Квинсленде. Джон Панков обучал молодых солдат пользоваться автоматом Викерс, с которым он когда-то сам воевал на западном фронте. Джон Иванов служил в гарнизонном батальоне, охранявшем итальянских и японских военнопленных в лагере Хэй в Новом Южном Уэльсе, а Ян Розинг работал клерком в штабе.

Конечно возраст не позволил большинству наших анзаков попасть в подразделения, оправлявшиеся на поля сражений, но тем не менее фамилии российских анзаков встречаются среди участников всех главных сражений второй мировой – традицию продолжили их дети и братья. Смерть юного Вильяма Аверкова, павшего в Мессине, оказала огромное влияние на его младших братьев – все трое вступили в армию во время новой войны. Эдвард служил в медицинском корпусе на Новой Гвинее и Моротаи, Джордж сражался в танковом корпусе на Ближнем Востоке, а Фредерик защищал Австралию. Не будет преувеличением сказать, что почти все дети российских анзаков, родившиеся до середины 1920-х годов, вступили в австралийскую армию, во флот или в военно-

воздушные силы. Во флоте служили Винсент и Фрэнсис Мишкинис, сыновья Адольфа Мишкиниса. Там же служил сын Джона Иванова Рональд. Оба сына Ричарда Григоренко, которые выросли в русской колонии в Тангуле в Квинсленде, ответили на призыв в армию. Сторожилы вспоминают, как весь поселок провожал их на фронт. Леонард служил на Ближнем Востоке, Тобруке и Новой Гвинее, а Джордж был в Борнео и Бугенвиле. В армию вступили два сына и дочь Альберта Тобера, старший сын воевал на Ближнем Востоке, в Греции и Сирии, а по возвращении оттуда сражался еще и на Новой Гвинее. Два сына Луиса Бродского служили в военно-воздушных силах. Семья Дрегеров из Западной Австралии дала трех военнослужащих – сам Эрнест служил в корпусе обороны и умер от воспаления легких во время службы, его старший сын Чарльз оказался в 11-ом батальоне (в том же самом, с которым когда-то его отец отправился на западный фронт в 1916 г.), а младший, Рудольф, был в военно-воздушных силах.

Увы, не все юные анзаки вернулись домой. Джон Минеев, демобилизованный с западного фронта после контузии, не долго прожил после первой мировой войны, но он успел жениться и завести семью. Когда началась новая война, два его сына и дочь вступили в армию. Его сын Алексис служил в Англии, летая на «Ланкастерах» в качестве радиста. В июне 1944 г. его самолет не вернулся с задания. Сбитый самолет был найден месяцы спустя к северу от Амьена, недалеко от тех мест, где его отец вынес ужас Соммы осенью 1916 г.

Энтузиазм и патриотизм, с которым эти юноши и девушки, - дети наших анзаков, родившиеся в Австралии и носившие такие странные фамилии, - ответили на призыв в армию, был одним из главных достижений их отцов-иммигрантов. Отцы, впрочем, хорошо помнили, что такое война и часто не разделяли энтузиазм молодого поколения. «Когда я хотел пойти на войну, - вспоминает Самуэль Ваксман, - отец назвал меня дураком и запретил мне вступать в армию. Я смог вступить в военно-воздушные силы только после его смерти». В подобной же ситуации был сын Тэда Селтина: «В 1942 г., в день своего 18-летия я записался в военно-воздушный флот. Отец не возражал, но и не поддерживал меня. Я служил в Англии. Мне, в отличие от многих других, повезло. Я вернулся домой».⁴

Надо сказать, что имена россиян, служивших в составе австралийских подразделений во второй мировой войне, не ограничивались нашими ветеранами первой мировой и их детьми. В Австралии в то время жило не менее 5 тысяч уроженцев Российской империи, и многие из них, а также их дети, родившиеся в Китае или уже в Австралии, тоже вступили в армию. Таких военнослужащих, с учетом детей, было не меньше тысячи. Важную роль в их вступлении в армию играл их австралийский патриотизм, но для некоторых из них было важно и то, что впервые со времени русской революции Австралия и их родина, хоть и называемая теперь Советский Союз, стали снова союзниками. Но это - тема отдельного исследования.

Война затронула всех российских анзаков, и они ответили на нее по-разному. Норман Майер играл важную роль в переводе экономики страны на военные рельсы. Популярность ему также принес открытый им клуб «Бункер» в Мельбурне, где военнослужащие проводили время во время увольнений. Большую роль он сыграл и в приходе к власти либералов, осуществленном при его финансовой поддержке на волне военной пропаганды. Другие анзаки, как, например, Николас Коцебу, принесли на алтарь войны свои технические изобретения. Адольф Мишкинис тоже решил попытать счастья в этой области. Когда началась война, Австралии для военных нужд потребовалось льняное волокно. Сын Адольфа рассказывает, как «отец заметил, что волокно,

использовавшееся в Австралии, было очень низкого качества, грязно-серого цвета. Он занялся экспериментами со льном, сначала выращивая его в нашем дворе, а затем у друга на ферме». Из описания сына очевидно, что Адольф использовал вековую технологию, которую он видел в детстве в Литве. Результаты оказались блестящими: «волкна сияли на солнце как светлые волосы девочки. Его образец был отправлен на Мельбурнскую ярмарку и прлучил первый приз». К сожалению, Адольф не получил финансовой помощи от правительства и в отчаянии уничтожил все свои образцы и записи.⁵

Несколько анзаков хотели применить на пользу военным усилиям свое знание иностранных языков. Николай Федорович в 1939 г. просил использовать его в качестве переводчика (он знал русский и польский языки), и был готов работать даже бесплатно. Но подозрительное отношение к русским как к большевикам сохранялось. В марте 1940 г. Сигизмунд Ромашкевич предложил свои услуги в качестве цензора (он знал польский, русский и литовский языки). Он написал письмо Чемберлену, британскому премьер-министру, заявляя, что является противником и Гитлера, и Сталина и хотел бы, чтобы западные страны освободили его родную Польшу. Несмотря на его явный патриотизм, семьей Ромашкевичей заинтересовались службы безопасности, которые заподозрили и Сигизмунда, и его сыновей в прокоммунистических симпатиях, возможно потому, что они работали докерами, а отец, к тому же, был президентом Польского общества в Квинсленде.⁶

Действительно, война стала временем новых испытаний для некоторых анзаков. Жена Александра Егорова, после рождения их десятого ребенка в 1934 г., тяжело заболела и на многие годы оказалась прикованной к больничной койке. Александру пришлось поднимать семью самому, пытаться свести концы с концами на их маленькой ферме в Пламптоне под Сиднеем. Когда, интервьюируя его внучку Барбару, я спросила, есть ли у них фотография деда, она рассказала о том, что произошло в годы войны. «Когда война началась, он должен был пойти в полицию и зарегистрироваться, как иностранец, потому что он так и не успел натурализоваться... Такие тогда были законы. И он должен был отмечаться на полицейской станции в Блэктауне каждую неделю; но он был уже тяжело болен, он умирал от рака и не мог встать с кровати. Тогда полицейские приехали к нему домой. Им нужна была его фотография, чтобы вывесить у себя там на станции на стенде. Они его сфотографировали, и я недавно получила копию этой фотографии из архива. Это – его единственная фотография, которая у меня есть». Александр Егоров умер в январе 1940 г., так и не успев стать австралийцем. Его трое старших детей вступили в армию. Сын Александр и дочь Александра служили на Новой Гвинее, а дочь Мэри – в Австралии. В это время младших детей поместили в разные приемные семьи. Но дети были тесно спаяны и продолжали заботиться друг о друге. Когда их старший брат Александр вернулся с войны, он собрал их всех под своим кровом, хотя у него была уже своя семья и двое детей, вспоминает его дочь Барбара.⁷ Память об основателе их семьи Александре Егорове, русском анзаке, продолжает объединять их всех – к их истории и отношению к своим корням мы еще вернемся.

Трагическая история Егорова не была исключением. С началом войны статус ненатурализовавшихся анзаков, таких как Деонк, Гловацкий, Жабинский, Скугар и Осипов, опять стал камнем преткновения. Это вызвало третий пик заявлений на натурализацию. Многие из них не натурализовались раньше, поскольку считали, что их служба в рядах австралийской армии и присяга на верность королю уже сделали их британскими подданными. Теперь отсутствие формальной натурализации грозило им большими неприятностями. Фриц Винин, работавший в Водном управлении, едва не потерял работу из-за отсутствия

натурализации, в то время как три его сына служили в армии и авиации. Психологические последствия тоже были тяжелы. Алекс Александров писал: «для меня стало ударом требование полиции регистрироваться у них в участке как иностранцу». Франк Пэйтон, чья жизнь была полна приключений – в 13 лет он убежал из дома, из бедной еврейской семьи, жившей в Риге, и стал моряком, - вступил в австралийскую армию и был ранен на западном фронте четыре раза. После войны он работал в Западной Австралии докером, китобоем, рудоискателем. Война застала его в Дарвине, откуда он был эвакуирован в Южную Австралию. Здесь-то полиция и заставила его зарегистрироваться как иностранца. С негодованием он писал властям: «Я никогда не испытывал такого унижения как здесь, после того, как выяснилось, что я не являюсь британским подданным, и я хочу быть натурализованным как можно скорее».⁸

В годы войны подозрительность по отношению ко всем, кто чем-то отличается от других, охватывает широкие слои населения. Не избежали этих подозрений и многие русские, жившие в Австралии. Случай Болеслава Бориса, тяжело раненного в Позьере, не был исключением. После первой мировой войны Борис женился на русской женщине, и они открыли магазинчик подержанных вещей на улице Оксфорд в Сиднее. Когда началась вторая мировая война, в полицию поступил донос от соседей, что из помещения Бориса слышна морзянка, а заглянув в окно, бдительная соседка увидела «печатный станок, полностью оснащенный и готовый к работе». Полицейский, посланный расследовать этот случай, обнаружил, что «печатный станок» оказался старым комодом, и заметил, что информант просто «пошел на поводу у своего воображения».⁹

«Это включает меня?» История Петра Комисарова

Петр Комисаров был одним из немногих, кто смел говорить "Нет" этому массовому психозу подозрительности. На собрании, проведенном в августе 1943 г. отделением Лиги ветеранов района Карлтон-Фицрой в Мельбурне, была выдвинута резолюция «относительно лиц иностранного происхождения, принявших британское подданство, запрещающая им продавать какие-либо товары в данном районе». «Так называемые натурализованные иностранцы по существу ведь все еще являются иностранцами», доказывал президент Лиги. Комисаров, активный член Лиги соседнего района, присутствовавший на этом собрании задал вопрос: «Ваше предложение включает меня?» «Конечно, мы не хотели бы, чтобы эти ограничения касались Вас», был ответ. «Меня не интересуют, хотели вы или не хотели, - возразил Комисаров. - Я - натурализованный британский подданный, родился в России, служил в австралийской армии во время первой мировой войны более четырех лет, был ранен и остался инвалидом на всю жизнь. Ваша резолюция говорит, что вы не хотите, чтобы так называемые натурализованные иностранцы занимались здесь бизнесом. Это включает меня?» «Это действительно включает Вас, но Вы знаете, правительство, возможно, и не утвердит нашу резолюцию». Собравшиеся быстро проголосовали за резолюцию, после чего Комисаров снова встал. «Речь идет не обо мне, речь идет о вас», сказал он. Он прошел по проходу к столу президиума и, сорвав с пиджака значок Лиги ветеранов, бросил его на стол председателя. «Я отказываюсь принадлежать к организации, которой управляют фашисты, - заявил он, - и поэтому я выхожу из рядов Лиги ветеранов». Австралийский совет гражданских свобод, напечатав отчет об этом инциденте, предупреждал австралийцев, что «первые признаки фашизма обычно представляют собой попытку отменить те принципы правопорядка, на которых зиждется демократия».

Петр Комисаров, рассказывает его дочь, «никогда больше не вернулся в Лигу, он отрезал навсегда». Для него не имело значения, что злополучная резолюция не была поддержана центральным отделением Лиги и правительством. Тем не менее Комисаров продолжал активно участвовать в общественной жизни, заслужив репутацию человека, умевшего осуществлять свои идеи. Он много сделал для помощи евреям, бежавшим из гитлеровской Германии. В то время как австралийское общество не особенно интересовалось их судьбой, Комисаров «каждый день тратил несколько часов, обходя одного человека за другим, убеждая их стать гарантами въезда в Австралию той или иной еврейской семьи, спасающейся от нацизма». Во время второй мировой войны он входил в различные организации, занятые сбором средств на борьбу с фашизмом, в частности он участвовал в кампании «Овчины для России» и во многих других организациях. Друзья Комисарова шутили, что он сам был своего рода организацией.¹⁰

Застигнутые войной

Судьба привела российских анзаков и их семьи и в охваченную войной Европу. Жена Яна Розинга уехала перед войной к себе на родину, во Францию, вместе с их сыновьями. Там их и застала война. В Австралию они смогли вернуться только в 1949 г. Франк Дыновский, родившийся в состоятельной польской семье в Киеве, приехал в Австралию в 1914 г. и работал в районе Даббо. Во время службы в армии он женился во Франции и остался там после войны. Затем он перебрался в Польшу, где он принял участие в варшавском восстании 1944 г. В 1950 г. он возвратился к Австралии с волной перемещенных лиц. В семье Волковских после войны тоже произошло воссоединение. Еще в 1927 г. Теофил безуспешно попытался вызвать из Советского Союза своего младшего брата Войтеха. И вот вскоре после войны, рассказывает сын Теофила, «отец получил письмо, адресованное "фермеру Волковскому, Австралия"». Это было письмо от Войтеха, который находился в лагере для перемещенных лиц в Германии (до этого он успел побывать в сталинском лагере в Советском Союзе). «Отец оплатил его переезд в Австралию. Войтех приехал в 1945 году и стал преуспевающим фермером».¹¹

Особенно трудные испытания пришлось на долю жены Устина Гловацкого Стефании, которая оказалась на оккупированной немцами территории с двумя маленькими дочерьми, Терезой и Ольгой. Устин был эвакуирован из Варшавы незадолго до начала войны вместе с банком, где он работал, а Стефания с девочками в это время находилась в доме отдыха около Бреста и не успела вовремя выехать. В 1939 г. они оказались на территории, занятой советскими войсками, которая вскоре была оккупирована немцами. Гестапо арестовывало Стефанию три раза: очевидно были доносы о том, что она еврейка, хотя в действительности она была полькой. На случай ареста она с детьми придумала специальный язык жестов и научила дочерей, что в случае опасности они должны бежать в разные стороны (так было больше шансов, что хоть одна из них выживет); разбегаясь, знаками они договаривались, где встретятся. Трижды ей удавалось вырваться, и каждый раз она находила своих детей после многих испытаний, пережитым ими без матери. Их рассказы о пережитом настолько тяжелы, что я не решаюсь их воспроизвести. Упомяну лишь об одном случае, рассказанном мне Барбарой, младшей дочерью Стефании, родившейся уже после войны. «Как-то мать нашла на дороге убитую собаку. Она вырезала все мясо и приготовила суп для детей. Когда она вернулась назад, чтобы взять кости, от собаки уже ничего не осталось. Она горько сожалела, что не взяла сразу всю

собаку». Так они и жили, и голод научил Стефанию и детей заниматься торговлей на черном рынке.

С приходом советской армии начались новые испытания. «Русские узнали, что мать говорит по-немецки, - рассказывает Барбара, - и ее стали посылать на немецкую территорию в разведку. Они отправляли туда красивых женщин, которые должны были ходить среди немецких солдат, предлагать им сигареты, заводить с ними знакомство и собирать сведения, которые нужны были советским войскам. Это было очень опасно. Некоторые женщины, которых отправили вместе с моей матерью, так никогда и не вернулись. Немцы не только насиловали таких женщин, но и убивали. У моей матери не было выбора, советские военные забрали ее детей и сказали: "Пока вы не вернетесь с информацией, вы их не увидите"». Стефания и на этот раз выжила. Вместе с советскими войсками они в конце концов добрались до Варшавы. «Мой отец все это время разыскивал ее, - рассказывает Барбара. - Красный Крест через британское посольство в Варшаве развесил объявления о розыске пани Гловацкой». По счастливому стечению обстоятельств британским консулом в Варшаве в это время оказался Франк Севери, родственника которого Устин вынес с поля боя в Галлиполи. Когда Стефания с дочерьми была найдена, война уже кончилась, и ее в числе первых вывезли из Варшавы на немецком самолете. В Берлине ее встретил британский атташе, и их тут же переправили в Англию, где их ждал Устин. Здесь, после шести лет разлуки, Устин наконец увидел своих дочерей-подростков, которых он оставил в Польше совсем детьми. Они пробыли вместе несколько месяцев. Стефания, которая ждала нового ребенка, хотела только одного - уехать как можно дальше от Европы. Они решили, что она с детьми первая поедет в Австралию, поскольку Устин все еще служил в британском флоте. Они не знали, что это еще не был конец их приключений и скоро им опять пригодится их язык знаков.¹²

Три крестика вместо подписи. История австралийской военной пенсии

В 1942 г., в разгар тяжелых боев Советского Союза с гитлеровской Германией, Австралия и Советский Союз установили дипломатические отношения. В Москву из Австралии была отправлена дипломатическая миссия. Два года спустя на ее пороге появилась необычная посетительница. Питер Хейдон, секретарь, сообщал австралийским властям: «26 июня 1944 г. госпожа Прасковья Волкова посетила дипломатическую миссию, пройдя пешком большую часть пути от своего места жительства в Красном селе (Горьковская область) до Москвы, что составляет 300-400 километров». Прасковья Волкова была вдовой Михаила Волкова, одного из трех друзей из села Красное, за жизненными перипетиями которых мы следили на протяжении книги; они вместе приехали в Австралию и вместе ушли на войну. Волков был убит на западном фронте в самом начале войны. Хейдон продолжал: «Ее крайняя нищета не вызывала никакого сомнения, она в достаточной мере идентифицировала себя посредством паспорта и справки из сельсовета. Она рассказала о том, как тяжело ей живется и как жестоко обращается с ней и с ее односельчанами председатель колхоза, который является там полновластным диктатором. Особенно плохо ей пришлось, когда ее сына забрали в Красную армию. Во время "чисток" (1937-38) она была заключена в тюрьму; по ее словам, причина была в том, что она получала иностранную пенсию, но теперь ее положение так тяжело, что она решила, что стоит рискнуть и попросить нас о возобновлении выплаты ей пенсии. В частности, поскольку она не трудоспособна, ей не разрешают покупать хлеб по государственным ценам. Если бы ей предоставляли это право, то на нашу пенсию

она смогла бы прожить. Надеясь ей помочь, наша миссия выдала ей свидетельство о том, что она получает пенсию австралийского правительства как вдова, чей муж погиб в Великой войне. Мы также включили в свидетельство просьбу о том, чтобы ей, если возможно, было предоставлено право покупать хлеб по государственным ценам. Мы достали для нее билет на поезд, на котором она сможет вернуться в свою деревню».

До «чисток» Прасковья Волкова получала пенсию через британского консула в Москве, но в 1937 году контакт с ней прервался. Теперь австралийцы узнали причину. За это время невыплаченная ей пенсия составила несколько сот фунтов. Хейдон, принявший финансовые дела от британского консула, понимал, что другого случая выплатить ей прямо в руки причитающиеся деньги у них больше не будет. Не дожидаясь формальной резолюции из Лондона или Австралии, он принял решение незамедлительно выплатить ей всю пенсию из средств посольства, переведя ее в рубли. Единственным свидетельством этой транзакции, которое он мог предъявить своему начальству, был крестик, который «госпожа Волкова» поставила на платежной ведомости вместо подписи – она была неграмотна. В течение последующих трех лет, до 1947 г., австралийская дипломатическая миссия высылала ей пенсию в деревню почтовым переводом, но поскольку вестей о себе она не подавала, австралийцы засомневались, что она получает переводимые ей деньги, и выплата пенсии была приостановлена. В 1947 г. Прасковья Волкова снова отправилась в дальний путь и еще раз побывала в гостях у австралийцев. На этот раз ее делом занимался Джон Р. Роулэнд, недавно назначенный секретарем, который договорился с Прасковьей, что получая деньги на почте, она будет ставить на квитанции три крестика – это будет служить условным знаком, что она действительно получила пенсию.¹³

Да, Австралия не оставляла своих детей, даже приемных. Австралийская дипломатическая миссия взялась разыскать и других анзаков, пенсии которым были приостановлены в 1937 г. В их списке значилось три человека: Николай Силантьев, земляк Волкова из деревни Красное, который, помявшись в Австралии (на войне он получил тяжелые ранения в обе ноги), вернулся в Россию; осетин Томас Хабаев, работавший рубщиком сахарного тростника и тоже вернувшийся на родину; и Макар Марков, симпатизировавший большевикам – его отец дошел до самого Черчилля, пытаясь разыскать сына после войны и вернуть его домой. Результаты поиска, предпринятого миссией, были печальны: Силантьев был обнаружен в Казахстане (вероятно он находился там в ссылке), Хабаев умер в 1939 г. (вполне вероятно в ГУЛАГе), Марков не был найден. Чиновник в министерстве финансов Австралии отправил их досье в архив. Их история была закончена.

Но судьба совершает порой неожиданные повороты и иногда в поле ее действия попадают и официальные лица. Мне не сразу открылось, что Роулэнд, секретарь дипломатической миссии, был австралийским поэтом Дж. Р. Роулэндом. Кроме собственных стихов о России, он сделал блестящие переводы русских поэтов-шестидесятников, включая стихотворение Бориса Слуцкого «Когда русская проза пошла в лагерь», посвященное моему деду, писателю Артему Веселому, погибшему в сталинских застенках.¹⁴ Раньше мне казалось удивительным, как сумел австралиец Роулэнд так глубоко проникнуть в русскую душу, но, возможно, его открытие настоящей России началось в том далеком 1947 году, когда на пороге его кабинета появилась Прасковья Волкова, простая крестьянка, вдова русского анзака.

Эпилог

История, начавшаяся у фонтана Арчибальда

В 1946 году беременная Стефания Гловацкая с дочерьми Терезой и Ольгой отправилась на корабле из разоренной войной Европы в Австралию. Ее муж Устин Гловацкий взял для них билеты до северного Квинсленда, где он когда-то купил участок земли. Он вскоре должен был окончить службу в Британском флоте и присоединиться к ним. Их дочь Барбара рассказывает: «Мама доехала до Фримантла и подумала: "О Боже, я хочу вернуться домой!". Корабль шел дальше и из всего, что она видела, Сидней ей понравился больше всего. Кто-то на корабле ей сказал: "Если Вы поплывете дальше на север, то это будет опять вроде Фримантла". Тогда мама решила: "Лучше я выйду в Сиднее". И вот они сошли в Сиднее с корабля, но их там, конечно, никто не встречал. Они дошли до Гайд-парка и прожили там две недели. Они не знали ни слова по-английски. Каждый раз, когда они видели полицейских, им казалось, что это гестапо, и они прятались. И тут у мамы начались роды, прямо около фонтана Арчибальда в Гайд-парке. Кто-то заметил, что маме плохо и вызвал скорую помощь и они увезли ее в больницу. А Тереза и Ольга, еще совсем девчонки, когда увидели скорую помощь и полицию, спрятались в кустах, потому что все эти годы в оккупации мама говорила им, что если появляются мужчины в форме, надо бежать от них в разные стороны и прятаться. У них был специальный язык жестов, и они условились встретиться через несколько часов».

А тем временем, в больнице, у Стефании родилась Барбара - один из последних детей русских анзаков. «Когда она пришла в себя, - продолжает Барбара, - она начала плакать. Никто не мог понять, на каком языке она говорит. К ней позвали женщину из России, но она начала говорить с ней по-украински, и тут моя мама просто застыла, ведь это украинцы сдали ее в гестапо. Тогда та украинка нашла польку. И полька уже выяснила, что она жила в парке около фонтана и там остались ее дети. И тогда полиция начала поиск ее дочерей. Они ловили их четыре дня – они были дикие, буквально дикие, их было не так-то просто взять. В конце концов, их все-таки поймали и привезли к матери. Но когда мой отец добрался до Сиднея несколько месяцев спустя, у нас уже был дом, сестры пошли в школу, а я лежала в коляске». Мать часто говорила им: «Я прошла всю войну, и я никогда ничего не просила». Так же она никогда не будет просить ничего и в Австралии.

Барбара вспоминает свое детство: «Когда я была дома, мне было очень хорошо в нашей семье. А вот когда я была вне дома, я не хотела, чтобы кто-нибудь из моей семьи был со мной. Это было очень тяжело, потому что я жила в двух мирах; и я никогда не могла их примирить. Когда мой отец умер, мы переехали в новый дом – роскошный, красивый. В то время мать зарабатывала свой первый миллион, и она не хотела, чтобы я приводила домой друзей. Отец всегда готов был пригласить домой всю округу, а мама не хотела, чтобы в доме был кто-нибудь чужой. Она не ценила друзей. Хоть она и болтала, и смеялась, у нее в жизни была одна цель – сделать как можно больше денег, чтобы я получила самое лучшее образование, вообще все самое лучшее». В то время Стефания уже начала скупать жилье и сдавать его в наем. Она еще успеет сделать несколько миллионов, но никогда не откажется от приемов жестокой экономии, которые она выработала в послевоенном Сиднее – например, в конце дня она отправлялась на рынок с детской коляской, подбирая там все, что осталось на прилавках, экономя таким образом деньги на еду.

«Когда отец умер, - вспоминает Барбара, – все плакали. А когда мама умерла, все говорили: «Слава Богу!» И я подумала, что это несправедливо. На похоронах отца было столько людей, все было так помпезно! Он был анзаком и к нам пришли из Лиги ветеранов, они оплатили похороны, развесили флаги, салют из ружей – вся эта атрибутика. Еще даже волынщик был, играл «Последний пост». И вот ты думаешь – да, он заслужил все это, да, он был хороший человек, да, он был добрый, да, он любил мою маму, да, да, да. Но дело в том, что если бы мы полагались только на отца, мы бы кончили в канаве, потому что всю нашу семью подняла мать».

Эта борьба двух миров все еще продолжается в сердце Барбары. «С такой “семейной историей” я не хочу принадлежать ни к одному народу. Я принадлежу сама себе. Мне претит любой национализм», говорит она. Барбара успешно занимается бизнесом и работает учителем истории. После выхода на пенсию она собирается открыть курсы для матерей-одиночек, чтобы научить их, как добиться экономического успеха в жизни своими силами. И она никогда не выключает свой мобильник – ее ученики могут позвонить ей в любую минуту, если им нужна помощь.⁹⁶

Большой кожаный портфель

Благодаря интеграции российских анзаков в австралийское общество, их дети росли уже настоящими австралийцами, и русскому прошлому их отцов не было, казалось, места в этой новой жизни. Но все же прошлое раньше или позже звало их, и именно им, детям, предстояло проложить мост между двумя мирами – повседневным австралийским и таинственным русским, откуда когда-то пришли их отцы.

Лили, старшая дочь Александра Егорова, рассказывает, что у них дома, в Пламптоне, «отец хранил письма, написанные на русском языке, и много фотографий в большом кожаном портфеле. Когда отец работал, мы с сестрами забирались туда и рассматривали их. Мы думали, что нам это делать не разрешается, и кто-нибудь из нас стоял на страже, чтобы отец нас не застал за этим занятием. О том, что хранилось в портфеле, он с нами никогда не говорил». После его смерти портфель со всем содержимым исчез, но в памяти его детей все еще живут эти фотографии и образы «русских женщин, одетых в черные платья с длинными рукавами», которые навещали их семью, когда их мать оказывалась надолго прикованной к больничной койке. «Они приносили нам вареную колбасу и печенье», вспоминают дети.²

Примерно в это же время, в Мельбурне, другой австралийский мальчик – Давид Ваксман – столкнулся с такими же странными людьми из другого мира – престарелыми родителями своего отца, которых тот вывез из Польши перед приходом Гитлера. «Они не знали английского и жили в Карлтоне, где тогда жило много евреев. Они были настоящими традиционными польскими евреями, и это было так странно для такого австралийского мальчика, как я... Отец должен был бы больше рассказывать мне о себе, о Польше, но он был не таким человеком. У нас с ним отношения не складывались. Я был другим, я вырос в Австралии, я учился в частном колледже».³ Давид любил отца, несмотря на пропасть между ними. Когда он рассказывал мне о его смерти от туберкулеза, развившегося после отравления газом на западном фронте, голос его дрогнул...

Эти вестники прошлого, врывающиеся в австралийское детство детей анзаков из другого мира, все еще живут в их памяти и сейчас, десятилетия спустя. Да и в тех редких случаях, когда отцы рассказывали им о своем русском прошлом, детская память сохранила образы сказочной, былинной страны. Адольф

Мишкинис покинул свою родную Литву, когда ему было 13 лет. Сын вспоминает рассказы отца о том, что «религиозным воспитанием детей занималась их бабушка, которая дожила до 110 лет. Еще мой отец с удовольствием рассказывал, как они выращивали клубнику, высаженную в бочонки, и ягоды вызревали величиной с яблоко. Люди почти никогда не болели... Отец умел скакать на лошади без седла и мог на полном скаку, босоногий, стать во весь рост на спине лошади». Александр Егоров говорил Лили, что в России «он ни разу не был у доктора. Однажды, когда он разрезал руку о разбитую бутылку, его сестра зашила ему рану обычной иголкой с ниткой». Даже религия там была другой. Эрнест Дрегер, вспоминает его дочь, «получил строгое лютеранское воспитание. В детстве он часами находился в церкви и временами спал на твердой скамье, в то время как его мать молилась перед алтарем. А за суровым постом наступал великий праздник».⁴ Путешествие через всю Россию на Дальний Восток по Транссибирской железной дороге тоже входило в систему этих образов, являясь своеобразным обрядом перехода из одного мира в другой.

Лес Аверков, племянник юного анзака Вильяма Аверкова, вырос, окруженный родственниками, которые говорили по-русски и «все еще гордились своим русским наследием», но он не стал частью этого мира. «Теперь это уже потеряно навсегда. Я до сих пор об этом жалею», говорит он. Об этом разрыве с прошлым говорят все дети и внуки анзаков. Адольф Драгер, рассказывает его дочь, «не говорил о своей родине, и не говорил о войне. Мы просто принимали это как должное и не задавали вопросов». Фавст Леошкевич, вспоминает его сын, тоже молчал. «Я знаю, что он происходил из состоятельной семьи, и когда я расспрашивал его, он говорил “Это все прошлое”. И я ничего больше не мог из него вытянуть». Дочь Петра Стерлецкого объясняет: «К сожалению, мать советовала нам не задавать отцу никаких вопросов о его происхождении. Она говорила, что это только его расстроит».⁵ Памела Варрендер, дочь Нормана Майера, узнала о том, что ее отец родился в России, только когда ей исполнилось 20 лет, и пришла пора получать паспорт. Род Майер, ее племянник, внук Нормана, рассказывает о том же: «Разорвав все свои связи с еврейством, мой дед настолько скрыл свое прошлое, что его старшие дети даже не знали, где он родился... Когда он умер, наша семья с удивлением обнаружила, что в Израиле все еще живет его мать».

Почему отцы не рассказывали им о своем прошлом? Конечно, к этому не располагало время, когда слово «русский» вызывало подозрения и ассоциировалось со словом «большевик». Часто отцы не хотели, чтобы дети повторяли их опыт, оказавшись между двух миров, как об этом говорит Барбара Гловацкая. Ее семья была редким исключением – дома они говорили по-русски и по-польски, и Барбара даже ходила в русскую школу в послевоенном Сиднее и все еще хранит свой русский букварь. Но потом, вспоминает Барбара, когда в австралийской школе она упомянула, что дома они говорят по-польски, отношение к ней резко изменилось. Это был урок на всю жизнь. Тед Селтин принял сознательное решение, чтобы этого не произошло с его сыном. Сын, тоже Тед, объясняет: «Отец не научил меня ни одному слову по-латышски. Он не хотел, чтобы я рос полу-латышом, полу-австралийцем. Он хотел, чтобы я был австралийским мальчиком, и я думаю, что это было очень хорошо, потому что в школе, если ты был не таким как все, особенно в то время, к тебе начинали цепляться, и жизнь становилась совсем не простой... Так что для всех в школе я был обычным австралийским мальчиком, может быть, они даже думали, что я был из семьи с английскими корнями. Я никому не хвастался, что мой отец латыш, и не потому, что я не гордился им, совсем нет, просто говорить об этом значило создавать себе проблемы, да и вообще все это не имело для меня значения».⁶

Отцы не рассказывали им о своем прошлом, они не рассказывали им и о войне и в этом они не отличались от других анзаков. Вследствие этого поколение детей выросло не просто ассимилированным, но и отрезанным от истории отцов. Часто это начинается с фамилии. Когда дети и внуки анзаков звонили мне и представлялись по телефону, – разыскивая их, я разослала сотни писем, – я часто не могла узнать русские/прибалтийские/еврейские фамилии моих анзаков в их произношении – Игороф, Гловаки, Майк... Внучка Александра Егорова впервые услышала от меня, как звучит их фамилия по-русски. Семья Владимира Лопатина (Lopaten!) узнала значение и правильное написание из фамилии, когда кто-то из них оказался в больнице и попал там к русскому врачу.⁷ Это начинается с таких мелочей, как искажение фамилии, но в конечном итоге распространяется на отношение к прошлому. Один из сыновей анзаков сказал: «Моя сестра ничего не хочет знать об этом. У нее своя жизнь, трое сыновей... Если я заговорю об истории, она тут же говорит: “Ты живешь в прошлом”. Я ей всегда отвечаю: “По крайней мере, прошлое для меня не пустой звук”».

Да, они ассимилировались. Но что такое ассимиляция? Можно ли сказать, что ты ассимилировался, если ты внешне не отличаешься от окружающих и вырос вне связи с языком, религией и историей своих предков? Казалось бы – да. Да, если бы не наша непредсказуемая душа. Она живет по своим законам, и семя, дремавшее в ней годами, может дать неожиданные всходы. И питает его не знание, а простая любовь. Любовь к своим отцам.

Хотя австралийские семьи некоторых анзаков распались, дети, как кажется, никогда не винят своих отцов. Лиа, дочь Джека Канаева, рассказывает, что ей и ее брату-близнецу Мише было всего три месяца, когда их отец «получил работу на Фиджи – проводить там первые линии электропередач, а мама отказалась с ним ехать. Он уехал, а потом пытался вернуться к нам, но мама была такой капризной и упрямой, что она непустила его. Я знаю, что он был хорошим и добрым человеком, и родные говорили мне, что он любил маму. Если бы не ее упрямство, у меня был бы отец».⁸ Лиа предполагает, что он умер где-то в Америке, но никто не знает, когда и где; у них не осталось даже фотографии отца, и Лиа последняя, в чьем сердце все еще живет память о нем.

Отцы-анзаки оказали огромное влияние на своих детей. Леон Леошкевич закончил свои воспоминания об отце, написанные по моей просьбе, словами: «Вот я все это написал и почувствовал, что даже сейчас, а мне уже стукнуло 70, мне не хватает отца. Это был удивительный человек. Он научил меня думать... Отец был одним из немногих, кого я по-настоящему уважаю и все еще стою в его тени». Джон Панков, рассказывая о своем отце, обуреваем теми же чувствами: «Как я хотел бы, чтобы он был рядом со мной. Мне не хватает его, не хватает, уже больше сорока лет как он умер, а я все еще нуждаюсь в нем». Сыновьям тяжело было терять отцов, с которыми они были так близки, но не менее тяжело это и дочерям, в отношениях которых с отцами в те времена не было подобной близости. В рассказе Этель, дочери Николая Короткова, это прорвалось так: «Я испытала странное чувство, идя под руку с отцом к алтарю в день моей свадьбы, – мы ведь никогда не обнимались и даже не прикасались друг к другу».⁹

Отправляясь на поиски своей истории, детям и внукам анзаков часто приходится начинать почти с нуля. Когда Кэрл, внучке Ричарда (Ерофея) Григоренко было лет семь, она как-то спросила, почему у нее такая странная фамилия, и тогда ее отец, Джордж, сказал ей: «У тебя русская фамилия и ты ею должна гордиться». Годы спустя, когда она была уже Кэрл Макензи, русское прошлое властно позвало ее. Она отправилась в Каллайд Вэллей, где ее отец и дед-анзак жили перед второй мировой войной, и обнаружила старожилов, которые все еще помнили ее семью.¹⁰ Лес Аверков узнал об истории своей семьи

от своей бабушки Анны (матери анзака) и тети Ольги. Тед Селтин записал воспоминания отца на магнитофон буквально за несколько дней до смерти отца, уже в госпитале. Денис Тупиков раскопал эпизоды из истории жизни своего деда Николая, роаясь в квинслендских архивах и в местных газетах – на это у него ушли годы. Он все еще ждет, что найдутся их родственники из Самары – Тупиковы и Мюллеры, а созданная им студия мультипликационных фильмов так и называется «Самара-фильм».

Прошлое стучится к ним по-разному, иногда в самый неожиданный момент. Для Вики Костин, внучки Джона Костина, эта встреча произошла на похоронах ее отца Виктора, который воевал во время второй мировой войны на Новой Гвинее. «Я узнала, что он был на тропе Кокода только на похоронах. Отец никогда не рассказывал о войне. Наверно с этим были для него связаны очень тяжелые воспоминания, и он молчал обо всем, что там было. И когда мы об этом узнали – это было шоком для нас». Заинтересовавшись семейной историей, Вики разыскала сведения и о своем деде – русском анзаке Джоне Костине.¹¹ А ее брат, Джон Лестер Костин, ответил на голос прошлого по-своему. Он прослужил в Австралийской армии 23 года, в том числе участвовал в войне во Вьетнаме.

Жизнь и личность Луиса Бродского оказали влияние на его внучку Вивьен, историка. Когда она узнала о моих архивных находках, связанных с ее отцом, она написала: «Я посмотрела теперь новыми глазами на свою диссертацию "Марксизм и национализм в русском революционном движении", написанную в 1969 г. Отказ Луиса от иудаизма, отрицательное отношение к властям, радикализм – все это передалось и нам, но я тогда этого еще не понимала».¹²

В поисках русской души

Почти ни у кого из семей анзаков, подобно Егоровым, не сохранился «портфель с бумагами». Имеющиеся документы образовались благодаря деятельности австралийских чиновников, - «бюрократов», - которым я как историк приношу глубокую благодарность, и благодаря блестяще налаженной системе хранения документов в австралийских архивах. Наиболее ценная информация содержится в служебных досье анзаков. Дочь Короткова пишет: «Я ведь по-настоящему не знала и не понимала своего отца – и теперь я жалею об этом. Все, что мне удалось узнать о нем, пришло из его архивного досье».¹³ Да, австралийские архивы помогают восстановить историю жизни российских иммигрантов в Австралии, узнать же об их русском прошлом гораздо труднее. И все же некоторым удается и это, и часто это становится путешествием не только в поисках фактов, но и в поисках своей души.

Это, например, произошло в семье Майеров. Когда я познакомилась с Памелой Варрендер, дочерью Нормана, посетив ее в Тураке, один из первых ее вопросов был: «Объясните мне, что такое русская душа? В молодости один журналист сказал мне, что у меня русская душа, и я все время думаю об этом». «А разве Вы не чувствуете себя австралийкой?» «Нет, да и мои дети все еще ищут себя». В 1989 г. Памела побывала в Петербурге по приглашению мэра Собчака и теперь готовит к изданию свои дневники, которые расскажут о ее путешествии в прошлое. Ее племянник, Род Майер, совершил путь в другом направлении, о котором он рассказывает в очерке «В поисках моей еврейской души»: «Все эти разговоры о поисках своих корней всегда казались мне чем-то искусственным, попыткой оправдать уход от реальной жизни в мир каких-то надуманных эмоций». Но после поездки на родину его предков с ним произошла необъяснимая перемена. «Однажды ночью я проснулся и сказал себе “Я – еврей”. Это было не

столько религиозное чувство, сколько обретение себя и своего места в этом мире».¹⁴

Да, такие путешествия идут наперекор представлениям западного общества об ассимиляции. Да и можно ли ассимилировать нашу непокорную душу? И нужно ли?

Елиазар (Лазарь) Марголин, воспитанный в русской гимназии и возмужавший в Палестине, тоже, казалось бы, являет собой пример блестящей ассимиляции, он полностью вписался в австралийское общество. Хотя он отошел от религии, он завещал похоронить свой прах в земле Израиля. Когда его вдова-австралийка в 1949 г. отвезла его прах на землю Израиля, ее встретил почетный караул, который сопровождал ее от Хайфы через Тель-Авив, Сарафанд до Реховота, где Марголин был похоронен рядом с родителями. Среди пришедших проститься с ним был Давид Бен Гурион, премьер-министр Израиля, который сражался когда-то в еврейском батальоне под командованием «Марджи».¹⁵

Берил, дочь Александра Майко, рассказывает о своем путешествии в прошлое. «Когда отец умирал в 1960 г., он попросил меня поддерживать связь с его родными в Белоруссии и побывать там, если я смогу. Я должна была поехать в СССР – по Транссибирской железной дороге, и лучше всего весной, потому что это будет самое красивое время! Он говорил мне о нежно-зеленых листьях, о цветах... Такой завет выполнить мне было совсем не просто – ведь я в то время не знала русский язык, не знала, где находятся эти родственники, и была матерью троих детей – 8 лет, 6 лет и 1 год... У меня ушло 16 лет на то, чтобы выполнить это предсмертное пожелание отца... В 1972 г. я начала учить русский язык, в 1973 г. Красный Крест помог нам найти наших родственников в Белоруссии, и мы начали с ними переписываться, и, наконец, в 1976 г. мы отправились в путешествие по Транссибирской железной дороге. Мы с мужем остановились в Минске в гостинице и побывали в гостях у наших родственников, живших в Минске».

Деревня Затитова Слобода, затерявшаяся среди лугов у реки Березины, и старый дом, откуда Александр Майко начал свое эпическое путешествие 65 лет назад, так и остались за пределами досягаемости для Берил – это были Брежневские времена, и власти, «к сожалению, не разрешили нам посетить деревню отца, - говорит Берил. - Я до сих пор жалею об этом». Но к ним пришел посланец из прошлого – Анна, любимая сестра Александра, единственный лучик света в его тяжелом детстве. Она все еще жила в Затитовой Слободе и отправилась в Минск, чтобы повидать свою племянницу. «Глаза у Анны были голубые, как у отца. Когда мы покидали Минск, она принесла нам копченый окорок своего изготовления, чтобы мы взяли его с собой». Это, должно быть, был весь зимний запас мяса у Анны, но она, не колеблясь, привезла его из деревни, чтобы ее племянница не голодала на долгом пути в Австралию... Как много значила для Берил эта простая неграмотная белорусская крестьянка! В тот день она записала в дневнике: «Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Встреча с родными моего отца – это было то, ради чего я работала, учила русский язык, и о чем я мечтала долгие годы!» В другом месте она пишет: «Сидя там, в окружении родственников, я поняла слова «кровь не вода».¹⁶ Это же чувство Берил испытала и несколько лет спустя, уже во времена перестройки, когда у них в Австралии побывали их родные из Беларуси. Это были люди другого времени, не похожие на Анну и ее отца, но они все знали самое главное - каков бы ты не был, ты принадлежишь к семье. Как и к родине.

Я не удивилась, узнав недавно, что один из молодых членов семьи хочет восстановить правильную форму их фамилии – Майко, ведь в Австралии их фамилию превратили в Майк (Mike), когда Александр вступал в армию.

А вот семья Егоровых сейчас открывает это чувство принадлежности к «своим». Я уже рассказывала о том, как после смерти Александра Егорова, оставившего 10 детей, его старший сын собрал всех детей, разбросанных по приютам, в своем доме. Их «портфель с бумагами» безвозвратно пропал, и все, что осталось у него от их русской истории, было его имя: его звали Александр, как и отца, но отец часто называл его Иваном, в память о своем младшем брате, оставшемся в России, которого ему не суждено было больше увидеть. Они пытались разыскать родных из неведомой деревни Бестужево через Красный Крест, но там, видно, обращались не в ту деревню – деревень с таким названием в России несколько. Тем временем Барбара и Джой, внучки Александра-анзака, рылись в архивах, собирали все крупницы информации, которую могли сообщить об Александре и его жизни в России его дети. Я была так тронута их стремлением восстановить прошлое их семьи, что предложила Барбаре помочь, написав письмо на русском языке в «правильное» Бестужево, в Рязанской области, и отправив его на адрес школы. К нашей радости через пару недель Барбара получила e-маил от внука Ивана – Андрея. Он писал: «Я готов опять, как в детстве, поверить в новогодние чудеса – 12 декабря родственники из Бестужево приехали к нам в Москву с Вашим письмом. Мой дедушка Иван Алексеевич Егоров... долгие годы безуспешно искал своих братьев Александра и Гавриила».¹⁷ Год спустя русские Егоровы приехали в Австралию, чтобы познакомиться со своими австралийскими родными, которых уже около 150 человек. Они устроили «семейный сбор» всех ветвей семьи в роскошном поместье в Голубых горах, в доме одной из внучек Александра. После австралийского барбекю (с бараниной и креветками) на огромном экране плазменного телевизора мы смотрели видео, снятое Андреем в Бестужево – проселки, старая крестьянская изба, полуразрушенная церковь, заброшенное кладбище... Переводя комментарии Андрея, я вглядывалась в лица австралийских Егоровых – поймут ли они все это? И на моих глазах происходило чудо – два мира сливались в один, они открывали русские истоки, которые до поры до времени дремали в их душах и которые, как оказалось, были им нужны. А через год Барбара и ее семья отправились в Россию – на поиски своей русской души.

Но наши русские, российские, анзаки нужны не только членам их семей, ведь у многих из них, как мы помним, семей не было. Последнее «воссоединение», о котором мне хотелось бы упомянуть – история моряка Александра Хилтунена из Выборга. Внучка Эмили Тригг, той доброй женщины из Порт-Эллиота, которая когда-то приняла голодного юношу, сбежавшего с корабля, в свой дом как сына, а потом ухаживала за ним до его последних минут, когда он вернулся с Галлиполи умирающий от туберкулеза, написала мне: «Я заметила, что в его деле упоминается, что ему были выданы медали. В нашей семье его медалей нет. Я бы хотела узнать, что с ними случилось. Об этом меня просит мой брат, который служил в военно-морском флоте. Он хотел бы носить эти медали в память об Алексее на парадах анзаков, если это возможно, и если на эти медали нет других претендентов, то мы были бы рады иметь их».¹⁸ А на берегу океана в Порт-Эллиоте растет норфолкская сосна, посаженная его жителями в память об Алексее.

... В Австралийском военном мемориале у меня есть особое место – панель славы 49 батальона, где имя Петра Чирвина стоит между именами британца и датчанина. Первый мак я приношу Чирвину. Я выбрала это имя – не просто в память об этом солдате, доведенном до самоубийства своими сослуживцами, а ради нашей общей памяти о прошлом, о подлинном прошлом. Никогда не забудем.

- ¹ NAA, A 981/4; CONS 240, Consuls Soviet Russia General.
- ² 'A Russian Protest'. - Daily Mail, 27 August 1918, p.2.
- ³ NAA, B2455; Platkin Haim: SERN 37448.
- ⁴ NAA, MP367/1; 592/4/55, Russians Enlisted, February 1916 & January 1918 – Returns, Monthly.
- ⁵ Здесь и далее все сведения биографического характера основаны на личных досье солдат и документах о натурализации, хранящихся в Национальном архиве Австралии.
- ⁶ В тех случаях, когда нельзя с полной уверенностью дать русский вариант фамилии, я транслитерирую ее с английского с указанием английского написания.
- ⁷ Источники см. в Elena Govor, *Australia in the Russian Mirror, Changing Perceptions, 1770-1919*, Melbourne, MUP, 1997, p.145.
- ⁸ Govor, *Australia in the Russian Mirror*, pp.151-56; Каневская Г.И., Эмиграция с Российского Дальнего Востока в Австралию (по материалам дальневосточной прессы начала XX века). – Австралиада, 1999, № 20, с.34-36.
- ⁹ NAA, A1/15; 1923/4646. Simon Sutchkoff Naturalization.
- ¹⁰ Оговорюсь еще раз, что все цифры и процентные соотношения, которые я могу дать на данном этапе, не окончательные, а отражают лишь общие тенденции. Более точные данные будут представлены в следующих очерках, когда мной будут просмотрены все личные дела русских анзаков.
- ¹¹ Информация, полученная от семьи Аверковых, Квинсленд.
- ¹² Интервью с Робертом Деонком, 1.08.2001
- ¹³ Интервью с Барбарой Джаго, 23.08.2001.
- ¹⁴ NAA, A659/1, 1940/1/5335; A1/15, 1916/32105; A1/15, 1916/19578; A1/15, 15/11795.
- ¹⁵ *Daily Mail*, 17.09.1918.
- ¹⁶ NAA, A6006, 1916/7/27; A2, 1917/3671.
- ¹⁷ NAA, MP16/1, 1917/808; Kopin A. B2455/1, 66813.
- ¹⁸ Как я уже говорила в предыдущих очерках, к этой категории я отношу лиц любого происхождения в значительной степени обрусевших.
- ¹⁹ О судьбах некоторых русских, входивших в это подразделение, у меня пока нет полных сведений, возможно они тоже были ранены.
- ²⁰ Интервью с Барбарой Джаго 4.10.2001.
- ²¹ Интервью с Роном Лопатиным 13.09.2001.
- ²² Интервью с Дороти Эйлес 13.08.2001; AWM 28, Collection 2, 17th Battalion, Deonck W4; интервью с Робертом Деонком 1.08.2001.
- ²³ Jamieson W., Ball, George. – *Australian Dictionary of Biography*, vol.7, p.160.
- ²⁴ Мне удалось установить, что село Марково, откуда он родом, находится под Краковом, так что правильнее считать его поляком, а не белорусом, как я предполагала в начале. По другим сведениям он был евреем, но они не достаточно достоверны: *Australian Jewry Book of Honour: The Great War, 1914-1918*, Perth, 1923.
- ²⁵ NAA, B2455/1, Markowicz A.J.D; A2487, 1919/4963; B741/3, V/8883; *Daily Mail*, Brisbane, 14 May, 25 July 1919.
- ²⁶ NAA, B2455/1, Sast A.
- ²⁷ Russian Journalist. – *The Cairns Post*, 19 December 1919.
- ²⁸ Донесение г. Директору Департамента Полиции, № 545, 3 мая 1905 г. – Нижегородский областной архив; "Волгарь", 1905, № 112; М. Горький. Палач. – Собрание сочинений в 30-ти тт. Т.15. М., 1951, с.241-243; Г.В.Набатов. Нижегородская организация социалистов-революционеров. – <http://www.hist.nnov.ru/history/partis/>. Я глубоко признательна Святославу Георгиевичу Грешнеру, Москва, за предоставление упомянутых здесь и ниже архивных материалов из Нижегородского областного архива и Российского государственного военно-исторического архива (Москва).
- ²⁹ Российский государственный исторический архив, СПб, ф.1343, оп.19, дело 4183 (1843-1849); ф.1343, оп.19, д.4184 (1870-1872); Благодарю Н.М. Юденич и А.Я. Массова за предоставление сведений из РГИА.
- ³⁰ Послужной список ротмистра Грешнер. – РГВИА, ф.409, оп.2, дело 3796.
- ³¹ Горький. Палач.
- ³² Донесение г. Директору Департамента Полиции, № 545, 3 мая 1905 г. - Нижегородский областной архив.
- ³³ Копия шифрованной телеграммы, отправленной 27 апреля 1905 г. на имя Заведующего Особым Отделом Департамента Полиции. - Нижегородский областной архив; Прошение О.А. Грешнер товарищу Министра внутренних дел, 27.05.1905. – РГВИА, ф. 409, оп. 2 дело 3796.

- ³⁴ B.Greshner. 'From childhood on'. [Memoirs]. - Alexander Basil Greshner's Jnr. archives, Nikenbah, Queensland.
- ³⁵ Letter from Leon Leoshkevitch, 2.10.2001.
- ³⁶ Greshner. 'From childhood on'.
В предыдущем очерке, посвященном судьбе семьи Грешнеров, ряд источников в сносках не были описаны полностью. Пользуюсь случаем, чтобы восполнить этот пробел: Г.В.Набатов. Нижегородская организация социалистов-революционеров. – <http://www.hist.nnov.ru/history/partis/>; Послужной список ротмистра Грешнер. – РГВИА, ф.409, оп.2, дело 3796; Прошение О.А. Грешнер товарищу Министра внутренних дел, 27.05.1905. – РГВИА, ф. 409, оп. 2 дело 3796;
- ³⁷ NAA (ACT): A471/1, 5243, General Court Martial held 28 March 1916 Tel-El-Kebir Private Walter Beroff service no 3243; NAA (ACT): B2455, Beroff Walter: SERN 3243.
- ³⁸ NAA (ACT): B2455, McClelland, Kenneth Cyril: SERN 10551; AWM 28, Collection 2, ALH Book Recommendation, June 1917 – Dec.1917, MacClelland, K.C.
- ³⁹ NAA (ACT): B2455, Harlap Lion: SERN 1098.
- ⁴⁰ Оговорюсь еще раз, что это лишь предварительные числа и, по мере обнаружения новых анзаков, они продолжают возрастать.
- ⁴¹ NAA (ACT): B2455, Chirvin Peter: SERN 1932.
- ⁴² AWM 1DRL/0415, Lesnie, Frank Bernard, Letter 17.04.1916.
- ⁴³ AWM 1DRL/0415, Lesnie, Frank Bernard, Letter 18.06.1916.
- ⁴⁴ The Official History of Australia in the War of 1914-1918. Vol.1. Bean C.E.W. The Australian Imperial Force in France. 1916. Sydney, 1937, p.598. Бин не ссылается на источник этой истории, и мне не удалось найти имени этого русского ни в истории 9 батальона, ни в полевом дневнике батальона, хранящемся в Австралийском военном музее.
- ⁴⁵ Интервью с Барбарой Джаго 4.10.2001.
- ⁴⁶ C.E.W.Bean, Anzac to Amiens, Ringwood, 1993, p.252.
- ⁴⁷ AWM 1DRL/428, wounded and missing. Tapkin, Paul 3940.
- ⁴⁸ Bean, Anzac to Amiens, p.254.
- ⁴⁹ Очевидно он имеет в виду события кишиневского погрома.
- ⁵⁰ AWM 1DRL/0415, Lesnie, Frank Bernard, Letter 13.08.1916.
- ⁵¹ Bean, Anzac to Amiens, p.262.
- ⁵² NAA (ACT): B2455, Gorkoon William Danieloff: SERN 4799.
- ⁵³ AWM 1DRL/428, wounded and missing. Pasvalsky Louis 4872.
- ⁵⁴ AWM 28, 4th Division 4.09.1916 to 16.09.1916, Chervin, Peter.
- ⁵⁵ Bean, Anzac to Amiens, p. 264, 265.
- ⁵⁶ AWM 28, 1st Division 25.09.1916 to 14.10.1916, Ball, George.
- ⁵⁷ NAA (ACT): B2455, Bernard Frank [Lesnie]: SERN 1659A.
- ⁵⁸ AWM28, 1st Division 23.02.1917 to 7.03.1917. Box 2. Breatman [sic], George.
- ⁵⁹ NAA (ACT): B2455, Makewitz, August: SERN 1043.
- ⁶⁰ AWM30, B10.13, 4th Australian Division, 48th Battalion 8 to 13 April 1917 [Statements by prisoners of war ... 2344 Harsila, ... 4638 Karhu].
- ⁶¹ NAA (ACT): B2455, Tolstoi Andre: SERN 5760; AWM 1DRL/428, wounded and missing. Tolstoi Andre 5760.
- ⁶² NAA (Vic.): MP95/1, 167/85/91, Queensland Censors Special and Secret Intelligence Reports [March 1919], S.A.Kalinin to I.F.Chistiakoff, 26.02.1919.
- ⁶³ NAA (ACT): A471/1, 5191, Field General Court Martial – 152 Private Acton, N; 1624 Private Ivanoff, J; 332 Private Brown, D; 2123 Private Burton, S; 455 Private Charge, C.; NAA (ACT): B2455, Ivanoff John: SERN 1624.
- ⁶⁴ NAA (ACT): B2455, Karelin Alexander Peter: SERN 2168; AWM28, 1st Division 14.04.1917 to 25.04.1917, Karelin, Alexander.
- ⁶⁵ NAA (ACT): B2455, Rosing Ian: SERN 393.
- ⁶⁶ AWM 1DRL/428, wounded and missing. Kunin Gregory 5043.
- ⁶⁷ AWM28, 4th Division 24.09.1917 to 30.09.1917, 3493 Saddler-Corporal John Siwczynski.
- ⁶⁸ AWM28, 1st Division 1.10.1917-10.10.1917, 1377 Corporal Albert Lukander.
- ⁶⁹ E-mail from Vincent Mishkinis, son of Adolph Mishkinis, 2.04.2002.
- ⁷⁰ AWM28, 2nd Division 11.05.1918 to 21.05.1918, 4363 Pte. John William Blankenberg; *The Official History of Australia in the War of 1914-1918. Vol.6. Bean C.E.W. The Australian Imperial Force in France during the Allied Offensive, 1918.* St Lucia, University of Queensland Press, 1983, pp.119, 120, 134.NAA (ACT): B2455, Blankenberg John William: SERN 4363.
- ⁷¹ NAA (ACT): A471/1, 8266, ... Private, PERMJAKOFF, Nicholas; B2455, Permakoff Nicholas: SERN 7289.

- ⁷² NAA (ACT): B2455, Osipoff Michael: SERN 5636.
- ⁷³ AWM28, 1/166, 3rd Division 29.06.1918 to 12.07.1918, 2281 Pte Samuel Harold Krantz;
- ⁷⁴ AWM28, 1/168, 3rd Division 5.08.1918 to 12.08.1918, 2160 Pte Gerhard Martyn Skuzar. (sic)
- ⁷⁵ AWM28, Collection 1, 2nd Division, 5.08.1918 to 12.08.1918. 1624 Private John Ivanoff.
- ⁷⁶ AWM28, 1/169, 4th Division 13.08.1918 to 21.08.1918, 2043 Cpl Nicholas Lagutin; 1/116, 2nd Division 13.08.1918 to 21.08.1918, 4538 Cpl Emerick Schimkovitch.
- ⁷⁷ NAA (ACT): B2455, Putre John: SERN 5726.
- ⁷⁸ *The Official History*, vol.6, pp.798-99, 801-802; NAA (ACT): B2455, Krauklys John Robert: SERN 6572.
- ⁷⁹ AWM28, 5th Division 27.08.1918 to 5.09.1918, 14th FCAE, 7424 Sapper Basil Greshner.
- ⁸⁰ AWM28, 1/118, 2nd Division 27.08.1918 to 5.09.1918, 1668 Pte Emil Darlstrom.
- ⁸¹ NAA (ACT): B2455, Adolfsson Adolf Sven: SERN 5291.
- ⁸² AWM28, 1/173, 4th Division 11.09.1918 to 24.09.1918, Part 3, 1932 Pte Peter Chervin.
- ⁸³ 'Armistice Day – a time to remember', *Camden Haven Courier*, 7 November 1990.
- ⁸⁴ NAA (Vic.): MP95/1, 167/85/91, Queensland Censors Special and Secret Intelligence Reports [March 1919], N.Stepanoff to M.Stepanoff, 3.03.1919. ² NAA (ACT): A1/15, 1931/7994, Dr M Klatchko – Application for certificate of naturalization. ³ AWM 3DRL/428 POW, Box 202. 7339 Pte Simon Sutchkoff. ⁴ NAA (ACT): B2455, Voitkun Andreas: SERN 2134; AWM 3DRL/428 POW, Box 214. 2134 Pte Andrew Voitkun. ⁵ AWM 3DRL/428 POW. Box 154. 1891 Pte Frans Albert Nyblom. ⁶ AWM 1DRL/428, wounded and missing. 4872 Pte Louis Pasvalsky; 2175 Pte John Gustaf Graubin; 596 Lance Corporal Usko Leonard Salonen. ⁷ Interview with Barbara Fox, granddaughter of Alexander Egoroff, 1.10.2001; with Lily, daughter of Alexander Egoroff, 3.11.2002. ⁸ 'Nicholas Tupicoff' [by his children]. - Alan Tupicoff's archives; Interview with Dennis Tupicoff, grandson of Nicholas Tupicoff, 6.11.2001. ⁹ Letter from Myra Shephard, daughter of Peter Sterlesky, 18.05.2002; Interview with Robert Deonck, grandson of William Deonck, 1.08.2001. ¹⁰ NAA (ACT): A435/1, 1947/4/1339, Janshewsky Edward Rudolph – born 09 October 1883 – Stateless; NAA (ACT): B2455, Janshewsky Edward Rudolph: SERN 2687; NAA (ACT): A471/1, 18385, Proceedings of Field General Court Martial on Active Service - 2687, Private, JANSHEWSKY, Edward - 1st Aust Pioneer Battalion, AIF. ¹¹ NAA (ACT): B2455, Evert Nicholas: SERN 588. ¹² NAA (ACT): A1/15, 1918/12686, Effim Chernianin Naturalization. ¹³ B.Bowen, 'Alexander Mike – my father' - Beryl Bowen's archives, Gosford, NSW. ¹⁴ NAA (ACT): B2455, Zavodhkov William: SERN Depot. ¹⁵ 'Myer – head man and floor-sweeper', *The Herald*, 10 January 1948, p.7. ¹⁶ Family Memoirs of Dr. Alexander Brodsky, Unpublished, circa 1979-81. - Vivien Brodsky's archives. ¹⁷ E-mail from Lorraine Pomery, granddaughter of Alexander Hiltunen's friends, 30.04.2002.
- ⁸⁵ Н.М.Кристесен, Из воспоминаний. – Австралиада, 1997, № 14, с. 19. ² Barbara Jago, interview, 4.10.2001. ³ NAA (ACT): B2455, Kazakoff, Alexis: SERN 1762; A471/1, 7005, Proceedings of FGCM ... 7005, Gunner, KOZAKOFF, A. ⁴ Leon Leoshkevitch, letter, 2.10.2001; Edward Robert Seltin, tape, 26.10.2001. ⁵ NAA (ACT): B2455, Jeschek Frank: SERN 6753; NAA (ACT): B2455, Chepurnoff Dimitry: SERN 4767. ⁶ AWM 25, 175/3, Censorship; AWM 25, 175/7, Censorship. «Превосходные солдаты», о которых шла речь в письме были Степан Лузги, Джордж Васильев, Иосиф Рудецкий, Джордж Плотников, Томас Хабаев и Андрей Жабинский из северного Квинсленда, которые отправились из Австралии в Галлиполи на «Асканиусе» в мае 1915 года. ⁷ NAA (ACT): A471/1, 11419, FGCM... 4865 Private Nemirovsky, Michael. ⁸ NAA (ACT): A471/1, 6101, Proceedings of FGCM ... 1905, Private, KADAK, A. ⁹ NAA (ACT): A471/1, 2324, [RODIONOFF N. ... 5824 FGCM]. ¹⁰ NAA (ACT): A471/1, 19201, Proceedings of DCM ... 3635, Private, THOMASSON, Thomas. ¹¹ NAA (ACT): A471/1, 8051, Proceedings of FGCM ... 2878, Private, TUAGARIN, John. ¹² NAA (ACT): A471/1, 7383, DCM ... Private Joseph Felipov ... no 4326. ¹³ Jack Rosing, interview, 18.11.2001. ¹⁴ R.J. Austin, As rough as bags: the history of the 6th Battalion, 1st AIF, 1914-1919, McCrae, Vic., 1992, p.195. Талава был убит во время августовского наступления в 1918 г. ¹⁵ NAA (ACT): B2455, Gulevich Nicholas 1994. ¹⁶ NAA (ACT): B2455, Kotzebue Nicholas: SERN 5074; NAA (Vic.): MP16/1, 1918/296, Kotzebue, Nicholas. ¹⁷ NAA (ACT): A471/1, 13462, DCM ... Private Mahrtin Mikkell Antin ... no 1408. ¹⁸ NAA (ACT): B2455, Puss Jack: SERN 1557. ¹⁹ NAA (ACT): B2455, Reimann, Freidrich Reinhold: SERN 4501.
- ⁸⁶ NAA (ACT), B2455, Platkin Haim: SERN 37448. R. Monson, 'Ex-Anzac, 80, held in Arab Camp', *Adelaide News*, 22 June 1948; NAA (ACT): A435/1, 1948/4/2237, Platkin Harry Samuilovich. ² NAA (ACT): B2455, Bell Isaak: SERN 6768; NAA (ACT): A471/1, 1550, [BELL, Isaac]. ³ NAA (ACT): A471/1, 16655, Proceedings of FGCM on Active Service - 6758, Private, JOSEPHSON, Joseph. ⁴ Leon Leoshkevitch, interview, 14.10.2001. ⁵ NAA (ACT): B2455, Yurak Oscar: SERN 2668. ⁶ NAA (ACT): A471/1, 16193, Proceedings of FGCM on Active Service - 6213, Private, BRANDT, W. ⁷ NAA (ACT): A471/1, 8592, Proceedings of FGCM on Active Service - 2241, Private, SNEGOYOY, A. ⁸ NAA (ACT): A471/1, 18385, Proceedings of FGCM on Active Service - 2687, Private,

- JANSHEWSKY, Edward. ⁹ NAA (ACT): B2455, Wagin, John: SERN 3486. ¹⁰ NAA (ACT): B2455, Smagin Gregory: SERN 2196. ¹¹ NAA (ACT): B2455, Glavasky Usten: SERN 2143. ¹² NAA (ACT): A441/1, 1951/13/10621, Kirvalidze, P. ¹³ Welborn, 'Margolin, Eliezer', pp.408-409; Zhabotinsky, *Slovo o polku*, Ch.15. ¹⁴ NAA (ACT): A2487, 1919/8472, Request for assistance - S.V. Romashkevich.
- ⁸⁷ N. Stepanoff to M. Stepanoff, 3.03.1919, in NAA: MP95/1, 167/85/91; ²NAA: B2455, Matrenin G.; ³NAA: A1, 1919/9508; ⁴NAA: A1, 1918/10222; ⁵NAA: B2455, Malisheff G.; Beryl Bowen, Alexander Mike – my father; ⁶NAA: A2481, A1918/6461; ⁷Gooliaeff, interview; ⁸Eyles, interview; ⁹NAA: A471, 13467; ¹⁰'Russian soldier's death', *Sydney Morning Herald*, 23 April 1919, p.8. NAA: B2455, Chirvin P.; ¹¹NAA: A402, W302; ¹²R. Evans, "Agitation, ceaseless agitation": Russian radicals in Australia and the Red flag riots', in J. McNair and T. Poole (eds), *Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations*, St Lucia, UQP, 1992, p.129. ¹³Evans, Ibid., pp.154–60; ¹⁴NAA: A456, W26/241. *Daily Mail* (Brisbane), 26 March 1919, p.7; ¹⁵NAA: B2455, Meerin R.; ¹⁶NAA: A659, 1940/1/7540; ¹⁷NAA: B2455, Kusmin P.; ¹⁸NAA: PP14/1, 2/1/367; ¹⁹NAA: MP367/1, 512/1/898. NAA: A6126, 1153. Я признательна Ивану Вагину младшему за фотографию; ²⁰'Russians fight. Why not a Bolshevik?', *Sun* (Sydney), 7 May 1919. NAA: SP43/2, N59/21/590. NAA: B2455, Markoff M.
- ⁸⁸ NAA: A1, 1920/3694. ² NAA: B741, V/197. ³ NAA: A446, 1960/35906. NAA: PP302/1, WA935. ⁴ NAA: A1, 1923/12211. ⁵ NAA: B741, V/197. ⁶ NAA: A1, 1923/12211. ⁷ "Vigilance", 'Russian Bolsheviks in Queensland', *Daily Mail* (Brisbane), 19 August 1918, p.6. NAA: A1, 1919/14595. ⁸ Kallashnikoff, 'A Russian Protest'; L. Berk *et al.*, 'Protest by Russian Soldiers'; W. Kalashnikoff, 'Russian Soldiers' Protest', in NAA: A1, 1919/14595. L. Berk *et al.*, 'Russian Soldiers' Protest', *Daily Mail* (Brisbane), 17 September 1918, p.7. ⁹ Evans, *Red Flag Riots*, p.66. ¹⁰ NAA: A1, 1919/14595. NAA: MP367/1, 512/1/898. ¹¹ NAA: A2487, 1919/8472. ¹² NAA: A981, CONS 240. ¹³ NAA: A981, TRAD 110. ¹⁴ A.Mike, The story of my life (as told to his wife, Florence May Gallard Mike, and recorded by her), 1957. Фотографии из архива дочери Майко Берил Бовен. ¹⁵ A.B.Facey. *A Fortunate Life*, Fremantle, 1981. Здесь и далее использованы названия глав из этой книги.
- ⁸⁹ Barbara Fox, interview; ² NAA: A1, 1921/17688; ³ Vicki Kostin, letter, 21.11.2001; ⁴ Nicholas Tupicoff [by his children]; ⁵ Gooliaeff, interview & letter; ⁶ Harold Jurgenson — interview, 20.10.2001; letter, 6.12.2001; ⁷ Dreger, Caring for Others ...; Dreger, Ernest Michael Dreger; ⁸ Volkofsky, interview, 9.11.2001; ⁹ Mike, The story of my life; ¹⁰ Alexandra Tupicoff, A family history, 1985, Tupicoff archive; Tupicoff, interview; Nicholas Tupicoff [by his children]; ¹¹ Averkoff — e-mail, 25.07.2001; interview; ¹² Material collected by local historian Ken White, Tangool, for Carol McKenzie (George Gregorenko's daughter), McKenzie archive. Я благодарна семьям Гуляева, Дрегера, Волковского и Тупикова за предоставленные фотографии.
- ⁹⁰ NAA: B2455, Ankudinow M. NAA: A659, 1940/1/5657. ² NAA: B2455, Orloff S. NAA: A435, 1948/4/571. ³ NAA: B2455, Abrahamovitch H G. ⁴ NAA: B2455, Mannerman L. ⁵ NAA: B2455, Gusaroff A. ⁶ NAA: B2455, Mikolaizyk V I. NAA: A659, 1941/1/1254. ⁷ NAA: B2455, Kadak A. NAA: A659, 1943/1/3373. ⁸ NAA: BP 4/3. ⁹ NAA: BP25/1 Romanzoff N Russian. ¹⁰ NAA: BP4/3, box 62. NAA: A659, 1939/1/16145. ¹¹ NAA: BP 4/3, box 64. NAA: A2487, 1921/14926. Violet Cotman, interview, 7.10.2001. ¹² NAA: A1, 1925/9457. ¹³ Janice Hunter — letter, 13.11.2001; interview, 21.11.2001. Фотографии: Анкудинов (NAA B883, VX30403), Румянцев (NAA, BP25/1, ROMANZOFF N RUSSIAN), Степанов (NAA, A1, 1929/9851).
- ⁹¹ ¹ Pankoff, Memories of my father. ² Seltin, tape. ³ NAA: A2487, 1920/2196. ⁴ Volkofsky, interview, 9.11.2001. ⁵ Capouski, letter, 20.03.2002. ⁶ E. Govor, *My Dark Brother: The Story of the Illins, a Russian-Aboriginal Family*, Sydney, UNSW Press, 2000, p.105. ⁷ NAA: A2487, 1920/1847. NAA: B2455, Plotnikoff G. ⁸ AWM43 A436, Official History, 1914–18 War: biographical and other research files. Kamishansky G. ⁹ Lazarus, interview. ¹⁰ 'Myer – head man and floor-sweeper', p.7. NAA: A463, 1958/3057. ¹¹ Waxman, interview. ¹² Jago, interviews, 23.08.2001, 4.10.2001. ¹³ Lopaten, interview. ¹⁴ Florence Mike, letter to children, 30.03.1962, Bowen archive. ¹⁵ *Victor Harbour Times*, 9 January 1917.
- ⁹² Dorothy Eyles, letter, 18.10.2001. Beryl Bowen, interview, 24.11.2001. Pankoff, Memories of my father. Leoshkevitch — interview, 14.10.2001; letter, 21.10.2001. ² Dreger, Ernest Michael Dreger I. Letters — Gillies; Lembit, interview; ³ Seltin, tape, ⁴ Volkofsky, interview, 9.11.2001; ⁵ Fox, interview; ⁶ Leoshkevitch, interview, 14.10.2001; ⁷ Volkofsky, interview, 9.11.2001; ⁸ Pankoff, Memories of my father; ⁹ Collath, e-mail; ¹⁰ Letters — Myra Shephard, 18.05.2002; Fox, 11.2001. Volkofsky, interview, 9.11.2001; ¹¹ Interviews — Leoshkevitch, 14.10.2001; Averkoff; ¹² Interviews — Eyles; Lopaten; ¹³ Frank Mike, interview, 3.04.2001; ¹⁴ Alexander Mike [Biography]; Seltin, tape.

- ⁹³ Mishkinis, e-mail; Korotcoff, interview, 3.11.2001 ² Rosing, interview; ³ Webberley, interview, 3.10.2001; Seltin, tape; ⁴ NAA: BP230/6, Folder 3. Nicholas Tupicoff [by his children]; ⁵ Jago, interviews, 23.08.2001, 20.09.2001; ⁶ NAA: A441, 1951/13/10621; ⁷ Volkofsky, interview; ⁸ Simonoff's list is in the file NAA: A1, 1923/8359. NAA: A2481, A1918/3331; ⁹ NAA: PP14/1, 1/2/674. NAA: B2455, Borisoff M T.; ¹⁰ NAA: B13, 1934/14672; ¹¹ NAA: A1, 1929/9851. NAA: A402, W302. NAA: A659, 1941/1/3439; ¹² Greshner archive — Basil Greshner, My Trip to Russia; Seven Weeks with the Cattle at Sea.
- ⁹⁴ Leoshkevitch, interview, 14.10.2001; NAA: B2455, Afendikoff C. NAA: A1, 1920/7816; NAA: A1, 1922/605; ²Dreger, Ernest Michael Dreger I; Dreger, Caring for Others ...; Interviews — Gooliaeff; Lopaten; Volkofsky, 9.11.2001; Brutton. ³Ethel Williamson, letter, Korotcoff archive; Capouski, letter, 7.01.2002. ⁴Pankoff, Memories of my father; Brutton, interview; Lieut. Colonel Eliazir Margolin', *Bulletin* (Sydney), 28 June 1944; Welborn, 'Margolin, Eliezer', pp.408–09; ⁵Е.Говор. Еврейские анзаки. — Возрождение, 2006, № 32; NAA: A2487, 1919/4963. ⁶NAA: C123, 14424; NAA: A1, 1920/3539; NAA: A1336, 21993; NAA: A367, C81583. ⁷Interviews — Korotcoff, 3.11.2001; Waxman; Volkofsky, 9.11.2001. ⁸NAA: A435, 1946/4/2081; NAA: A1, 1934/9592; NAA: A659, 1940/1/6666; NAA: A1, 1923/21304; 'Russian Here 40 Years Is Naturalised', *West Australian*, 29 July 1952. ⁹NAA: A1, 1921/3357; NAA: A1, 1936/6207; Alexander Mike [Biography]; Jago, interview, 23.08.2001; ¹⁰Fox, interview; Cotman, interview; Volkofsky, interview, 9.11.2001. ¹¹Leoshkevitch — interview, 14.10.2001; letter, 21.10.2001; Pankoff, Memories of my father.
- ⁹⁵ NAA: B2455, Abrahamovitch H G. NAA: B2455, Brodsky L.; 2 NAA: A435, 1947/4/1339; 3 Korotcoff, interview, 3.11.2001; 4 Waxman, interview; Seltin, tape; 5 'Myer — head man and floor-sweeper', p.7; NAA: A463, 1958/3057; Mishkinis, e-mail. 6 NAA: BP242/1, Q6814; 7 Fox, interview; 8 NAA: A446, 1957/55417. NAA: A659, 1940/1/7540. NAA: A435, 1945/4/866; 9 NAA: C123, 1397; 10 It can happen here! the case of an A.I.F. soldier, a naturalised British subject, Melbourne, ACCL, 1944; Thelma Webberley, interview, 27.10.2001; B. Patkin, Peter Komesaroff, Webberley archive; 11 Volkofsky, interview, 9.11.2001; 12 Jago, interviews, 23.08.2001, 4.10.2001; 13 NAA: A989, 1944/971/15. NAA: A1066, IC45/58/1/1; 14 J.R. Rowland, The Sculptor of Candles, Canberra, 1985.
- ⁹⁶ Jago, interviews, 23.08.2001, 4.10.2001. 2 Barbara Fox — e-mail, 6.04.2003; interview. 3 Waxman, interview, 11.11.2001. 4 Mishkinis, e-mail; Fox, interview; Dreger, Ernest Michael Dreger I. 5 Averkoff, e-mail, 25.07.2001. Interviews — Gillies, 14.08.2001; Leoshkevitch, 23.09.2001. Shephard, letter. 6 Seltin, tape. 7 8 Brad Lopaten, interview, 13.09.2001. 8 Leah Jas — e-mail, 4.09.2001; interview 16.09.2001. 9 Interviews — Leoshkevitch, 30.09.2001; Pankoff. Ethel Williamson, letter, Korotcoff archive. 10 Carol McKenzie, interview, 30.08.2001. 11 Vicki Kostin, interview, 24.11.2001. 12 Vivien Brodsky, e-mails, 1.09.2001; 17.10.2001. 13 Ethel Williamson, letter, Korotcoff archive. 14 R. Myer, 'In search of my Jewish soul', 'Good Weekend' magazine, Sydney Morning Herald, 12 August 1995, pp.50–55. 15 Welborn, 'Margolin, Eliezer', p.409. 16 Bowen archive — Bowen, Alexander Mike — my father, Our Russian connection, Diary, 1976. Beryl Bowen, letters, 3.11.2001, 7.11.2001. 17 Letter from Andrey Kovalenko to Barbara Fox, 12.2001. 18 Lorraine Pomery, e-mail, 30.04.2002.